

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ГЕРМАН РОМАНОВ

КРЕСТОНОСЕЦ из будущего
Самозванец

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака!» и «„Попаданец“ на троне»! Наш человек в альтернативном Средневековье, где почти вся Европа и Русь завоеваны арабами, а последние христианские анклавы один за другим гибнут под ударами мусульман. Выдавая себя за пропавшего без вести командора Ордена Креста, пришелец из XXI века должен возродить вымирающее рыцарство и возглавить Реконкисту. Никакой мистики! Никакого оружия из будущего! «Попаданец» может рассчитывать лишь на собственные силы!

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)

- [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
-

Герман Романов
КРЕСТОНОСЕЦ ИЗ БУДУЩЕГО
Самозванец

ПРОЛОГ

— Ах ты мой милый, ты мой ненаглядный!

Просыпаться не хотелось, открывать глаза было не вмоготу. Андрей поежился, ощутив озорной влажный утренний холодок.

— Я кушать принесла тебе! — Голос звучал уже рядом.

— Да, дорогая, — промурлыкал он.

Андрей с хрустом, вкусно, потянулся. Тело, сбросив с себя остатки сна, вновь ощутило радость бытия. Только сразу же это ощущение и пропало, дальнейшее оказалось не очень приятным делом.

— Да какая я тебе дорогая?! Тьфу на тебя! Шлялся где, спрашиваю, опять всю ночь, скотина?!

Сварливому женскому голосу в унисон вторил такой же противный поросячий визг. Андрей еле открыл глаза. Жена стояла напротив него, уперев руки в бока.

— Ну, че молчишь?! — Анна требовательно топнула ногой. — Опять с Варькой по сеновалам шастал?! Ну?

— Не нукай! Ты мне не конюх, я тебе не жеребец!

Андрей, кряхтя, вылез из большой копны и отряхивал с себя приставучие соломинки.

— Да какой ты жеребец?! Ой, люди, гляньте-ка, — жена всплеснула руками. — Уже как полгода от тебя ни молока, ни шерсти... Ох!

Она с трудом присела на лавку и обхватила руками большой живот.

— Ты чего ведра полные таскаешь? — Андрей подхватил ведро и перевернул его в кормушку поросенку. — Дитю ведь скоро...

— А ты че, меня пожалеть решил? — Жена с трудом наклонилась, чтобы перемешать в корыте бурду. — Кушай, кушай, мой дорогой!

Поросенок, погрузив пяточок почти по самые глаза в жижу, с упоением чавкал, жена гладила его по еще не успевшей стать жесткой щетинке на розовой спинке.

— А-а! Его-то ты больше, чем меня, любишь! — Андрей помог ей выпрямиться. — Свинтус у тебя дорогой, а я — скотина! — Он, улыбаясь, попытался поцеловать жену в щеку, но та отстранилась. — А, мать? Как такое может быть? По какой причине?

— А так! От порося толку больше, чем от тебя на дворе! У тебя, вона, ум из ушей скоро ползет! Причину ему, вишь, подавай! А причина, она, вот она: Варька твоя!

Жена гневно сузила глаза — лицо покраснелось. И тут же зачастила, выплевывая слова и слюни:

— Раньше, хоть, чегой-то мало-помалу делал, а как связался в ней, так и совсем дома не бываешь! Утром на рыбалке, днем с Варькой, ночью, вона, уже повадился со двора шастать! Спишь и то от меня подальше, на сеновале! Думаешь, я не слыхала, как воротина утром скрипнула? Петух еще не орал, как ты на двор заявился! У-у-у! — Она погрозила ему пустым ведром. — Как есть повыдираю ей волосья, глаза ее бесстыжие выцарапаю! Ну, ладно, она — дура малахольная, все со своими книжками бегаёт! А ты, козел старый? Ты в зеркало-то на себя глянь! Ну, че молчишь?

— Да я же говорил тебе, что мы персеиды смотреть ходили, сейчас же конец августа, как раз они через орбиту Земли проходят! — Андрей замялся, не зная, как объяснить супруге.

— Чего?! — Она подперла руками поясницу, широко расставив ноги. — Ох... Етить твою мать! Люди добрые, гляньте-ка, он еще и умничает!

— Звезды это такие падающие! Анна, — та недовольно отвернулась, — последний раз тебе

говорю, перестань меня цеплять! У нас с Варварой ничего нет! Она еще совсем девчонка, в институт ведь поступать на будущий год будет, с Татьяной нашей ровесница! И зовет она меня дядя Андрей, не иначе! А тебе бы все поворчать!

— Ишь ты! Я его цепляю! Как шугану твою Варьку со двора да еще ведро помойное ей на голову надену! — Жена разошлась не на шутку. — Про дочку вспомнил! Она тебя тоже дядя Андрей зовет! Потому как ты чужой ей! Вона, лучше бы о моей девке так заботился, подарки дарил бы, вот она тебя папкой и стала бы кликать! — Анна, переваливаясь, как утка, медленно пошла к дому. — Ты Варьке-то своей с города в последний раз чего привез? Денег стратил кучу! Помнишь? А Таньке?

— Ну, мы же говорили уже об этом, Анна! — Андрей нахмурился. — У девки, кроме бабки Магды, никого нет, вот я и привожу книги. Ей же в институт готовиться надо! А у Таньки твоей одни гулянки и парни на уме! Ей-то учебники вряд ли понадобятся, а тряпки да помаду ты сама ей покупай, я же всю пенсию и так тебе отдаю!

— Ай! — Анна махнула рукой. — Бабы меня засмеют! Жена, вона, скоро дитя ему народит, а он с чужой девкой днями и ночами вошкается, звезды свои глядит!

— Ну, хочешь, я с ней дома у нас буду заниматься? — Андрей просительно поднял брови. — Анечка, ну не могу я целыми днями без дела мотаться! Вот с девчонкой и занялся немецким, в иняз ведь готовится! А я, хоть и годков двадцать назад это было, но сам на том факультете цельных два года оттрубил! Как не помочь?! И ей хорошо, все одно не самой, и мне — язык тренирую, мозг развиваю...

— Ха! Язык он тренирует! Ты с кем говорить-то по-немецки будешь тута? С дедом Иваном? Так он с войны только «Гитлер капут» и «Хенде хох» помнит! — Она открыла дверь в дом.

— А что? — Андрей взорвался. — Водку жрать лучше? Ты что, забыла, как мужик твой в реке по пьянке три года назад утоп? Забыла? Напрочь память тебе отрезало?!

— Что то зараза, что то! Что водку пить, что книжки твои глупые читать! Вон, дитя народится, молока нужно будет, корову еще нужно будет заводить, а у нас для бычка-то сена толком не запасено! Косилку, вона, почини! Все лето литовкой махали! Сидит с утра до ночи, книжки свои читает! Тьфу, срамota! На рыбалку лучше сходи! стыдoba...

Анна с силой хлопнула дверью, и последние слова Андрей уже не расслышал...

* * *

Клевало изрядно — рыбалка на небольшой сибирской речушке была в полном разгаре, да такая, что поплавок ежеминутно уходил под воду, а дальше зависело от самого рыболова.

Однако Андрей являлся не совсем умелым ловцом — он ухитрялся вытаскивать на бережок только одну из пяти клюнувших рыбин.

Но даже и такой неуклюжий лов принес прибыль — в целлофановом пакете у его ног шевелилась уже парочка крупноватых, чуть ли не в локоть, хариусов.

Андрей не глядя достал из куртки помятую пачку сигарет, зубами подцепил последнюю. Пустую пачку аккуратно засунул обратно в карман.

Он уже приучил местную молодежь убирать за собой на бережке, где любил порыбачить, следы ночных посиделок с неизменными пластиковыми бутылками дешевого пива, так что и самому не следовало мусорить.

— Эх, Анна, Анна! — Он задумчиво поскреб подбородок. — Хорошая ведь баба! Ну почему ты меня не хочешь понять?

Адресованный в пустоту вопрос так и остался без ответа. Крупная рыбина, не меньше чем на три килограмма, неудачно подсеченная Андреем, с победным видом ударила серебристым хвостом по голубой воде, подняв каскад брызг, и ушла на глубину, утянув за собой крючок и грузило вместе с порванной леской.

— Ферфлюхте, и тут невезуха! — матерясь вполголоса, Андрей перематывал новую леску. — Эту-то точно не порвешь, курва! — Он погрозил кулаком в сторону реки. — Зря, что ли, я за нее такие деньжищи отдал?

Купленную весной на китайской барахолке леску он хранил на особый случай, но другой не было, и пришлось, хоть и с немалым сожалением, открывать яркую упаковку с непонятными иероглифами и нарисованной акулой на огромном крючке.

— Пся крев! — Толстая леска соскальзывала с катушки. — Матка Боска!

Этот набор из вычурных ругательств стал для него в последнее время заменой русского народного крепкого словца.

Варенька, с которой он с таким чаянием заново изучал немецкий, была полькой по происхождению. Бабка Магдалена, помнившая девочкой депортацию в Сибирь, до сих пор дома говорила только по-польски.

У Вареньки в разговорах тоже часто проскакивали польские слова. Особенно не любила бабка Магда занятия немецким языком, когда они с книгами рассаживались за круглым столом в единственной комнате небольшого дома.

— Идзь до пекла, Анджей! Да, да! Иди к черту! — Бабка в сердцах плевала и уходила за занавеску. — Погнали тебя из бурсы, даром что два года там по-пёсьи лаяться учился! Вот как стал Панове офицером, так и добре! И сейчас какой ладный кавалер! А, Барбара?

Варенька неизменно стыдливо опускала глаза и краснела, а Андрей, машинально выговаривая польские слова, под столом брал ее тоненькую ладошку и крепко сжимал...

— Акулу я, конечно, не поймаю... — Андрей наконец справился с непослушной катушкой и приделывал грузило и крючок, благо банку с рыболовными снастями он всегда таскал с собой, — но тебя, — рыбина, словно издеваясь, плеснула недалеко от противоположного берега, — я вытяну! Порадую Анну, а то с пустыми руками она меня вообще на порог не пустит!

Понятно, что домой теперь, особенно после утренней ссоры, идти он не хотел, вот и сидел уже третий час на берегу. Припекало солнце, и Андрей расстегнул ветровку.

Одет он был стандартно для этих весьма глуховатых мест — разбитые кроссовки, мягкое и грязное синее спортивное трико, порядком ветхая пятнистая камуфляжная зеленая куртка, прожженная во многих местах.

Вот только на голове, вместо какой-нибудь привычной для деревенского мужичка кепки или шапки, красовался краповый берет с дыркой на месте кокарды, а из-под ворота куртки выглядывала тельняшка в такую же багровую полосу.

Эти элементы военной униформы не совсем гармонировали с обычной одеждой деревенских, но очень соответствовали выражению его лица, которое на многих слабонервных гражданских людей производило неизгладимое впечатление: чуть прикрытый русыми волосами лоб пересекал коричневатый широкий рубец шрама.

Подобный рубец шел также от левого виска к центру подбородка, но проследить его окончание было делом трудным — мешала густая растительность, которую уже нельзя назвать щетиной, но еще рано именовать бородой.

Андрею можно было смело дать за полста годов на вид, хотя на самом деле он был моложе почти на десяток — больно его старили безобразные шрамы, обильная седина и борода.

Неприятное впечатление оставляли и его серые глаза — очень цепкие, холодные и

колючие, с чуть плескавшейся темной водицей беспощадной жестокости и безумия.

Прежде, в той, старой жизни, Андрей Никитин был лихим воякой с майорским званием. Теперь же находился он в полной отставке — оформили на пенсию два года назад.

С ним эскулапы возились недолго — после многочисленных контузий и ранений он начал «шизовать», и врачи быстренько его выписали с инвалидной справкой, а начальство не менее быстро уволило на заслуженный отдых.

Однако не было бы счастья, но только несчастье помогло, если можно так сказать. Весной умерла бабушка и оставила ему свой дом в таежной сибирской деревушке. Андрей после оформления пенсии и получения всех нужных справок сразу переехал на новое место жительства.

Наследство оформили ему очень быстро, особенно после того, как он выбросил из окна кабинета чиновника, который весьма необдуманно потребовал взятку в две тысячи рублей за оформление бумаг.

Выйдя в очередной раз из психиатрической лечебницы, завсегдаем пограничного отделения которой он стал, Андрей тут же получил на руки все необходимые бумаги и на машине местного РОВД, от греха подальше, поехал в свою деревню.

Личная жизнь также потихоньку устраивалась: сразу уж глянулась ему дородная соседка. Анна была, по определению классиков, кровь с молоком — красивая, статная, длинные темные волосы туго уложены на голове, сильные руки, гордая осанка.

Вначале он попросил соседку стирать ему и помогать с огородом — за плату, разумеется. Тысяча наших «деревянных» рублей составляли добрую половину заработка скромной продавщицы сельпо.

Понятно, что Анна скоро оказалась в его постели. Расчет с ее стороны был понятен: сорокалетняя баба с дочкой, оставшись одна вдовой, нашла в Андрее свое скромное женское счастье с невиданным по деревенским меркам роскошным благосостоянием — пенсией в пять тысяч рублей.

А то, что лицом не красавец, так это мало кого волновало: в деревнях вообще нормальные мужики в дефиците, тем более не пьющие.

Анна была ласкова, Татьяна, ее дочь, девица шестнадцати лет, относилась к нему с уважением. Вещи выстираны, дом полная чаша, в смысле борщи, пироги, разносолы, что еще нужно мужику, за свои двадцать лет армейской и ментовской жизни видевшему только казармы да окопы. Ведь после отчисления из института как пошел он на срочную, да так и остался в Краснознаменной рабоче-крестьянской, ну а потом...

Постепенно Андрей дозрел до мысли жениться, но поставил штамп в паспорте только тогда, когда жена сообщила об увеличении численного состава семьи.

Словно по мановению волшебной палочки, характер Анны диаметрально изменился после благословенного марша Мендельсона, как говорится, гладко стелет да жестко спать.

Особенно не жаловала жена его увлечения книгами, которые Андрей начал читать в последнее время запоем, поскольку в привычные, алкогольные, давно перестал уходить. Бросил пить, как в деревню переехал, словно отрезал.

Вот и ворчала теперь жена по любому поводу. Деда Ивана, принесшего вчера Андрею табак-самосада на посев, во двор не пустила, он лишь сунул пакетик с семенами ему в руку да буркнул, мол, баба совсем казака под хомут загнала.

Вареньку же еще у околицы разглядела да такой ругани щедро отвесила, что та и к калитке подойти побоялась, так и убежала вся в слезах...

— Ну, ничего, — Андрей машинально похлопал по карманам в поисках сигарет, — родит ребенка, успокоится!

Сигарет больше не осталось, клев совсем прекратился, и Андрей уже решил сматывать снасти, как поплавок стремительно ушел под воду.

Дернув на себя, он сразу же подсек, но когда попытался вытянуть рыбину на берег, удилище согнулось дугой и потянуло его в реку. Андрей уперся, благо силушка была немереная.

Через секунду здоровый таймень, добрый метр длиной, выпрыгнул из воды и с грохотом ушел обратно — удилище снова чуть не вырвало из рук.

Это была мечта любого рыбака! Добыча, о которой всегда думают, а потом помнят всю оставшуюся жизнь.

Теперь он надеялся только на крепкую импортную леску, что не подведет, не оборвется — упускать такую огромную рыбу он не стал бы даже под страхом немедленной смерти. Предстояла нешуточная борьба — кто кого.

Упавшая во время паводка береза не позволила Андрею начать выводить огромную рыбину на берег — таймень скрылся в яме под деревом, и леска запуталась о сук.

Андрей решился на отчаянный шаг — прямо в одежде зашел в воду и, держа удилище в левой руке, стоя по горло в воде, сумел отломать правой рукой ветки и освободил леску.

Но илистое дно речки сыграло с ним злую шутку — таймень рванул, и Андрей поскользнулся. Леска намоталась на руку, и рыбака потащило вниз по течению.

Захлебываясь в холодной воде, Андрей рванулся изо всех сил и попытался освободиться. Проклятая леска, заморская тварь, как и обещала упаковка, рассчитанная на акулу, крепко держала его на привязи, как цепь колодника.

Теряя сознание и захлебываясь, Андрей успел подумать: «Боже мой, какая нелепая смерть!»

И разум вскоре рухнул в черную бездну...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**«ТОЛЬКО В ГРЕЗЫ НЕЛЬЗЯ НАСОВСЕМ
УБЕЖАТЬ»**

На небольшом островке посреди бурной речки лежал человек. Придя в сознание, он сделал попытку встать. Вначале попытался опереться на руки, но силенок ему явно не хватило. Потом мужчина с хрипением принялся блевать, его выворачивало наизнанку.

Облегчившись от воды и слизи, Андрей сел на камни и начал оглядываться. Через минуту глаза начали потихоньку выкатываться из орбит, а отвисшая челюсть напоминала ковш карьерного экскаватора.

Никитин стремительно вскочил на ноги, будто ощутив неслабый укол своей «мягкой точки» острой шпилькой, и взревел во все горло:

— Екарный бабай! Куда я попал?! Не может быть здесь таких гор! Никак не может! Вот тебе и сходил за рыбкой...

Действительно, быстрая речка текла по камням в узкой долине, зажатой с двух сторон высокими горными кряжами. Вверх по течению реки поднимались вдали высокие вершины, покрытые зеленью, но кое-где пробивались белые, видимо снеговые, пятна.

— Твою мать! Так что такое происходит?! Не может такого здесь быть, никак не может!

Очумев от разглядывания напрочь незнакомых окрестностей, Андрей снова присел на прогретый солнцем большой плоский валун и принялся размышлять вслух, бормоча себе под нос, старательно хмурия брови и почесывая пальцем переносицу:

— Захлебнулся я конкретно, и эта тварь хрен знает куда меня уволокла. Ну и рыбина, мать ее в душу! Не могла же она две сотни верст, вверх, против течения до самых Саян доплыть, со мной на буксире? Да какие это Саянские горы?! Эти горушки, хотя почти такие же в высоту, но пологие, на Карпаты походят или на Урал...

Тут он неожиданно для себя упал плашмя на нагретые солнцем камни и принялся завывать во весь голос, довольно хорошо копируя голодного волка. Затем снова уселся и продолжил размышлять, чуть шепелявя, бормоча себе под нос:

— Но как же так?! Здесь совсем все другое, такого у нас просто не может быть! Не может!

Он еще раз огляделся, неверящим взглядом взирая на горы и хлопая ресницами, забыв прихлопнуть свой «ковш», и сделал напрашивающийся вывод, благо уже был знаком со странными особенностями своей психики и методами ее кратковременного лечения:

— Значит, я либо переместился в пространстве неведомым образом, либо мне снится эта хренотень. Может, меня снова глюки посетили?! Ну, а это легко проверить! Сейчас с ходу все и прояснится — бред у меня или подлинная реальность перед глазами!

Он достал из кармана куртки складешок и, отогнув острое шильце, аккуратно ткнул себя в мякоть бедра. Боль была такая, что у Андрея вылезли глаза из орбит.

Отчаянный вопль снова потряс горы, потом Никитин стал извергать из себя такую вычурную матерную брань, что любой сапожник удавился сразу бы от зависти. Облегчив таким исконным русским способом душу, Андрей снова принялся раздумывать:

— Теперь точно известно, что я не умер, и это не сон и не глюки. Солнце в зените, почти над головой — следовательно, сейчас день. Надо осмотреться хорошо, прикинуть, куда меня занесло... И решить, что делать дальше! Кому сказать — не поверят! Да я сам своим глазам не верю!

Поразмышляв с пару минут, Андрей решил идти вниз по течению реки — рано или поздно будет долина, а в ней всегда живут люди — ну не в горах же им тесниться?! А народец — хороший источник информации, намного лучше его скудных мыслишек.

Удивляться таким быстрым решениям не приходится — военный человек в любой

ситуации ищет возможность для новых действий, а гражданский старается проанализировать полученный опыт, потому и бывает бит очень часто и больно.

Андрей немедленно сделал тщательную ревизию своего имущества. В реке пропал берет, ветхая куртка и трико изорваны плаванием почти до полного безобразия.

Имеется складной перочинный нож с двумя лезвиями, ножницами и шилом, запасная катушка лески с поплавком, коробочка с крючками и грузилами, пакет с промокшим кисетом и бумагой, завернутые в целлофан спички и семена табака деда Ивана.

И все — уныло и печально, но могло быть намного хуже. А так, капиталец на первое время есть — с голоду не умрешь у реки.

Первым делом он полностью разделся и разложил одежду на камнях для просушки. Так же поступил с табаком и папиросной бумагой. Затем прошелся по крохотному островку — десять метров вперед и столько же назад, и вскоре подобрал кусочек дерева.

Андрей уселся на камнях и стал обрабатывать свою находку перочинным ножиком. Трудился, не разгибая спины, без отдыха, то ножиком, то шилом, и уже через час он держал в руках пусть грубо выполненную, но добротную курительную трубку с коротким чубуком.

Взяв щепотку просохшего табака, очень плотно набил свою новую трубочку и закурил. И сразу жить стало намного легче от привычного сладостного дыма.

Желудок требовал пищи, и он решил снова половить рыбку — благо знакомые силуэты скользили под бурными, но хрустально-чистыми водами.

На островке плавника было достаточно, и Андрей вскоре соорудил удочку. Выбрал самую яркую «муху», привязал к леске и, закинув в речку, пошел вдоль берега.

Поплавок, проплыв несколько шагов, стремительно ушел под прозрачную воду, и Андрей тут же резко рванул удилище. Рыбка серебристой блестящей затрепыхалась на крючке.

Рыбак внимательно осмотрел свою первую добычу — это была небольшая, с ладонь длиной, зеленоватая форель. Ему раньше приходилось ловить такую, но было это настолько далеко от Саян, что Никитин поневоле закричал, не зная, что и подумать. Об этой рыбе в его таежном селе ни сном ни духом никто из заядлых любителей сетей и удочек не ведал.

— Форель, значит, здесь водится?! Занесло меня, грешного, шут знает куда! Сбылась мечта клинического идиота, начитавшегося книжек о приключениях. Вот и нашел их... На свою задницу!

Но сетовать на свою судьбу он дальше не стал, наоборот, поздравил себя с удачным почином. И принялся за ловлю крайне серьезно — через час на камнях лежало полтора десятка мелковатых рыбешек.

Добычи явно маловато для обильной кормежки, Андрей интуитивно чувствовал необходимость больших запасов продовольствия.

Укрепив два кольшка, он принялся чистить и потрошить пойманную рыбу. Потом форель нанизал на прутик и закрепил на двух кольшках. День был очень жаркий, и рыбак здраво рассудил, что до завтрашнего дня его улов чуток подвялится, в дороге это позволит питаться на ходу, не останавливаясь для рыбалки.

До вечера Никитин исхитрился поймать еще три десятка таких же рыбешек, решив запечь их на углях для ужина да и подкоптить с десятков.

Сухой плавник хорошо трещал в огне, а Андрей, подстелив под себя ветровку, с нескрываемым удовольствием поедая поджаренную на прутиках рыбу. В любое другое время он плюнул бы на несоленую, отвратную, частично обугленную рыбу, но сейчас голод заставлял его наедаться впрок.

Насытившись, Никитин набросал в затухающий костерок заранее наломанных с куста веток, а на кольях укрепил прут с нанизанной на него рыбой.

Теперь за пару часов форель в дыму могла хорошенько прокоптиться — утром будет завтрак, да и обед в дороге не помешает.

Ночью Андрей пристально вглядывался на россыпь ярких звезд. К немалому облегчению, небо для него оказалось знакомым.

Присутствовала Луна, обе Медведицы с Полярной звездой занимали положенное им место. Только одно обстоятельство его насторожило. Сколько он ни вглядывался в черное глянцевое небо с блестящей россыпью звезд, но так и не заметил двигающихся огоньков самолетов, впрочем, и со спутниками тоже была полная напряженка.

Астрономическое наблюдение несколько обнадежило, хотя определенное беспокойство осталось. Мир был его собственный, вот только летающая техника ни днем, ни ночью так и не появилась.

Но предаваться унынию он не стал, а, мысленно сплюнув, решил завтра хорошенько изучить окрестную флору и фауну, на первый взгляд явно не сибирскую, а свойственную больше Европе, причем отнюдь не Северной.

Улегшись на теплые камни, Никитин быстро окунулся в сон, без каких-либо тревожащих душу кошмаров. Один раз за ночь все же проснулся — сильно захотелось покурить. Высмолив привычную самокрутку, он снова погрузился в сладкую дремоту здорового сна...

К огромному удивлению Андрея, ночь в этих горах оказалась поразительно теплой — утром температура воздуха вряд ли была меньше плюс десяти по Цельсию.

Окунув лицо в холодную воду, он громко крикнул и, пока умывался, все время легонько повизгивал.

Начав делать утреннюю зарядку, впервые за два прошедших года, он стал крыть себя бранными словами. Это время полного безделья, сытой и размеренной жизни сразу сказалось на отставном спецназовце — с трудом отжался два десятка раз, хотя раньше, без особого труда и напряжения, спокойно делал полсотни отжимов.

Такое нелицеприятное для него открытие больно стегануло по самолюбию. Андрей, сцепив до ломоты зубы, проделал десять раз полный силовой комплекс — отжим, пресс, наклон и приседание, затем еще десяток отжимов.

Обессиленный, он четверть часа пролежал на камнях, а затем добрых полчаса отрабатывал удары руками и ногами. Потом сделал сам себе зарок на будущее — тренировку обязательно проводить каждое утро и вечер и не позднее месяца набрать утерянную форму.

Андрей долго занимался рукопашным боем, почти четверть века, и за себя не беспокоился в этой горной долине. Сейчас было плохо только с оружием — без автомата и гранат он чувствовал себя весьма неуютно. Но кое-какой «инвентарь» он решил сразу же изготовить и после короткого перекура приступил к работе.

Найдя в речке подходящий, небольшой и похожий на гирьку камень, Андрей вскоре изготовил обычный кистень, просто прикрепив этот камешек с помощью шнурка от кроссовки и лески к обструганной палке. Нунчаками он владел прилично, и кистень тоже оказался весьма послушным и таким же опасным, смертоносным оружием.

Основным орудием стала обычная дубина, еще с пещерных времен хорошо послужившая человеку. Но здесь Никитин быстро проделал некоторые, очень нужные усовершенствования.

Найдя подходящую палку, он с трудом, при помощи плоского голыша и отборных матов, расщепил ее на толстом конце. В расщеп он вставил тщательно обработанный, очень тонкий плоский камень с острыми выступающими краями, который хорошо закрепил вторым шнурком и леской.

Импровизированный «шестопер» для длительного боя был непригоден, но два или три сильных удара им могли причинить гипотетическим противникам большие неприятности, вплоть до летального исхода.

Андрей мог орудовать на приличном уровне любой палкой, от милицейской резиновой дубинки, именуемой ПР-73, или прозванной в народе «демократизатором», до обычной оглобли, которые всегда применял в любой драке очень умело и уверенно.

Покрутив около часа «шестопер», он добился результата — теперь дубина была продолжением его руки, а это в любой рукопашной схватке самое главное и почти всегда обеспечивает победу над супостатом.

Позавтракав копченой, вернее подкопченной, форелью, Никитин повесил на плечо связку рыбы и взял в руки трико с кроссовками, затем осторожно вошел в воду, борясь против течения, и перебрался за пару минут на правый берег речушки.

Обтерся импровизированным полотенцем, надел трико и обулся — по старой привычке легонько попрыгал. Хотя делать такое было незачем — греметь просто нечему. Как говорят вояки — «налицо наличие полного отсутствия» — очень коряво сказано, но верно.

Теперь его ждала дорога пока неизвестной длины и трудностей, но бывший командир роты

спецназа не думал об этом, он умел вытравливать из ума подобные мысли.

Идти вдоль речного извилистого берега пришлось трудновато — какая-нибудь тропинка напрочь отсутствовала. Андрей зачастую продирался сквозь густые заросли кустарника.

Правда, такие участки чередовались с более легкими для ходьбы — или каменная осыпь вдоль русла реки, по которой идти намного легче, чем сквозь густые кустарники, или участок знакомого по горам Кавказа леса.

Деревья торчали довольно далеко друг от друга, и он с легкостью лавировал между ними. Древесная флора состояла из теплолюбивых представителей — березы, клены, каштаны и вязы, над водой склонялись ивы. Но наиболее часто встречался дуб, узнаваемый как по форме листьев, так и по крупным желудям.

Именно деревья сразу озадачили Никитина — и каштаны, и желуди были зрелыми. Он присел на ствол поваленного ветром дерева и закурил очередную «козью ногу» — ему отчетливо стало ясно, что, весьма вероятно, он переместился не только в пространстве, но и во времени тоже. С весны в осень, вот только какого года?

В пользу этой версии говорило небо с полным отсутствием всех видов современной летающей техники — от спутников до самолетов.

На пенсии Андрей пристрастился к чтению книг, в которых герои попадали либо в седую древность, либо в иной мир с его магическими штучками. Поначалу люто завидовал книжным образам, но потом обзавелся бабой и чтение на какое-то время забросил.

И вот теперь через какие-то неизвестные «врата» он влетел, вернее, заплыл в какой-то запредельный мир, в пространственно-временной сгусток — неизвестно откуда и как появляющийся.

Ну что ж, предстояло теперь самому познавать аномалию на собственной шкуре — чему печалиться, если вино откупорено, то его надо просто выпить.

Никитин посмотрел на горные склоны, которые были и далеко, и высоко. На них росли знакомые родные березки, чьи белые стволы нельзя было не заметить или спутать, а еще выше росли стройные высокие сосны. Потом взгляд Андрея проскочил зеленую полосу кустов и травянистых склонов и уперся в чистое голубое небо.

«Обычные горы очень теплой полосы. Внизу в долине чуть ли не субтропики, потом полоса хвойного леса, затем по холодку тянутся кустарники и луга, ну а вверх уже прохладно, хотя снега нет. И все это на горوشке в три километра высотой, по максимуму».

...К полудню усталый Никитин вышел на райское место. Здесь речка делала петлю и весной разливалась очень широко, заливая водой находящуюся рядом котловину. Там за прошедшие годы образовалось довольно приличное озерко в виде небольшого, на три прыжка, овала.

На берегу этого водоема росла чудная дубовая рощица, а на перемычке шла осыпь из зернистого песка. Это было самое подходящее место для устройства походного бивака.

Может быть, Андрей прошел бы мимо — до вечера еще была масса времени, — но в озерке плескнула крупная рыбина.

Он подошел к поросшему осокой бережку и остался доволен рыбацкой рекогносцировкой — в озерке плескалось довольно много рыбки, которая оставляла на глади большие круги. На спокойной воде «мухи» уже не годились в качестве приманки, и после долгих поисков Никитин накопал палкой червей.

Целых два часа он был в состоянии полного экстаза — оголодавшая рыба заглатывала наживку прямо молниеносно. Попадались в основном рыбины с полкило, очень похожие на карпов и сазанов.

А закончилась рыбалка нешуточной борьбой — большой карпище, весом в четверть пуда,

измотал совершенно, но схватку все же проиграл и был вытащен на берег, к вящему удовольствию.

Передохнув, Андрей принялся за чистку рыбы — карпа было решено съесть за ранним ужином, остальную рыбку, ту, которая помельче, завялить и хорошо покоптить.

Он вначале захотел поджарить рыбину на углях, но, тщательно присмотревшись к откосу, отменил план. Подошел к стенке и поковырял ее пальцем — желтая глина.

Наполеоновские планы сразу его поглотили — теперь карпа предстояло обмазать глиной и запечь на углях, а на утро приготовить еще парочку сазанов. Никитин насобираал хвороста, благо его здесь хватало, и осторожно разжег костер одной спичкой.

Мысленно прикинул — если продолжать тратить в день только по две спички, то можно жить с огнем еще две недели — более чем достаточно для его робинзонады. Но лучше, конечно, тратить по одной спичке. Мало ли что, и костер жечь только вечером.

Почти час он провозился с глиной, но все же вылепил пусть очень корявые, но емкие кружки с толстыми стенками.

Варить в них Андрей не собирался, так как прекрасно знал их полнейшую непригодность для этой операции. Не керамика же ведь, сырую глину обжигать надо.

Ему эти кружки были нужны для питья воды. Не стоило уподобляться лошади и пить из реки или, черпая ладонью, каждый раз становиться на четвереньки.

Да и пора самой элементарной посудой обзаводиться, хоть ложку выстругать, не ладонью же ущицу хлебать. А сварить уху для него стало навязчивой идеей — очень хотелось горячего похлебать...

Он засыпал в приготовленную ямку часть горячих углей костра и положил на них обмазанного глиной карпа, затем палкой завалил сверху оставшимися углями.

Полчаса ожидания явились для него сплошной тягомотиной, даже ерзал от нетерпения. Чтобы зря не терять времени, Андрей щедро добавил в костерок сырых веток и развел дымокур, уже для копчения.

До наступления темноты оставался еще час, и он прогулялся по рощице. На ее окраине он обнаружил до боли знакомые для него деревья — это были груши-дички.

Никитин приподнялся на носках и снял с ветки небольшой, размером с кулачок ребенка, красноватый плод.

К его удивлению, груша оказалась сочной и сладкой, и он, сняв и расстелив на траве ветхую ветровку, навал и положил на нее полсотни плодов. Связав трофей узлом, обрадованный новой добычей, Андрей отправился обратно к костру.

Вечер он провел уже по-царски: долго купался в теплой воде озера, а потом принялся за карпа, запеченного в собственном соку. Последние куски кое-как доел, даваясь от сытости, хотя во время ужина постоянно думал о соли, перце и чесноке.

Этих трех компонентов ему не хватало для полного счастья. После рыбы настала очередь запеченных груш, после которых Андрей почувствовал себя окончательно счастливым.

Закуренная трубочка заметно улучшила его состояние, теперь он просто блаженствовал в неге, позабыв о горестях этой земной жизни.

Однако, когда Никитин укладывался в потемках спать, его стало беспокоить очень странное предчувствие, а к своей интуиции доверие у него было абсолютным. На всякий случай он наломал побольше хвороста и решил жечь костер до утра и дремать вполглаза.

Уже под утро Андрей очнулся от ощущения внезапно возникшей опасности. Вскakiвать сразу на ноги не стал, так делают только желторотые солдаты первого года службы. Зато уши стали чуть ли не слоновыми, прислушивались к любым звукам.

Интуиция в очередной раз его не обманула — какой-то определенно большой зверь решил

поохотиться на человека.

Благо и время удобное — перед рассветом люди обычно крепко спят. Вот только зайти на жертву хищнику было трудновато, за спиной Андрея плескалась река, сбоку озеро, а между ним и лесом еще горел неярким пламенем костер.

Неведомая хищная тварь явно не опасалась огня — он отчетливо различал ее прижавшийся к земле силуэт, хотя ему сильно мешали отсветы костра, немного слепящие глаза.

Зверюга, размером с немецкую овчарку, подползала все ближе и ближе, сантиметр за сантиметром, и вскоре плотно прижалась к земле шагов за десять до спящего человека, полностью замерев перед решительной атакой, как делают все кошки, от хозяина тайги тигра до помоечного Васьки.

Андрей с пронзительностью в душе понял, что сейчас последует мгновенный бросок неведомого хищника, но не боялся этого, наоборот, все его крепкое тело яростно требовало схватки.

Он только постарался незаметно изменить свое положение и взял в ладонь рукоять своего оружия.

Андрей успел вовремя собраться, и когда зверь прыгнул через затухающий костер, откатился в сторону. Стоя на колене, Никитин изо всех сил нанес мгновенный удар «шестопером». Дубина стремительно описала дугу и с размаху обрушилась на голову летящего в прыжке зверя.

Время застыло — он смотрел словно на замедленном режиме воспроизведения изображения. И не успел хищник развернуться на земле, как Андрей вторично его ударил.

Раздался треск и громкий визг — «шестопер» сломался, а зверь волчком крутился по земле, оглушенный и частично парализованный вторым ударом, который пришелся по хребтине.

Давать ему время для передышки было бы сплошным безумием, и он нанес несколько ударов кистенем, целя по голове. И яростно бил до тех пор, пока зверь не застыл окончательно, распластавшись на земле.

Дрожащими пальцами Никитин плотно набил трубку табаком и раскурил ее от уголька. Несколько минут он отходил от пережитого в этом ночном бою, глотая дым пересохшим ртом.

Докурив, выбил трубку, медленно встал и подошел к мертвому зверю. Тот представлял собой симбиоз волка и крупной рыси — имел кошачьи лапы с острыми когтями и кисточки на маленьких ушах.

Все остальное было волчьим, кроме верхней пары клыков, при взгляде на которые его прошиб ледяной пот. Острые пики выдавались далеко вниз, как у давно вымершего саблезубого тигра.

— Ни хрена себе зверек, — задумчиво сказал Андрей, рассматривая свой законный охотничий трофей. — И долгонько ты здесь уран кушал, раз в такого мутанта превратился? И жрать тебя стремно, воняет, как от помойки. Однако придется мне новый «шестопер» делать...

Настроение у Никитина было бы прекрасным, если бы не одежда да обувь. Старые китайские кроссовки не выдержали дневного марш-броска и полностью развалились.

Попытка переделать их в шлепанцы оказалась неудачной — резиновая подошва настолько истерлась об острые камни, что рвалась теперь, как туалетная бумага.

Результат был налицо — лучше идти без обуви, чем заниматься бесконечным ремонтом, сидя сиднем на одном месте.

Штанины трико находились в еще более кошмарном состоянии и напоминали содранную кожуру перезревших бананов.

В несколько лучшем положении находились тельняшка и ветровка, но у первой ткань сопрела и стала потихоньку рваться, а куртка уже имела несколько здоровенных дырок.

Лишь синтетические плавки и носки были в хорошем состоянии — Андрей их просто снял перед длительной ходьбой.

Но последние вещи никак не заменяли ему порванной одежды. Трагическое положение объяснялось тем обстоятельством, что супруга хотела эти вещи давно выбросить или пустить на тряпки, но Андрей специально оставил их для рыбалки — не жалко рвать в клочья.

Пришлось наскоро приводить свой гардероб в порядок. Трико было обрезано и превращено в шорты.

Кроссовки почили вечным сном под камнями, оставив от себя на память два шнурка на «шестопере» и кистене. Из тельника была сделана безрукавка, а из двух отрезанных рукавов один пошел на торбу, а второй на полотенце.

Горы на этом месте немного раздвинулись, и долина в ширину раскинулась на версту, не меньше. Вдали было видно, как горушки стали потихоньку превращаться в высокие холмы, а значит, скоро перейдут в равнину, и он выйдет к людям. Не может же их здесь не быть — климат мягкий, чудесный, природа щедрая.

Странно другое — Андрей отмахал добрых два десятка верст по берегу этой удобной для хозяйствования речки, но не увидел ни малейших следов человеческой деятельности.

Да и фауна была здесь хоть скудная, но не пуганая. Разных птиц было превеликое множество, но как он ни кидал в них камни, успеха не добился.

Сгоряча Никитин себя выругал за лень — можно было бы научиться и из пращи орудовать. Нет же, зачем знание каменного века, когда под рукой автомат! А здесь это древнее искусство помогло бы здорово — взял кругляш, прицелился, раскрутил ремень, и всё — четыре с боку, все дела.

К вечеру Андрей обошел стоянку по большому кругу и сделал два чудесных открытия. У небольшой скалы он увидел второго четвероногого, небольшую косулю на этот раз, склонившуюся к земле.

Слюнки сразу потекли, как у лучшей собаки академика Павлова. Однако отчаянный бросок бульжника метров с двадцати дал промах, и жаркое быстро ускакало.

Хотел было Андрей уйти обратно к стоянке, чтобы не травить свою душу горестным созерцанием убежавшего ужина, но решил посмотреть, зачем эта косуля лизала камни.

У подножия скалы Андрей увидел грязно-белые землистые потоки, поскреб их пальцем и лизнул — во рту моментально стало солоно.

И стал трудиться он как проклятый, тщательно выбирая соляные капли, стараясь не пропустить даже махонькую крупичку. И не беда, что собранная пригоршня соли была напололам с землей, зато посоленная рыба становится сразу же вдвое вкуснее.

Распрямляясь во весь рост, он заметил краешком глаза в траве странные листья. Раздвинув их руками в стороны, выдернул один пучок — на нем висел маленький черноватый комочек. Присвистнуть было отчего, то была дикая репа, впервые видимая им в жизни.

Скоро лужайка выглядела не лучше хорошо пропаханного кладоискателями места, но полкило репы было помыто и дожидалось своей участи.

Вместе с дюжиной крепких белых грибов, что попались на глаза оголодавшему Робинзону. Никитин еле дожид до вечера и с энтузиазмом вечно голодного студента набросился на ужин.

Впервые он не доел двух запеченных, хорошо посоленных сазанов (их в озерке водилось до чертиков, улов просто богатейший), нафаршированных репой, что отдаленно напомнила ему любимую картошку, грибами и чесноком.

На десерт Андрей приготовил компот и помыл пару груш. Вот только отдал ему дань внимания уже без видимой охоты, объевшись горячим, так что живот округлился футбольным мячом.

Сидя вечером у костра и с сытой ленивостью посматривая на коптящуюся рыбу, он неожиданно для себя нашел в мыслях то, что его мучило весь день.

Дубы и груши растут в Европе, в ее реках плавают сазаны и форель. Следовательно, занесло его, не хрен знает куда. Вот только почему здесь больно девственна природа, которую человек изгадил давненько, с превеликим для себя удовольствием?!

А тут за два дня ни одного гомо сапиенс. Да и в небе отсутствуют всякие ракеты, спутники и самолеты, неизменные признаки технократической цивилизации.

— А не занесло ли меня в прошлое, причем в такое, когда людей пещерными именуют? Мысль была дикой, однако, тщательно ее пережевав, Андрей нашел вывод здравым, хотя в голове не укладывалось, каким это он образом переместился не только в пространстве, но и во времени.

И тут Никитин впервые за эти дни вспомнил о поздно приобретенной семье, за которую, впрочем, сильно не волновался, а если положить руку на сердце, то даже чувствовал немаленькое облегчение — уж больно опостылела ему недолгая семейная жизнь.

Грех ругать Анну, она хоть и нудила дома, но характер был еще тот, оторва. Даже была ласкова, не доставала всякими просьбами и занудством — баба, которая хлебнула в жизни лиха, постоянно будет ценить непьющего и нетребовательного мужа, который к тому ежемесячно получает приличные для деревенской жизни деньги.

Но вот, как говорится, была без радости любовь, разлука будет без печали. Да и как тут любить, если в последнее время даже в общую постель он ложился больше по обязанности, не испытывая к жене ни малейшего влечения, — залез, как кролик быстренько потерся и тут же отвалился в сторонку, подальше, давить на массу. А сейчас, когда она в положении, и подавно...

Не пропадет женушка — пенсию ей оставят до конца жизни, по случаю потери кормильца. Его берет и удочку найдут, наверняка обшарили весь берег, ну а так как он здесь, то там его на все сто считают утопленником и уже вычеркнули из списка живущих на той грешной земле.

Теперь в семье его большой рот исчез, правда, добавится маленький, но так как Андрей откровенно бездельничал, супруге хлопот резко убавится.

И Никитин решительно выбросил из головы немного тяготившее его семейное бытие — оно уже в далеком прошлом или... будущем, ничего не попишешь, ничего не изменишь. Баста!

Как ему надоела за эти два года прозябания пресная гражданская жизнь, когда адреналин впрыскивается в кровь только на сеновале с чужой бабой, когда ее муж с топором по двору бегаёт и орет, что «всех покрошит в мелкую стружку».

Один раз в сельском райцентре он не выдержал таких воплей очередного несчастного

рогоносца и внятно тому объяснил, что поздно кричать, когда жена давно стала прожженной шлюхой, а в большом селе не спал с ней только очень ленивый тунеядец или законченный импотент.

Бабы порой действительно такие суки, что муж зачастую узнает о своих рогах, когда в дом соседа зайти не может, калитку ими цепляет. Но сложившийся веками ритуал — вещь обязательная, потому осквернять мордобитием традицию нельзя, вот и приходилось от всякогодохлого сморчка через плетень сигать и огородами уходить.

Как тогда он скучал о войне, навеки отравленный ее трупным ядом. Вот это была, по его мнению, настоящая жизнь — могут убить, конечно, но такова жизнь солдата. Зато сам опередить врага сможешь, и тогда по тому молитвы читать будут.

В те времена Андрей был очень доволен, все еще впереди, и хорошее, и дурное — жизнь ведь еще только начинается, вот так-то, господа!

— Вот только что сейчас мне делать прикажете?!

Миновав очередную дубовую рощицу, раскинувшуюся на добрых полкилометра, Никитин прекратил помахивать дубиной и насторожился, как старая овчарка при запахе волка.

Впереди простиралось изрядно заросшее поле с половину гектара размером. Вне всякого сомнения, в прошлом, примерно лет десять назад, это была пашня. На противоположном краю что-то чуть белело, Андрей, осторожно ступая, неспешно пересек заросли.

— Твою мать!

В густой траве лежал скелет лошади, причем не обглоданной хищниками, что удивительно — все кости животного были целы и не разгрызены.

На копытах коня имелись ржавые железные подковы, что свидетельствовало о его домашнем происхождении.

Причину смерти копытного установить было легче легкого — бедного конягу буквально напиговали стрелами, как дикобраза иголками.

— Да кто ж так стреляет, мать вашу за ногу?! Руки бы вам поотрывать за такую меткость! — в сердцах бросил Андрей, приглядевшись.

Никитин насчитал восемь попаданий, но, возможно, некоторые древки пропали, так как в крестце торчали два железных наконечника. Острия стрел были с широкими краями.

Он тщательно осмотрел один из них, насвистывая, забыв про свою дурную привычку. И одновременно вспоминая, что ему известно о луках и арбалетах.

— Древки стрел от лука, ведь арбалет стреляет металлическими стержнями, которые называют болтами, — Андрей старательно напрягал память, говоря вслух. За эти дни он часто беседовал сам с собой, боясь, что просто сойдет с ума от безмолвия. — И деревяшки не использует. Трехгранные гвоздеобразные наконечники предназначены для пробивания железных панцирей, своеобразные бронебойные пули. Если края очень широкие, то они только у противопехотных стрел, предназначенных для поражения воинов, не имеющих доспехов. Когда такие стрелы падают, то своими острыми краями секут людей, а с такими ранами, да еще с обильной потерей крови, много не навоюешь. Стрелы с раздвоенным наконечником предназначены для пернатой дичи, а вот такие на четвероногую скотину.

Следовательно, стреляли по бедному коню не профессиональные воины, к тому же выстрелов сделано много, будто селяне в запарке били, да и сами стрелы не военного образца.

Одно стало ясным для него с полной определенностью — это не современность, раз лук со стрелами здесь используется для подобных дел, ведь огнестрелом намного проще.

Возможно, Средневековье, может, вообще самая глубокая старина, ведь луку тысячи лет. Скорее, верна первая мысль — наконечники стрел железные. А в древности, насколько он помнил военную историю, даже римляне и греки воевали медным оружием.

Миновав с осторожностью рощицу, оглядываясь по сторонам и сжимая в руках оружие, Андрей вскоре остановился — перед ним снова простиралась заброшенная пашня, а вот потом...

Из одного края поля до другого на земле тянулась заросшая, но еще угадывавшаяся борозда, чуть поодаль торчал так и не вынутый из нее потемневший плуг, около которого знакомо белели большие кости. Там нашла свою погибель парная упряжка.

«Опахивали вокруг деревни?» — промелькнула смутная догадка.

Вне всякого сомнения, эти места были заброшены из-за поразившего людей мора или эпидемии.

«В Европе ведь чума свирепствовала! А тут?»

Андрей внимательно разглядывал добротный дом с различными пристройками, надежно огражденный по всему периметру то ли забором, то ли частоколом.

«Прошло столько лет, но люди сюда не вернулись. Уходили в спешке. Свою скотину бросали и добивали. Но животные здесь ходят, олени те же. Гляну одним глазом, может, будет во что переодеться, да и настоящее оружие мне совсем не помешает».

Осторожно ступая, хоронясь за деревьями, Никитин неспешно пошел к усадьбе. С опушки он еще раз тщательно осмотрел строения и пришел к выводу, что самое малое забросили их лет семь назад, никак не раньше.

Часть частокола была чуть светлее остальных бревен, и если предположить, что эти колья поставили за год до ухода, то так потемнеть они могли не раньше чем через пяток лет, не меньше. А скорее и больше, уж больно потрепаны временем другие сооружения.

Крепко сжимая дубину, он подошел к распахнутым настежь створкам ворот. Петли его сильно удивили — они были выдолблены из дуба и закреплены на толстых столбах, поверх которых шло бревно с коньком на верее.

Но, самое главное, огромные воротины были перевешены вверх ногами, вырезанные тщательно узоры на лицевой стороне об этом явно свидетельствовали.

«Однако! — только и подумал Андрей, разглядывая замысловатых животных — помесь коня и утки и странные фигурки женщин в треугольных больших платьях с поднятыми вверх большими руками-граблями. — Это кого же хозяева поджидали подобным образом? Или защититься от кого-то хотели, раз ворота перевесили...»

Калитка же была в нормальном положении, рядом с воротами заперта на крепкий засов, но и она тоже сделана добротной, с узорами и вычурной резьбой, из пригнанных дубовых плах толщиной в три пальца, как и ворота.

Стояла оглушительная тишина. Андрей ступал осторожно, через ворота зашел во двор, который густо, по пояс, почти полностью зарос разноцветными сорняками, колючим бурьяном и травой.

Усадьба оказалась намного больше, чем он подумал вначале. Солидный дом-пятистенок, умело сложенный из толстенных бревен, стоял в центре участка площадью в полгектара, ну, может, чуточку больше.

Заднюю и левую стороны ограды составляли добротные хозяйственные стайки, сложенные из бревен чуть меньшего диаметра. Всего таких стоек было восемь, по четыре на каждую сторону.

Как и жилой дом, их крыши покрывались потрескавшейся, а изрядными местами и просто отсутствующей, глиняной черепицей.

Узкие окна стоек и дома были плотно прикрыты ставнями — в доме солидными, на амбарах поплотнее. А вот стекол в окнах не было, что говорило об их редкости в этом краю.

Правую и лицевую стороны усадьбы прикрывала ограда из плотно пригнанных кольев, вернее заостренных вверху высоких, но тонких бревен.

В частокол гармонично вписывались и толстые ворота с калиткой, по обе стороны которых шли широкие хозяйственные навесы, крытые обычной дранкой. Да, строился хозяин усадьбы очень капитально, на долгие десятилетия, если не на пару веков.

— Непонятно только одно — почему такое хозяйство и усадьбу бросили и наспех ушли, оставив ворота и двери открытыми? В чем причина такой спешки? — Андрей задумался, настороженно оглядываясь. И сделал правильный, но ничего не объясняющий вывод: — Неспроста это...

Для начала он решил осмотреть все стайки и амбары, с правой стороны, против часовой стрелки.

Первое строение оказалось целым складом различного инвентаря — на бревенчатом полу были разбросаны косы, серпы, лопаты, тяпки и прочий полезный инвентарь, отдельные экземпляры которого Никитин впервые видел в жизни.

Крыша была доброй, и лишь там, где она прохудилась, железяки полностью проржавели. Остальные инструменты хоть и имели рыжий налет, но вполне годились в употребление.

Как именовать эти предметы крестьянского труда, Андрей не имел понятия. И ничего здесь не поделаешь, у образования не та специфика, без малейшего познания сельского хозяйства.

Только одно обстоятельство заинтересовало его — все железные орудия были грубой ручной работы, о штамповке и речи быть не могло.

Версий сразу появилось две — опять-таки либо сие есть голимое, без всяких прикрас, Средневековье с его натуральным хозяйством и низкими технологиями, либо владелец был большим оригиналом и предпочитал во всем обходиться собственными силами. Во второе предположение ну совсем не верилось.

Осмотр следующих трех стаек произвел даже на видавшего виды майора самое тягостное впечатление. Они были забиты скелетами домашней животины — в одной передохли три десятка овец и коз, в другой был с десяток коров и быков, ну а в третьей умерло три лошади.

Сладкий, приторный запах смерти витал над усадьбой, но ощущался только в данных строениях. Андрей перекурил это поганое дело и отправился дальше по установленному самому себе маршруту.

Другая стайка имела в углу усадьбы обширный, но пустой загон, полностью заросший травой. Он заглянул внутрь и уже не удивился — понятно, что загон сделали для хрюшек, которые дружно гикнулись, откинув копыта и заставив своими скелетами весь пол.

В следующих двух строениях оказалась только одна труха и почти полностью сгнившая мешковина. В этом амбаре и сеннике тоже ничего не уцелело, все зерно и сено с соломой давно сгнило-перегнило на сто рядов.

А вот последнее крепкое сооружение, тоже с загонем в углу, но огражденное, в отличие от свинарника, более высоким заборчиком, оказалось пустым, совсем пустым.

По остаткам множества перьев, найденных под крытым навесом, мужчина понял, что в нем был птичник для кур и гусей. Но косточек самой птицы здесь не оказалось, пустынное такое помещение, будто пернатые всей стаей в небо поднялись.

Вот это его несколько озадачило.

— Это куда они делись? Улетели, что ли? Может быть, всю домашнюю птицу продали или съели до наступления трагедии?

Андрей пожал плечами, понимая, что нашел слабенькую отговорку, хиленькую, ничего не объясняющую. Он покачал головой, продолжая пребывать в сомнениях.

Вдоль правой стены частокола трава была и выше, и росла погуще, чем на остальной территории брошенной усадьбы.

Никитин углубился в заросли — так и есть, грядочки насыпные, бревнышками окантованные, для огурчиков-помидорчиков предназначенные. Рассматривать дальше весь огород он не стал, а с бодростью подошел к дому.

— Дозволь, хозяин, в дверь войти? Под крышей недолго побыть, худа всякого я не учиню!

У распахнутой двери Андрей постоял еще чуток и второй раз тихо попросил разрешения зайти — и это было не чудачество.

Объяснили ему таежные люди о разных странностях, что происходят вот в таких брошенных домах. А в сибирской тайге не то что дома, немалые деревни раньше целиком вымирали.

В прохладных темноватых сенях стояли рассохшиеся кадки для воды, две добротные грубо сколоченные лавки, такой же стол, полка с нехитрой кухонной утварью.

Никитин подошел поближе — миски, кружки, ложки — все тщательно выстругано из дерева, но грубое и некрашеное. С превеликим трудом он отворил прикипевшую массивную низкую дверь и, сильно пригнувшись, вошел в дом.

Глаза постепенно привыкли к царящим здесь вечность сумеркам, и Андрей медленно обошел комнаты дома. Никаких скелетов в живописных позах там не было, зато один отпечаток во всех пяти комнатах явственно присутствовал — семья собиралась в страшной спешке, и хватали все, что только под руки попадалось.

Вещи беспорядочно раскиданы по комнатам, на многочисленные топчаны набросаны всякие тряпки, крышки сундуков и ларей открыты, половики скомканы и отброшены.

В подвешенной к потолку люльке забыта детская погремушка — тщательно обструганный коробочек на длинной ручке, набитый сухим горохом.

На русской печи с трубой, сложенной из тесаных камней, стояли глиняные горшки. По трухе и пыли в них Андрей сразу понял, что там была пища, которую кушать не стали, может, просто не успели.

Да и немудрено — все свидетельствовало о том, что сматывались отсюда жильцы, а их было два десятка человек, включая полудюжину детей, в авральном режиме. Как говорится, на ходу подметки рвали...

Поэтому экипировался он на славу, благо хороших вещей позабывали массу. Правда, подпорчено или подгнило большинство из брошенного, но и оставшейся пригодной одежды хватало за глаза.

На дне одного сундука нашлась еще прочная рубаха из небеленого холста, а в другом самую малость подгнившие штаны с завязками и приличная меховая безрукавка.

В третьем ларе отыскиались целые кожаные сапоги нужного размера, но очень странного фасона — сделанные по одной колодке, они походили на близнецов.

— Добре! Так я совсем от местных не отличаюсь! А то в своей старой одежде я мог и запросто получить разборочку! Кто его знает, за кого бы тутошние хлопцы меня приняли?

Он долго разглядывал странного кроя рубаху, прощупывая пальцами льняную материю:

— Ничего! В моем положении не до разносолов. Сгодится!

Разжился он и вышитым рушником, большим полотенцем, и парой добрых портянок, на которые пустил единственную пригодную простыню из сурового полотна.

В одной из комнат Никитин увидел в полу люк, но когда попытался его открыть, отпрянул мгновенно — из подполья шел весьма ощутимый смрад, сгнили овощи целиком и полностью.

Брать в комнатах было уже нечего, да и незачем было дольше оставаться, и Андрей с нешуточным облегчением в душе и в ноздрях пошел к раскрытой двери.

— Спасибо, хозяева добрые! — Андрей низко поклонился в сторону печи. — Вот вам! — Он положил на стол монету в пять рублей, единственную, выуженную из кармана ветровки. —

Больше у меня ничего нет, чтобы заплатить за добро...

Неожиданно дом чуть вздрогнул всем своим бревенчатым телом. За печью зашелестело, и кто-то или что-то глубоко и тяжело вздохнуло. Гулко стукнул упавший от стены ухват.

Андрей, словно ошпаренный, мелко крестясь и бормоча на ходу все известные обрывки молитв, вылетел на улицу, чудом не зацепив лбом низкий дверной косяк.

«В доме домовой! А во дворе? Дворовой? Овинник? Гумник? Вот тебе и народный фольклор!»

Андрей лихорадочно оглядел еще раз усадьбу и без принуждения над собою поклонился дому в пояс.

— Простите, ежели потревожил чем! — Он еще раз поклонился. — Хозяева добрые, не гневайтесь! Не корысти ради... Не гоните сегодня со двора...

По-прежнему светило солнце, стояла такая же оглушительная тишина. Сделав пару глубоких вдохов-выдохов, Андрей окончательно успокоился и приступил к переодеванию: надел рубаху и кальсоны, затем короткие кожаные штаны, потом безрукавку.

Пуговиц нигде не было, и он долго возился с разными завязками, чертыхаясь и матерясь про себя. Портянки намотал привычно, вбил ноги в кожаные сапоги, не разбираясь, где левый или правый сапог, все равно одинаковы.

Встал и походил немного — все нормально, размер попался правильный, нигде не жмет, нога не болтается.

Одна только была беда на отысканной одежде — полное отсутствие карманов, что на штанах, что на безрукавке. Похоже на то, что здесь пока не знали ни о карманах, ни о пуговицах.

А потому он решил при первой же возможности нашить на одежду короткие деревянные палочки с петлями, которые ничем не хуже круглых пуговиц. Такие в Сибири даже в нынешнее время еще носили в ряде селений, особенно у «семейских».

Отобрал он нужную себе утварь — железный котелок, деревянную миску и две ложки, толстую сапожную иглу, дратву, кресало и прочих нужных в дороге вещей.

— Теперь бы тару найти надежную, рюкзачок какой-нибудь...

Короткие поиски увенчались нужной находкой — он нашел добротный мешочек. Недолго думая, Андрей отмахнул топором длинную вожжу. Концы последней накрепко привязал к углам мешка, и получилась классика — нищенская котомка девятнадцатого века или советский солдатский вещмешок — кому как нравится, тот так и называет. Вещь неприхотливая, скроена по принципу — «дешево, но сердито».

Прежний «шестопер» и кистень были безжалостно уничтожены, слишком примитивными и наивными он их сделал из примитивного материала.

И со всей своей старой одеждой Андрей поступил так же, даже носков не оставил, только перочинный нож про запас отложил — пригодится. Вещь хорошая, универсальная, современная, из хорошей стали. Такой «перочинник» должен всегда под рукою быть.

Новый кистень Андрей начал делать первым, сразу во дворе — и привычный он для рук, и эффективный против врага. Крепкая дубовая палка нашлась в стайке, а кожаный ремешок с увесистой медной гирькой был позаимствован в хозяйственном складе.

Для тренировки Никитин нанес резкий и точный удар по оглобле, прислоненной к частоколу, — треск, и деревяшка хрустнула. Такой кистень любые латы проломит, как бумагу.

Он со спокойной уверенностью ходил по заброшенным сараям. Работа над кистнем увлекла его, но тем не менее он изредка замирал, словно чувствуя на спине взгляд, но не пробивающий морозным холодком, а скорее заинтересованный.

Пару раз он краем глаза замечал за спиной робкое шевеление, но, как ни оглядывался

стремительно, ничего подозрительного или необычного не усмотрел. А потому несколько успокоился.

С найденной короткой рогатиной он провозился пару часов, но труды того стоили. Теперь в его руках была почти двухметровая алебарда — симбиоз копья и топора. Андрей с полчаса орудовал сделанной страшилой и остался доволен. Действительно, стоящая вещь — и топор, и копье, и оглобля.

«Три в одном, настоящий коктейль. Жаль только, что топор без крюка, а то бы еще багор был».

Проще было с кинжалом, который вместе с ножнами и поясом нашелся в доме. Андрей им быстро опоясался, но долго раздумывал над многочисленными кольцами и ремешками, которые крепились к широкому кожаному ремню. Можно было, конечно, прикрепить и топорик, но зачем себя обременять, когда есть хорошая алебарда.

Да и воин, увешанный оружием с головы до ног, производит на профессионала совсем другое впечатление, противоположное тому, на которое «ходячий арсенал» рассчитывал.

И зачастую в бою такого пентюха удельвали максимум за десяток секунд, ведь чтобы драться тремя мечами или, скажем, тремя «АКМ», нужно рученок иметь столько, что всякий индийский Шива должен немедленно удавиться от черной зависти.

Оставалось только хорошенько наточить оружие и снять кое-где ржавчину. Андрей не раздумывая пошел к навесам — ведь печь в доме одна, в стайках нет, а скотине варить надо, да и всякие домашние поделки тоже нужны.

Расчет был верный, хозяйственный ряд протянулся на полсотни метров, и тут было все — колодец, два очага, верстак, ножное точило и еще целое множество нужных в хозяйстве вещей и приспособлений.

Хотя все порядком позарастало травой, Никитин быстро расчистил себе рабочее место. Исправление точила заняло много времени, да и сам процесс заточки отнял достаточно много сил и времени, но это было острой необходимостью...

По заросшей дороге Андрей шел уже больше часа, согреваемый теплыми лучами утреннего солнца. Он впервые провел очень спокойную ночь, под крышей первой стайки — там не пованивало, а для ложа он натащил всякой рухляди из дома.

Ужин и завтрак явились просто королевскими — на грядках росли одичавшая тыква, чеснок, репа и лук-батун, за частоколом раскинулся заросший сад — груши, вишни, сливы да яблони.

Теперь вещмешок весил полтора пуда, не меньше — два десятка вяленых и копченых рыбин, соль и груда всяких фруктов и овощей. Братъ больше он не стал, в вещмешок не влезет, да и вредно чрезмерное отягощение в дальнем пути.

Заброшенная и заросшая давным-давно дорога отходила от хутора и от реки извилистым перпендикуляром.

Андрей немного подумал и пошагал по ней, по крайней мере, дорога всегда ведет к людям, а вот за рекой порой такого не наблюдается. А чтобы идти было нескучно, Никитин подбадривал себя матерками — как запросто он потерял на сытой и ленивой «гражданке» не только все навыки, но и заплывший жиром разум.

«Идти несколько дней и высматривать на траве и камнях главные приметы современной жизни — окурки, пивные банки, осколки бутылочного стекла, обрывки газет. Всего того, что я просто не мог здесь встретить, если по этой усадьбе судить. Средневековье, блин!»

Никитин припомнил одну поговорку, суть которой заключена в следующем — какие времена, такие нравы. И тут же перефразировал последнее слово на два других — и следы цивилизации.

А что здесь нет асфальта и автомобилей, самолетов и тампаксов, пива «Туборг» и резины, а также целой уймы всего прочего, привычного в *той* жизни, — в этом он сейчас был полностью уверен.

После полудня показалось селение из пяти домов за общим для всех строений частоколом. Андрей не стал удивляться встреченной деревне — дорога для того и существует. Он смело пошагал вперед, чуть ли не чеканя размеренный солдатский шаг.

Но через минуту, хорошо всмотревшись, Никитин остолбенел — селение было нежилым и запущенным больше, чем первый хутор. И хуже того, здесь произошло нечто ужасное.

Все ставни и двери домов были распахнуты, а во внутренней ограде в разных местах во множестве чуть белело что-то страшно знакомое.

— Какая-то земля мертвых, право слово! Что же тут случилось?! Это ж охренеть можно! — задумчиво пробормотал Андрей и, постояв немного, решил сделать перекур. Табак несколько успокоил расшалившиеся нервы, он подошел к ограде и спокойно направился в распахнутые ворота...

Весь вечер он просидел у костра в мрачной задумчивости, с тоской глядя на языки пламени, стараясь выгнать из памяти жуткие картины, которые он увидел в деревне.

Если из хутора люди сумели, хоть и в дикой спешке, сбежать, то здесь была просто смертная паника, когда люди бегут в разные стороны, охваченные неописуемым ужасом.

Скелетов он насчитал почти три десятка, взрослых и детей, но умирали люди по-разному. Половина из них спокойно лежала в постелях, а вот другие были разбросаны в разных позах по всей усадьбе, но было видно, что и они пытались куда-то ползти.

Скотина тоже полегла вся — множество лошадей, коров, свиней и коз — пересчитывать костяки Андрей даже не стал, но счет шел на несколько сотен. Очень богатая деревня была...

Трофеев Никитин практически не взял — только прибрал местные деньги, небольшой охотничий арбалет с железными болтами в кожаном колчане с деревянными вставками да боевой топор-секиру с широким лунообразным лезвием и удобной рукоятью.

Деньги были во всех домах, но медные, разного размера — от мелких, размером с пятирублевую монету, до крупных — с юбилейный советский рубль, и самой разнообразной формы — от круглых до чуть ли не квадратных.

Изображения на них были плохими, гурты неотребрированные, будто не государственное казначейство их делало, а пьяный ремесленник кувалдой на наковальне отбивал, абы как придется, а форму для чекана ему забулдыга подмастерье на глазок смастерячил дрожащими с перепоя руками.

Можно было подумать, что медь здесь не в ходу, но и серебряные монетки имелись не самой лучшей чеканки.

Только в одном, самом богатом доме он нашел это серебро — небольшой мешочек сжимал в ладони скелет бородатого старика. Именно его длинная седая борода, прекрасно сохранившаяся, отбила у Андрея всю охоту к мародерству.

При свете костра Никитин стал рассматривать монеты, подавляющее большинство которых имело один рисунок — на лицевой стороне коронованный орел до боли знакомой формы, а на обороте гордый профиль в короне, и надпись на латыни, которую Андрей быстро разобрал: «Божьей милостью Болеслав, князь Польский».

Изредка встречались монетки с князем Мешко, тоже польским, понятное дело. При их виде Андрей возликовал, в радостном возбуждении набив трубочку последней щепоткой табака.

Никитин вспомнил бабку Магду, что продолбила ему голову рассказами о родине своих пращуров. Хотя «продолбила» — это не то слово.

И, как припомнил Андрей, князь Мешко полностью окрестил поляков еще где-то в середине десятого века, лет за двадцать до Владимира, что своих киевлян для крещения в Днепр всем скопом загнал. А его сын Болеслав вроде бы и королем Польши стал, но позже.

— А раз он на монетке князь, то ляхским крулем Боек пока не является! — с уверенностью подытожил Андрей. — Следовательно, я попал как раз к концу десятого века. Ясненько, что данные земли могут быть только Польшей, ибо деньги взяты у обычных крестьян, а не у местных нумизматов. Селяне люди практичные, берут только те монеты, что хождение имеют.

Однако вскоре Никитин сделал новое открытие, тщательно перебрав грудку медяков. Несколько монет несли на себе другие рисунки, на одной красовался Конрад, эрцгерцог Австрийский, на двух других Всеслав, князь чешский, а на последней, самой большой и затертой донельзя, что-то другое, но не польское, ибо он разобрал только слово «Рекс», так на латыни именуют королей.

Но чей это венценосец был, осталось для него загадкой, хотя, судя по древности монеты, правил он давненько.

И с его королевством могло произойти за это время все что угодно — они в Средневековье как грибы после дождика — урождалось много, но и немало их безвременно сгинуло в лукошке Клио, безжалостно срезанные ее острым ножичком.

Андрей сгреб все медные монеты и засыпал их в кожаный кошель размером с поясную сумочку, что носят летом многие мужики в том, современном мире.

Он здесь носился аналогичным образом, Никитин насмотрелся на костяки. Следовательно, все новое есть хорошо забытое старое.

Меди было с пару килограммов, Андрей решил не увлекаться, тяжело носить, а стоимость небольшая. В маленьком мешочке он насчитал два десятка серебряных монеток, с одно-, двух- и

пятирублевые кругляшки, на половине из которых отчеканены знакомые ему названия «грошей».

Зато другой десяток кругляшей, намного лучший по форме и изготовлению, был совершенно непонятен своими чеканными надписями — монеты покрывались замысловатой арабской вязью.

— Однако, — задумчиво пробормотал Никитин, — торговлишка с Востоком здесь идет бойко, а иначе монеты бы не брали и не хранили. Да и резидентом какого-нибудь султана сей пейзанин вряд ли был — глупо своим шпионам таким серебром платить. Это как нашему Штирлицу в Берлине пачками рублей за пиво расплачиваться.

Андрей вздохнул — ну почему на монетах не чеканят год, ведь тогда было бы легче определиться со временем.

«Высокомерны поляки, что в будущем, что в прошлом, наверное, считают, что каждый должен знать время правления их князей».

Он хотел засыпать серебро обратно, но тут его пальцы наткнулись на неожиданную твердость в углу мешочка. Никитин быстро запустил вовнутрь руку и из потайного кармашка вскоре извлек две монетки, блеснувшие знакомой желтизной.

— Ого! Золотишко! Грамма по четыре каждая!

Вес Никитин определил сразу, чуть больше трех копеек советских, а те, как известно, ровно три грамма и весили.

Рассмотрев их при отблесках пламени, он убрал арабскую — вязь не прочитаешь, зато сосредоточил все внимание на последней, без всяких потертостей, почти новенькой или не бывшей в обороте.

Монета была польской, достоинством в понятный и знакомый «злотый», что само по себе в переводе не нуждалось.

Андрей только свистнул сквозь зубы, хотя примета была скверная, бабушка в детстве часто ругала — нельзя свистеть, а то денег не будет. А тут такое, что поневоле в Соловья-разбойника превратишься.

— Но почему в Польше сейчас ходит злотый из золота?

Ведь насколько помнил Андрей те обрывки истории, что легли когда-то в его дурную голову, гордые ляхи начали чеканку этой монеты гораздо позже, века с четырнадцатого. Да и то из серебра, хотя название о другом металле говорило.

Но, прикинув скудность собственных познаний, Андрей решил, что сам ошибается — монетка-то вот она, перед глазами. Да и название смущало, ну не могли в древности поляки золотые из серебра чеканить, это только московский царь Алексей Михайлович на медных монетах приказал выбивать — «деньга серебром».

Отчего Медный бунт вскоре и получил, незачем монеты подделывать, хоть ты и венценосец. И было это в семнадцатом веке, то есть намного позже данного времени. А вот про польский «серебряный бунт» что-то ему на глаза не попадалось в книгах, тем паче «злотый» отчеканен из самого настоящего, Никитин даже на зуб попробовал, золота.

— Польша так Польша!

Андрей хладнокровно пожал плечами и подбросил в костерок хвороста. Пламя стало шустро поедать свою пищу, и на душе от прибавившегося света стало немного легче.

— Повезло мне, если говорить откровенно. Горы эти карпатские, других просто нет, язык знакомый, бабка Магда кое-чему меня научила — а третий сорт не брак. Как-нибудь выживу. Могло быть намного хуже — занесло бы в Мексику к ацтекам или еще чего похуже, к каннибалам в Новую Зеландию. Там бы враз пустили в ход дубинку из бамбука, тюк прямо в темя, и нету Кука. То есть меня, родимого!

Никитин ухмыльнулся — одет он нынче во все местное, обувка в самый раз, в полном прикиде.

Вооружен до зубных коронок, денег у него завались — на поясе такую грудку не понесешь, штаны оттянет! В мешок капитал придется складывать. Можно было еще взять, но зачем? Слишком много и хорошо не есть хорошо и много!

Встречал он в деревне серебряные и золотые украшения, но брать не стал — он никогда не был мародером и осквернителем.

Деньги, оружие, вещи нужны для выживания, и не грешно иной раз позаимствовать их у мертвых, если ты в них остро нуждаешься.

Но вот сдирать с людей, пусть и истлевших за долгие годы, обручальные кольца, серьги и мониста — это уже есть наглое мародерство, и для настоящего солдата дело не просто позорное, а гибельное. Мародерство развратит любую армию, причем очень быстро...

Утром Андрей долго отрабатывал удары с найденной в селе секирой. И с большим сожалением расстался с алебардой, которая не прослужила ему и суток.

Но выбор в пользу арбалета являлся, на его взгляд, правильным, теперь врага можно было поражать на расстоянии.

Первые пробные стрельбы из стального лука дали весьма обнадеживающий результат. Болт мог убийно поражать цель на дистанции до ста метров, стрельба из него относительно точная — все пять болтов, выпущенных по стенке одиноко стоящего сарая, попали в цель кучно, вписавшись в полуметровый круг.

И заряжать арбалет сравнительно легко — кладешь болт в направляющий желоб, упираешься в прижатый к земле изогнутый железный лук ногой, держа в правой руке «коготь», и натягиваешь тетиву из сухожилия на болт. Потом прижимаешь «приклад» к плечу, желоб наводишь на цель и спускаешь стрелу, нажимая на крюк.

«Приклад, конечно, не просто хреновый, он попросту отсутствует, как и мушка с целиком. Как говорят артиллеристы, если нет панорамы, то наводишь пушку по стволу».

Но недостатки лишь подчеркивают достоинства — хорошая дальность и бронепробиваемость, скорострельность 2–3 выстрела в минуту, вес как снаряженного РПК-74.

И главное — стрельба из лука требует многолетних занятий, а арбалетом может орудовать новобранец после месяца тренировок. А ведь Андрей был не прожорливым «духом», сам мог потягаться в стрельбе даже с нехилым снайпером.

Закинув вещмешок за спину, заткнув боевую секиру за пояс, повесив на плечо колчан с десятью болтами и держа в руках арбалет, Андрей отправился дальше в дорогу, измерять ногами длинные версты.

Вскоре он прошел стоящий у самой дороги одинокий хуторок, который, судя по всему, пережил то же самое бедствие, что и деревня, правда, издали показалось, что белеет костей все-таки многовато. Заходить в новую юдоль скорби Никитин не стал, и так все ясно, любопытство уже не мучает, насмотрелся до тошноты.

А к вечеру Андрей наткнулся на самую настоящую трагедию — на середине дороги стояли пять развалившихся, когда-то запряженных пароконных повозок, на которые был навален сгнивший скarb и костяки людей.

Скелеты лежали и кругом телег — недалеко они ушли от безжалостной смерти, которая их все же догнала.

Но, приглядевшись, Андрей стал утирать со лба струящийся холодный пот — люди и кони были практически в упор безжалостно расстреляны из луков и арбалетов. Древки стрел и железные арбалетные болты торчали из костей всех людей, включая детей.

Никто из несчастных не успел оказать сопротивления, у одного скелета на кожаном поясе

имелась секира, которую даже не вытащили из петли. И так лежали все, у кого было с собой оружие.

Андрей обошел костяки и поднял болты со стрелы для осмотра. Первое, что бросилось в глаза, так то, что они были похожи друг на друга, будто один мастер делал.

— Унификация, братцы мои, означает всегда государство, и стреляли что ни на есть регулярные вооруженные силы или правоохранительные органы. Но в чем провинились эти люди, чтобы свои же солдаты изрешетили их без пощады и при этом ничего не взяли, даже свои выпущенные в упор болты и стрелы? А ведь они денежек стоят, и немалых! — задумчиво пробормотал Андрей, привыкший за эти последние дни вот так разговаривать сам с собой. Это даже стало насущной необходимостью, он просто опасался приступа безумия.

Мозаика всего произошедшего на этой мертвой земле потихоньку стала складываться в определенную нерадостную картину.

Что могло заставить сотни людей бежать сломя голову, оставляя добротные дома и вещи? От чего передох скот в сараях?

Почему войска перебили беженцев, но не стали брать их имущество, весьма ценное? Да те же деньги?!

Ответ более чем очевидный вырисовывался, так что он закрипел от злости зубами.

Мор! Жуткий мор типа чумы, тифа, холеры или оспы, который одинаково поражал людей и животных, причем даже малейшее прикосновение к вещам заболевших несло с собой смерть.

Болезнь, по всей видимости, протекала скрытно, но после проявления умертвляла пораженного крайне быстро — может, за сутки, может, за час.

И не было от этого спасения, только немедленное бегство могло спасти людей. И скотина тоже от болезни быстро померла, иначе бы с голода все стайки разворотила.

Потому армия карантин устроила и всех, кто пытался бежать, расстреливала без суда или содержания в простом изоляторе. Наверняка в окрестных лесах лежит масса скелетов, утыканных стрелами.

Прекрасно знали вояки о море, раз убивали на расстоянии, ничего у жертв не брали, даже своих стрел не вытаскивали.

И диких животных нет по этой же причине — или передохли или как-то учуяли беду неминуемую и ушли подальше от этих опасных мест. А вот сейчас стали потихоньку возвращаться, раз та косуля неподалеку вприпрыжку скакала, и волк мутированный охотился. И судя по всему, они себя прекрасно чувствовали.

Только одно в этой трагедии пока не имеет четкой версии — почему нигде нет домашней птицы? Может, она могла раньше передохнуть и закопали ее от греха? Тогда почему кругом летает множество всяких пернатых, от орлов до пичуг?

Андрей оторвался от мыслей и посмотрел на голубое небо, там высоко кружили два орла, хищно распластав по сторонам свои мощные крылья.

Может, птицы не заболели этой заразой и просто разбежались. Или разлетелись на все четыре стороны эти куры, гуси, утки и всякие там индюки. А разные летающие хищники, те же самые орлы, к примеру, склевали потихоньку не привыкшую к дикой жизни домашнюю птицу.

Не больные же мором трупы клевать?

Может быть, тела людей и животных дурной запах выделяли и всех птиц за версту отпугнули?

«Вопросы есть, и много, а вот ответа пока нет, информации маловато. Но еще не вечер, глядишь, и разузнаю потихоньку, что к чему».

Удивительно, но за себя Никитин не боялся, хотя прекрасно знал, что такое пандемия и биологическое оружие.

Он был полностью уверен, что болезнь уже исчезла — ведь годы прошли, морозы могли стоять, да и вел он себя осторожно, брал только новые вещи, а в затхлые помещения даже нос не совал.

И верил, что свою судьбу не обманешь — но не может быть у него такой нелепой смерти от зловредных микробов...

На четвертый день он миновал еще три брошенные и пару полностью сожженных деревень. И тут Андрей всей шкурой понял, что скоро могут пойти и обитаемые людьми места.

Линия пожаров является своего рода границей между живыми и мертвыми — перед хворью поставили заградительный барьер. Так в тайге навстречу огню пускают встречный пал, и лесной пожар, не получая пищи, прекращается сам собой...

Каждый вечер Никитин проводил в интенсивных тренировках с оружием — стрелял из арбалета по мишеням на точность и дальность, орудовал секирой, а потом при пламени костра точил прихваченным в деревне камнем наконечники болтов, лезвия секиры и кинжала.

Он чувствовал неожиданную бодрость, и это было у него уже не раз перед доброй дракой. Своей интуиции Андрей доверял полностью, она его ни разу не подводила. Поэтому и проверял он еще раз свое оружие, чтобы впросак не попасть...

Утром Никитин позавтракал вареными овощами с вяленой рыбой, провел ритуальную тренировку более ожесточенно и хорошо отдохнул после занятий. Потом попытался покурить сухой травы, табак у него закончился, но осталось желание.

Или подвиг Колумба совершай, или бросай курить, что оказалось гораздо проще — «трава» ему впрок не пошла. Кашель и рвота не лучшие спутники, лучше уж без такого «табака» обойтись.

После продолжительного «перекура» Андрей отправился в путь, измерять уставшими ногами несколько затянувшиеся и порядком ему уже надоевшие версты.

Теперь он шел несколько иначе — как только дорога выходила на открытое пространство, Андрей немедленно сходил с нее и уже шел вперед по роще или леску, каких здесь было превеликое множество.

Именно на этих лесных опушках он дважды натыкался на кострища, причем одно показалось совсем свежим, примерно суточной давности — пепел и угли не слежавшиеся, рыхловатые.

При тщательном осмотре Андрей нашел под кустом надкусанный и выброшенный огурец, поднял его и попробовал. Как он и подумал, овощ был горьким — или сорт такой, или грядки здесь поливают редко.

Ближе к полудню, когда Никитин шагал по благословенной дубовой роще, он насторожился — где-то впереди, совсем недалеко ехали навстречу всадники, чуть слышно звякала сбруя, перестукивались копыта. Потом не видимая за перелеском лошадь стала громко всхрапывать.

Андрей в быстром темпе выбрал место для встречи по каким-то своим соображениям, зарядил арбалет и поставил его за раскидистое дерево, так чтобы не видно было, а колчан расположил рядом. За соседним дубом спрятал секиру, прислонив ее к стволу.

Потом схватил вещмешок и котелок с водой, вышел на опушку и на большом куске холста наспех изобразил завтрак на природе. Присел рядом с ним на траву и спрятал за спиной на поясе кистень. Успел вовремя.

Вскоре на дороге показались трое верховых, плечистые парни на крепких конях, все одеты в кожаные куртки с нашитыми поверху металлическими пластинами.

Слева у всадников, на бедре, висели чуть кривые и короткие мечи в ножнах, за спиной плащи, вот только шлемы на головах отсутствовали, замененные меховыми шапками. У одного воина на плече имелся колчан со стрелами и изогнутый лук в саадаке.

Андрей напрягся — для него встреча с вояками могла окончиться скверно, если тот парень стреляет хорошо.

Интересная была троица, точь-в-точь как на знаменитой картине «Три богатыря».

В центре на вороном коне восседал крепкий мужик лет сорока, одетый в кожаную куртку с нашитыми поперек груди железными пластинами. Неказистый доспех не впечатлял, как и, впрочем, похожая «збруя» на двух других всадниках.

Тот, что был справа от «Ильи Муромца», — ну вылитый «Добрыня Никитич» местного разлива, и конь такой же белый, то есть сивый, как принято называть этот цвет среди лошадиников.

Третий воин, молодой лучник, сидел на гнедой, или рыжей, лошадке. Он сразу же окрестил этого воина «Алешей Поповичем» и чуть не заржал во весь голос, настолько фантастической оказалась увиденная им сейчас картина. Однако сдержался, чувствуя, что вскоре не до смеха будет. И ему, и, может быть, трем его «оппонентам».

Вид воинов не удивил Никитина, он этого ожидал и теперь не сомневался, что видит перед собой представителей местных вооруженных сил или каких-нибудь правоохранительных органов.

В груди тоскливо заныло, Андрей знал, что эта встреча закончится очередной для него поножовщиной.

Увидев завтракающего путника, всадники без малейшего промедления направили к опушке шагом своих коней и остановились перед ним в двадцати метрах.

Настороженно огляделись («или подвох чуют, или засады боятся», — пронеслась мысль) и, убедившись, что попавшийся им путник почти безоружный, длинный нож на поясе не в счет, немного расслабились, иначе и мечи выхватили бы, и лук достали.

Андрей на них никак не реагировал, лишь громко хрустел репкой и смачно грыз рыбий хвост — ноль внимания, фунт презрения. Но краем глаза видел, как воины побледнели от ярости.

— Борзо вскочи, хлоп! Борзо! — Лучник прохрипел с нешуточной угрозой в голосе, толкнул коня и поднял плеть.

Андрей соизволил поднять голову и оскалился улыбкой. Язык он прекрасно понял, смесь русского с польско-хохлацким. Вернее, местная версия славянского языка, все другие на его основе появились гораздо позже, по мере формирования народов и наций.

— Зело сам борз, кметь, ох как зело борз! — как бы удивляясь вслух, но с командной ноткой в голосе произнес Андрей, вот только вставать не стал. Он видел, что шрамы на лице были уже замечены всадниками, и те сразу малость притихли.

Мужик в возрасте, также имеющий подобные отметины на своем лице, сильно напрягся и очень пытливо стал вглядываться в лицо и фигуру Андрея.

Затем внимательно посмотрел на рожицу, бросил короткий, но пристальный взгляд по сторонам.

Спросил довольно вежливо:

— С каких мест пан идет? Не из запретных ли земель?

— Я не ведаю этих мест! Через горы перешел, а тут вы мне попались навстречу, — Никитин отвечал очень спокойно, не ломая больше свой язык, и улыбался весьма добродушно.

Как не нравился ему этот второй вояка — цепкий взгляд и плавные движения выдавали в нем немногословного, многократно битого и опытного волка, настоящего профессионала войны.

— Пан должен пойти с нами! Или мы поведем пана силой, — тот сразу отрезал попытку завязать разговор.

У Андрея на душе стало очень тревожно. Он заметил, что два других молодых всадника удивленно посмотрели на своего старшего товарища, и этот взгляд расставил все точки над «и».

Его хотят убить!

Молокососы попытались бы сразу прирезать, не признав в нем своего, а вот их начальник вначале оценил обстановку, и что-то его насторожило. Вот и старается отвести путника подальше от леса, нарушая этим инструкцию мочить всех «запретных», то-то посмотрели на него удивленно.

Однако Андрей был тоже не лыком шит, много раз дрался не на жизнь, а на смерть, как с оружием, так и без него. А потому на такую дешевую угрозу не только не поддался, сделал наоборот.

Он спокойно повернулся к всадникам спиной и стал крайне неторопливо укладывать вещмешок. Краем глаза следил за лучником, зная, что двух других он услышит раньше, чем они нападут на него.

Андрей их просто провоцировал на атаку, давая для того возможность действовать

безнаказанно, не опасаясь ответа. Для большего соблазна он даже встал на коленки.

Выражаясь научным языком, сейчас имитировал насильникам виктимность жертвы. Нервишки у молодого лучника не выдержали соблазна — он вытянул лук, быстро выхватил из колчана, вставил в тетиву стрелу и, не целясь, выстрелил.

Стрелок бы не промахнулся, но перед ним был не лох или бомж из теплотрассы. Опередив врага на какие-то доли секунды, Андрей кувыркнулся через голову и уже вскочил за деревом. Стрела торчала в вещмешке, а лучник торопливо выстрелил еще раз — отщепленная кора брызнула в разные стороны от лица Андрея.

— Надо же, почти попал, сволочь!

Третий выстрел лучник уже не сделал — в его грудь попал арбалетный болт. Сраженный наповал воин сразу потерял стремяна и кулем свалился с всхрапнувшей лошади.

— А-а...

Перезарядить арбалет Андрей не успел — старший понял, что промедление смерти подобно, и с мечом в руке бросился на Никитина.

Если бы он попробовал развернуть коня и попытался удрать, то Андрей успел бы выстрелить из арбалета раза три, не меньше. Расстрелял оставшуюся парочку, как на полигоне, да еще контрольный болт остался бы про запас.

Молодой напарник ветерана стал забегать с другой стороны дуба и допустил тем самым большую ошибку, на которую рассчитывал Андрей, планируя схватку. Разве враги могли предположить, что жертва сама станет на них охотником и будет бить врагов по отдельности.

Сжимая в руке кистень, Андрей рванулся вправо и оказался перед самым неопытным противником. Тот взмахнул мечом, пытаясь ударить Никитина в голову, однако битый жизнью спецназовец мгновенно сделал плавный уход в сторону. Попытка рубящего удара, да еще на встречном движении, дорого обошлась воину.

— Молокосос! Это тебе не мирных поселян рубить, сволочь! — Андрей свирепо оскалился и взмахнул кистенем.

По инерции юнца протащило пару метров, цена расплаты за рубящий удар, пришедшийся в пустоту. Гирька обрушилась врагу на бедро, и тот сразу свалился на землю, заорав от боли.

Сильный удар Андрея каблуком по затылку пресек жалобный крик, погрузив противника в беспамятство на полчаса, не меньше. Если бы этот удар он провел в полную силу, то его врагу гарантировался бы вечный сон.

Однако ветеран оказался намного проворнее, чем рассчитывал офицер, — его клинок сверкнул в воздухе, и Андрей еле успел увернуться от стремительного удара. Отпрыгнув в сторону, Никитин сразу же перешел в контратаку, целя в руку воина.

Тот с похвальной быстротой отскочил, его клинок резанул серебристый полукруг и, попав по ремешку кистеня, разрубил кожу.

«Хорошая штука у воина, сразу не поймешь — то ли искривленный меч, то ли не совсем загнутая сабля, острая, и руки, ее державшие, тоже не из худших», — Андрей мгновенно оценил врага.

Но в резерве у него еще имелась секира, без нее пришлось бы очень худо. Но он находился к ней намного ближе, чем противник, и успел не только вооружиться, но и встать в боевую стойку.

В этот момент Андрей сильно пожалел о своей самодельной алебарде — будь такое оружие в руках, он сейчас бы чувствовал абсолютную уверенность в полной победе.

Ветеран остановился и внимательно посмотрел на Никитина. Клинок держал прямо, глаза смотрели пристально, было видно, что воин уже прикинул шансы на исход боя, заодно восстановив дыхание. Ничего не говорил, был очень спокоен.

Да и к чему все разговоры — оба прекрасно знали, что кто-то из них сейчас победит, а противник будет убит в этом поединке. Меч против секиры почти беспомощен, если у противников щиты.

Боевой топор развалит даже очень крепкий щит за десяток ударов, а вот любой клинок здесь почти бессилён и щит прорубить не в состоянии.

Андрей тоже успокоился — он успел понять, что перед ним далеко не мастер, хотя добрый вояка. Но Пал Палычу воин крепко уступает в умении. С инструктором Андрей сходил много раз, но тот его лупцевал нещадно, все же только тем на хлебушко и зарабатывал.

Потому сейчас шансы наполовину, пожалуй, у ветерана даже чуточку меньше — утяжеляет хоть и примитивная, но все же довольно надёжная железная защита, хорошая против скользящих ударов меча или попадающих на излете стрел, но стоящая не больше картона под ударом секиры, что проломит эти железки, как консервную банку. Правда, нужно вначале попасть удачно, а до этого замах сделать...

Андрей стремительно сделал два шага вперед, тут же нанеся сильный удар в голову. Очень коварный удар, когда в последнюю долю секунды секира резко меняет направление и вместо головы обрушивается супостату на ногу.

Воин отпрыгнул в сторону и сам ударил саблей по руке. Однако Андрей заблаговременно ушел от этой контратаки.

Через десяток секунд ожесточенной схватки Андрею стало ясно, что победа близка, слишком было очевидно его преимущество в скорости движения и быстроте реакции.

Его противник побледнел и хрипло дышал — воин никак не мог понять, почему, владея секирой совершенно неумело, враг постепенно стал настолько опасен. Понятно, что арбалетчик не дерется на уровне мечника, но стать настолько опасным...

Андрей молча стоял над телом второго убитого им в этом чуждом времени врага — страшный удар секиры пришелся тому в голову, разрубив череп и запятнав одежду кровавыми ошметками.

Немного отдышавшись, Андрей оглянулся, сплюнул и спокойно вытер лезвие о холстину, отбросив потом ее в сторону. В эту минуту он хотел только одного:

«Мне необходимо разыскать хорошего учителя фехтования на мечах и секирах. Сейчас пролезло, но если попадется опытный противник, не уступающий в быстроте реакции, то будет худо».

У врагов он не стал брать ни оружия, ни денег, ни доспехов — зачем, если у него всего необходимого в полном достатке имеется. Мимоходом вырезал только арбалетный болт из тела лучника, к чему оставлять лишние улики следствию.

— Или оно называется здесь инквизицией?

На заданный себе вслух вопрос Андрей не мог найти ответа — ведь историю он изучал только в военно-прикладном аспекте. И тут же вспомнил, что инквизиция занималась вероотступниками, еретиками, а вот такими, насквозь «мокрыми» делами заправлял княжий суд.

На лошадей он даже не посмотрел, они нужны, если торопишься куда-то ехать, а тут какая, к лешему, спешка, если не знаешь даже, куда и идти.

В настоящий момент Андрею хотелось только одного — честной и полной информации. И намеревался ее безжалостно выбить из валявшегося в отключке молодого воина.

Однако перед допросом он проделал желанную процедуру — подошел к ведру с водой, скинул с себя одежду и тщательно умылся, а следом обтер тело намоченной холстинкой.

Потом присел в тенечке под дубом и машинально набил трубочку травой. Засмеялся и решительным броском зашвырнул ее за деревья.

«Вредное это дело курить, тем паче здесь, где здоровье и „дыхалка“ главную роль в схватках играют».

После «перекура» Никитин поволок беспамятного пленного в тень и привязал к дереву. Крепенько привязал, шутки кончаются там, где начинает литься кровь. Не он начал первым, его захотели убить — а потому не до сопливых сантиментов.

Парнишка был молод, на вид шестнадцать лет, усы еще не пробиваются, но крепкий телом не по возрасту.

Андрей подавил в себе жалость — а-ля герр, ком а-ля герр! На войне, как на войне — именно так говорят французы. Жалость к жестокому врагу совершенно неуместна, вредна и даже очень опасна. Такой гуманизм для него самого боком выйти может.

Никитин щедро плесканул на лицо пленного пару кружек воды, которые и привели парня в сознание.

— Ты скоро ответишь за свои дела, холоп! — с горящей в глазах ненавистью процедил слова юноша, пытаясь разорвать веревки, стянувшие сзади за деревом руки.

— Так вот ты какой, северный олень?! Мне грозишь?! Ты меня плохо знаешь? Тогда у тебя все впереди! — с наигранным удивлением произнес Андрей и тут же хлестко провел несколько молниеносных ударов по нервным узлам, причинивших пленнику жуткую, но кратковременную боль.

— Я отрежу твой поганый язык и засуну тебе в задницу, чтобы ты, сволочь, знал, как за словесный понос отвечают, — зловеще прошипел Андрей, склоняясь к лицу хамоватого

пленника.

— Да пошел ты, не запугаешь, гад про...

Отчаянный выкрик застрял в горле у юнца, лицо смертельно побледнело, челюсть отвисла. Испуг был так очевиден, что Андрей, не раздумывая, сразу же обернулся — а вдруг парень что-то увидел за его спиной непонятное. Но за спиной никого не было, и он снова обернулся к своему пленнику.

И поразился произошедшей с тем разительной переменой — перед Никитиным сидел смертельно испуганный пацан, причем старухи с косой он вряд ли боялся.

«Но что же так его испугало, если он мгновенно изменился?»

— Пан рыцарь! Прости меня, бога ради! Убей, я не пикну, ваша милость! Режь меня как хочешь! Перетерплю любые пытки, это мне будет достойное наказание, но прости!!! — отчаянно взывал пленник, на его глазах появились слезы. Мальчишку просто трясло, как больного лихорадкой, зубы постоянно клацали друг о друга, по лицу лился пот вперемешку со слезами.

Андрей оторопел, он ожидал чего угодно, но не такой быстрой перемены от гнева к раскаянию.

Никитин многое повидал в этой жизни и понимал, что пленник сейчас искренен, но не знал причины такой молниеносной перемены. Но твердо уверился в одном — его приняли за кого-то другого, но вот на основании чего?

— Если бы я знал, на какое отцеубийство пошел, то вначале убил бы своих спутников, потом сам упал бы на свой клинок, но не допустил бы позора! Я достоин лютой смерти, убей меня, но прости!

Юноша уже плакал, совершенно не стесняясь своих слез. И тут Андрея окончательно проняло:

— Успокойся, сынок!

Никитин развязал пленника, попытался дать ему кружку воды. Но тот ее не взял, а принялся целовать его руку. Кое-как он успокоил юнца, ведь надо же было начинать его осторожно расспрашивать.

— Тебя как звать?

Первый вопрос был как банален, так и неизбежен, потому что требовалось наводить мостик доверия после избиения, учиненного Андреем четверть часа тому назад.

— Велемир.

Парень немного успокоился и взял себя в руки, продолжая остолбенело смотреть на голую грудь Никитина.

Вот этот его взгляд невольно напрягал. Андрей не мог взять в толк, почему к его торсу проявляют такое повышенное внимание, а посему задал вопрос в лоб, чуя, что находится близко к истине.

— О чем ты думаешь, сынок? — Андрей хлопнул ладонью по крепкой груди, накрыв татуировку с первой группой крови — 0 I +.

Ее наколол пьяненький сокурсник в общежитии, потому что она совершенно не соответствовала общепринятой в медицине — 0(I)RH+.

Исправлять ошибку, попав на военную службу, Никитин не стал. Просто махнул рукой — так сойдет, кому надо, сразу разберутся, какая у него группа крови.

— Ты ведь рыцарь ордена Святого Креста?! — не столько спросил, сколько утверждающе произнес юноша, ткнув пальцем на злосчастную татуировку.

Андрей опешил — заявление паренька его ошарашило, но лицо продолжал держать строгим, ни один мускул не дрогнул.

И разубеждать не стал, ведь если его приняли за кого-то другого, более значимого и влиятельного (еще бы, рыцарь какого-то непонятного ордена), то сами вывернутся перед ним наизнанку.

Правда, названия такого ордена Никитин никогда не слышал, да и не читал о таком.

Андрей припомнил, что рыцарские ордена вроде в Палестине кучковались, в пустыне за Гроб Господень воевали.

Сразу в памяти всплыли кадры из любимого фильма про Айвенго, там тамплиер был, как его — вроде Бриан де Буальгибер, командор ордена Храма. Но здесь, в Польше, откуда взялись рыцари ордена Креста, так с немецкого переводится слово «крейц».

И тут Андрей осекся, он вспомнил, что крестовые походы в Палестину начались в конце одиннадцатого века, а сейчас, по его подсчетам, еще десятый не окончился, а потому решил спросить парня в лоб, благо тот пока пребывал в нужной кондиции.

«Как там в одном фильме утверждалось — ковать железо нужно, не отходя от кассы».

— Год сейчас какой?

— Как какой?

От такого неожиданного вопроса паренек просто выпучил глаза. Но, встретившись со стальным взглядом, торопливо ответил, не скрыв, впрочем, искреннего удивления:

— Девятьсот семьдесят седьмой пошел от Рождества Христова, — Велемир немного подумал, потом искоса взглянул на пасмурневшего мужчину и тихо добавил: — Шесть тысяч четыреста восемьдесят пятый от Сотворения мира. Вроде так будет, если правильно подсчитать.

Андрей задумчиво пожевал губами, он не ошибся в своих расчетах относительно хронологии, но в голове как-то не укладывалось, что его забросило в древность.

Вроде недавно тысячелетие православия на Руси отмечали, а тут христианство в Киеве еще не принимали...

— В Куйябе сейчас эмир сидит, магометане наши дружины с дреговичами и воляньями два года назад разбили и отбросили, — тихий голос Велемира ворвался в мысли, и Никитин встрепнулся:

— В какой такой Куйябе?

— В Киеве, сам так сказал, — торопливо ответил юноша. — Ты вслух думал. Тысяча лет прошла от рождения Иисуса Христа, Господа нашего. Веру его поляне не приняли, хазары на мече магометанство свое принесли. Вот уже пятнадцать лет как Киев Куйябой стал.

— Это как понимать прикажешь? — Голос у Никитина сел за секунду, он охрип и еле вытолкнул из глотки слова.

Новость его ошарашила жбаном голого кипятка — это ошалеть можно! Киев, мать городов русских, ислам принял, который ему хазары навязали.

«Ну ладно, предположим, что поляне этим степнякам дань платили и дрались с ними, достаточно пушкинскую „Песнь о вещем Олеге“ вспомнить. Но ведь хазары иудеи», — это он четко помнил, ведь их каганат Святослав подчистую разгромил, и произошло это лет десять назад, точного года Андрей не знал, но твердо был уверен, что раньше. С той поры только через тысячу лет иудеи свое государство Израиль создали.

— Почитай, без малого двести пятьдесят лет прошло, как Масиба, молодой брат халифа Багдадского, хазар так потрепал, что они в мусульманство ушли. А потом по Итилю все народы Магомета приняли, теперь даже Волжская Булгария эмиратом стала.

— Так... Охренеть можно...

Андрей лихорадочно соображал — что-то на его родную историю мало походит, крепко тут замешано, как такую кашу есть прикажете. Или парень головкой бо-бо...

— Итиль? — Никитин знал это арабское название великой русской реки. — Ты хотел сказать Волга?! Или Днепр?

— Не, такого названия не ведаю, хотя в библиотеке пана Бужовского все двадцать книг прочитал. Большая библиотека! Итиль раньше Ра называли, Солнечной рекой, а Днепр греки Борисфеном именовали, их «географию» читал. Сейчас там везде магометане, лишь Смоленск крепко князь Святослав из Новгорода держит, внук князя Рюрика. Великий воитель, хоть и язычник. Его дружина в прошлом году сильно побила хазар под Черниговом. Славная была сеча...

— Ты откуда это знаешь? — У Андрея ум за разум заходил.

«Это что ж такое здесь творится?! Все с ног на голову перевернулось! Правду глаголет или брешет юнец?!»

— Пан Бужовский, что меня воспитывал, с заезжими купцами часто беседует, оттого многое знает. Особенно он привечает тех, кто к нам с заката или с полудня приезжает, где неверные давно утвердились. И мне постоянно рассказывает, что на тех землях творится.

— С запада и юга? Так ведь, — Андрей перевел в привычные стороны света слова парня.

И лишь потом до разума дошло сказанное. Никитин почувствовал, что «крыша» начинает тихо сползать.

— Так что, там тоже мусульмане живут?! На западе?!

Голос Андрея вначале дрогнул, потом дал петуха, чуть не сорвавшись на яростный крик.

— Да, вот уже двести лет прошло, как франкское войско под Пуатье арабы победили, а Карлу Молота убили. Ими опять же Масиба воеводствовал, уже старцем, в силах великих был, крепок, но вероломен, как Атилла. Все мусульмане его великим воителем считают, затмившим славу Александра Македонского. «Саблей Аллаха» именуют и преклоняются до сих пор. Теперь минареты уже на Рейне поднялись, под свою руку все закатные земли подвели магометане.

Юноша отвечал терпеливо, но вот его взгляд был как у испуганной газели. Да и смотрел на него так, как обычно взирают нормальные люди на пациента психиатрической лечебницы.

— Карла Мартела, майордома Меровингов? Длинноволосых королей, так ведь их называют?!

У Андрея задрожала душа. Пуатье он прекрасно знал, как и то, что там состоялось две битвы. В первой франки разгромили арабов и выбили их за Пиренейские горы, обратно в Испанию. Потом, правда, еще лет семьсот с ними там воевали, освобождение вели, реконкисту.

Но это так, к слову — а спустя шестьсот лет франки снова решили продолжить славную традицию на этом поле, сойдясь с англичанами.

Но раз на раз не приходится — цвет французского рыцарства полег под стрелами английских лучников. Это Андрей знал точно, листал военную энциклопедию, а на пенсии Мориса Дрюона прочитал, все семь книжек.

— Да! Это так и было!

Юноша повеселел от слов Никитина, и взгляд его уже не дрожал:

— Только насмерть побили длинноволосых королей и все их потомство. Не пощадили. Пало и государство, хотя некоторые замки еще чуть ли не сто лет в осаде держались.

— Угу, — только и сказал Андрей и крепко задумался, приняв известную всему миру позу роденовского мыслителя. А подумать стоило, ведь такого хода истории просто не могло быть,

но тем не менее Никитин Велемиру полностью поверил.

«Может, правы некоторые фантасты, что миров превеликое множество. Тогда та реальность, в которой я жил и воевал, не что иное, как один из сучьев, а то и вообще веточка».

— Твою мать! А может...

Андрей неожиданно осекся, проглотив слово. Мысль, которая пришла в голову, была ошеломляющей.

«А ведь имя Масибы мне не встречалось ни разу, вот в чем ключ. Кто это такой вообще? Ведь если он такой-разтакой, то о нем должен я был бы знать и из уроков истории, и книжки о нем должны быть... Ведь он типа Тамерлана или Чингисхана, уровень полководца, не меньший! А здесь, в этом перпендикулярном, право слово, мире... Значит, этот Масиба и есть тот, кто повернул историю в другую сторону, сделал ее заново... Если он гениальный, а другого слова и не подберешь, полководец, то откуда взялся такой воитель? А вдруг этот араб такой же „попаданец“ во времени, как и я сам? Тогда объяснима и его гениальность, и то, что мир ислама раскинулся по Европе, и что Русь стала мусульманской, а не православной. Так что же это такое получается?!»

— Пся крев!

Ругательство, привитое бабкой Магдой после долгих и нудных уроков польского языка, а также совместных трапез, произвольно слетело с губ, и Андрей опомнился.

«К чему гадать и делать выводы, если информации маловато. И не к спеху это, тут бы шкуру свою спасти, устроиться, а потом можно и над мировыми проблемами хорошо покумекать».

— Ты знаешь, что это такое?

Никитин прикоснулся пальцами к выколотов на груди татуировке, так поразившей парня, в чем он не сомневался.

И мысленно напрягся, ведь он еще не решил, что ему делать с пленником. А потому вернулся с небес к делам чисто практическим.

«Поменьше говорить, молчать с самым многозначительным видом, не выдавая своего невежества в местных реалиях. Побольше слушать, тогда, глядишь, и спланировать что-то на будущее удастся».

— Это знак ордена Святого Креста! Мне так мама тихо шепнула, когда вырос. Сказала, чтобы я молчал, ведь это тайна великая, ордена Святого Креста... — Палец юноши потянулся к груди, но плюса не коснулся.

Велемир опомнился и отдернул руку.

— А про другие знаки я не ведаю. Но мама про них мне рассказала, она же на твоей груди их той ночью у тебя увидела. Когда меня в ту ночь от тебя понесла...

Велемир осекся, сбился в клубочек и испуганно посмотрел на Никитина, словно опасаясь, что тот ударит его.

Но Андрею было не до того, от слов парня он впал в столбняк и чуть не отвесил челюсть. Заявление его шокировало до глубины души.

«Это надо же, уже здесь, в другом времени, жена с сыном отыскались, или я шибко хорошо долбанул его по голове?!»

— Тебя же зовут Анджей, или Андреас, на германский лад! Мама тебя ведь за тевтона приняла... — Велемир тихо, не поднимая глаз, заговорил: — И тут у тебя родимое пятно в виде листка клевера... В низу живота, справа...

— Андреем! Гм, хм, бля!

Никитин машинально поправил юношу и тут же поперхнулся. Ему стало нехорошо — родимое пятно у него действительно было, трилистником.

Он почувствовал, что уже сам начинает сходиться с ума, ведь не мог Велемир разглядеть, что есть у него под штанами.

— У меня там родинка! — глухо отозвался Андрей и, презрев стыдливость, чуть распустил шнурок и приспустил штаны.

Парень впился в родинку глазами и прямо на глазах, за секунду, из пугливого мышонка превратился в самого счастливого человека. По крайней мере, так показалось Андрею — ибо такой блаженной улыбки со слезами на глазах он никогда не видел.

«Раз случайность, два случайность, но на третий раз закономерность вырисовывается».

Андрей лихорадочно размышлял, понимая, что в его переносе во времени и пространстве лежит какая-то ему непонятная, но тем не менее определенная логика.

— Ты забыл, наверное, но когда уходил в крестовый поход на Рейн, то взял мою маму к себе на ложе... — торопливо заговорил юноша, глотая слова и боясь, что его одернут. — Она служанкой у пана Зденека Торна тогда была. Нет, нет, пан командор, я все понимаю. В ордене рыцари обет celibата хоть и не дают, но такое их ни к чему не обязывает. Да и мне не надо ничего, пан Бужовский воспитывал меня со своими сыновьями, ничем не выделяя. Научил и биться, и грамоте, дал мне оружие. Маму к себе взял, но не служанкой, а ключницей, она с нами за одним столом ела, а не с другими слугами. Два года назад мама в монастырь ушла, пан Всеслав за нее вклад богатый сделал. А меня в шляхетское достоинство вписал. Я теперь тоже полноправный, пусть из всего имения только сабля и конь...

Велемир осекся, с некоторым испугом в глазах посмотрел на Андрея и, помешкав, бросил короткий взгляд на оружие, что лежало рядом с ним в груди с другими трофеями, и на свою гнедую лошадь, что спокойно щипала траву поодаль.

— Не беспокойся, — Никитин правильно понял опасения парня, — не стану я забирать твое добро... Сын...

Последнее слово вырвалось у него помимо воли. Никитин уже немного успокоился, пришел в себя и снова стал рассуждать: «Если миры очень похожи, то могут быть и подобные схожие судьбы, и схожие дела, и даже схожие татуировки. Смысл, может, и другой, но куда денешь внешнее сходство с парнем?!»

Одно было несомненным фактом — они с Велемиром очень сильно похожи друг на друга — невысокие, широкие в плечах, русоголовые. Даже глаза у зрелого мужчины и молодого парня являлись одинаковыми, зеленовато-голубыми.

Опровергать юношу Андрей уже не смог бы даже под страхом смерти. Просто вспомнил 1987 год, когда приехал провести семью друга, который полгода назад погиб в бою под Гератом.

До сих пор он глядел в восторженно-отчаянные глаза трехлетнего пацана и слышал его радостный лепет: «Папа! Папа плехал!»

У Велемира были точно такие же восторженные глаза, и Никитин не мог холодными словами безжалостно разрушить заветную мечту его детских лет. Это было выше его сил...

Андрей лежал в тени раскидистого дуба и думал о перспективах, а они были, прямо скажем, хреновые.

Он убил двух ближних и лучших воинов магната, проще говоря, «местного авторитета», Конрада Сартского, патрулировавших границу Запретных земель. Тех самых, по которым прошел он за последние дни и обезлюдевших в результате страшной моровой язвы двенадцать лет тому назад.

Этот местечковый феодал за убитую курицу целый месяц соседа изводит набегами будет, а за двух приближенных вояк вообще на дерьмо изойдется, но землю так рыть будет, что врагу тошно станет, и не успокоится, пока убийцу не найдет.

Дело серьезное — решение о блокаде Запретных земель принимали все паны и магнаты на коло — специальном съезде, решения которого проводились в жизнь немедленно, не то что распоряжения князя Болеслава, на кои поплеывала даже вечно голодраная шляхта. Еще та вольница будет — не может Польша без гонора жить...

Убитых воинов честь по чести похоронили в выкопанной Велемиром яме, приладили крест из палок, прочитали «Отче наш».

Андрей не сожалел о случившемся, не имел такой привычки над врагами причитать. Да и Велемир, судя по всему, оплакивать своих напарников не собирался.

Наоборот, Никитин поймал на его лице злорадную ухмылку, видно, покойные панове не раз и не два зловердные пакости парню делали. Так что процедура прошла в полном соответствии с русской поговоркой «Помер Офросим, ну и хрен с ним».

Потому они спокойно сели поужинать. Велемир принес из седельных сумок хлеб, копченое мясо, флягу с вином.

Помялся немного, хотел угостить отца лучше, но какие яства могут быть в недельном патрулировании у молодого воина. Смущенно улыбнулся «отцу» и тихо сказал, что всех лошадей стреножил и оставил пастись.

Андрей вывалил на импровизированный стол подкопченную и вяленую рыбу, немного фруктов и овощей.

Он очень хотел курить, дурная привычка одолевала, и он надеялся, что в будущем, на какой-нибудь делянке, посадит дедовский табачок.

Но, подумав немного, Никитин сплюнул, решительно бросил пакет с семенами табака на раскаленные угли костра.

Не пожалел ни на капельку — пусть он немного сейчас помучается, зато в этом мире знать про поганое зелье долго не будут.

«Когда еще Колумб до Америки доберется. Или, с поправкой на существующую реальность, Синдбад-мореход».

Вечеряли очень долго, Андрей с удовольствием пил местное кисловатое вино, с аппетитом ел мясо и зачерствевший ржаной хлеб.

Сын подчистую уничтожил овощи и плотно приналег на рыбу, только горка костей осталась на полотенце.

Андрей все думал, как раскрутить парня на информацию так, чтобы тот не понял, что его «отец» ни в зуб ногой не ведает об этом мире. И в первую очередь, о таинственном рыцарском ордене, чью шифровку он, по странному стечению обстоятельств, носил на груди. А заодно проверить сообразительность парня, мало ли что.

— И что ты думаешь, сын, о том, куда я направляюсь и чем буду заниматься? Подумай

хорошо.

Юноша бросил на Никитина преданный щенячий взгляд, но тот только улыбнулся в ответ.

Был бы хвост у парня, так вместо вентилятора можно было использовать. Грех, конечно, такой привязанностью пользоваться, но цинизм двадцатого века диктовал Андрею свои решения.

— Ты через горы шел, пан командор, сам об этом сказал, — Велемир восхищенно посмотрел на Андрея. — Уже давно никто теми тропами не пользуется, с самого моря. А ты по ним прошел!

В голосе парня звучала такая гордость, словно это он сам, подобно греческим героям, отмерил этот путь.

Андрей поморщился, но прерывать славословия юноши не стал, сам был такой в молодости и с придыханием говорил о кумирах. А тут появился долгожданный отец — «вот тебе и предмет для обожания, и законный гонор, ведь он не кто иной, как командор рыцарского ордена, ни хухры-мухры подзаборное. Наивное дитя — в двадцатом веке, на фоне иных пороков, самозванство чуть ли не невинная шалость».

— Ты же в Бялу Гуру идешь, в орденские земли?! Тут мне даже гадать не стоит. Других земель крестоносцев в округе просто нет. Там сейчас старый рыцарь ордена живет, отшельником, и воины с ним, с десятков. Целое «копье» осталось. Мало, конечно, но их все селяне поддерживают. Белогорские крестьяне упрямством своим славятся, многие охотники, с луков метко стреляют. Так что пока отбиваются от притязаний пана Сартского, что их взять под себя хочет.

— А с этого момента поподробнее. Что за пан, какие у него силы, и, вообще, как вы тут живете?

И Велемир начал весьма толково рассказывать «отцу» о местных «заморочках», а тот внимательно слушал, оценивал и запоминал информацию, на ус мотал, как говорится...

— Мне за патрулирование Запретных земель один полугрош за три дня посулили, я и пошел, деньги-то немаленькие. И хорошо, что пошел, тебя, пан командор, здесь встретил. Это мой самый счастливый день в жизни.

Пламя костра бросало причудливые тени на лицо юноши, что отгребал веткой красные угли в сторону, на заранее выкопанную ямочку, где сейчас томилась репка, присыпанная землей.

Коронное блюдо Андрея в молодости — запеченная на углях картошка здесь бы имела большую популярность, правда, вместо нее в ход шла обычная репа. Весьма, кстати, неплохое блюдо на вкус, ничем не хуже неизвестного здесь картофеля.

— Пять грошей в месяц, — Андрей быстро скалькулировал жалованье. С полтора грамма серебра «полугрош», тонкая, как ноготь, монетка. С ельцинские 50 копеек.

— Негусто, и что на эти мизерные деньги здесь возьмешь? От жилетки рукава или от мертвого осла уши?!

— Что ты, пан командор?!

Парень от растерянности выпучил глаза и даже замахал руками:

— Ты просто давно в наших краях не был. После моря с деньгами совсем туго стало, купцов мало, серебра везти некому, медь берут неохотно, да и кому она нужна. Ведь один полугрош стоит двух десятков медяков, каждый из которых впятеро больше его по весу. Пояс оттягивается от кошель, когда идешь на торг за покупками.

Андрей ухмыльнулся от его замечания. Велемир раззадорился и начал вводить его в курс местных товарно-денежных отношений.

Без знаний этого труба дело, деньги есть, а что и почем, лес дремучий. Даже хлеба себе не купишь и на постоялом дворе не остановишься.

— Мы давеча втроем на постоялом дворе на полугрош до пуза наелись. Сам посуди — жареного петуха, трех фазанов с мисками пшенной каши, три больших мясных пирога, потом по миске бигуса получили, тушеной свинины в капусте, да еще большой каравай пшеничного хлеба в добавку. Да на полугрош еще вина плетеную бутылку взяли. Хорошо посидели...

Велемир даже глаза зажмурил, припоминая, как хорошо они погуляли. Но тут же заговорил снова:

— Полугрош — красная цена расписного глиняного горшка и трех глиняных кружек. Хотя можно и втрое дешевле взять. За полугрош рыбак должен три десятка щук или судаков покрупнее выловить и закоптить. Это сколько на реке бреднем пройти надобно?! А вода уже не теплая. А за грош крестьянин сможет продать доброго поросенка, козу или овцу упитанных. А купить в городе еще можно хороший нож, обычный топор или косу. Дорого железо, очень дорого, вот и дерут за него кузнецы три шкуры...

Велемир взял в руки палку и отгреб в сторону оранжевые угли. Поковырялся немного и извлек из ямки три репки. Два корнеплода откатил Никитину, а один стал ловко чистить от золы, подбрасывая на ладонях, горячий ведь, с пылу с жару.

Андрей чваниться не стал, шустро смахнул лезвием ножа пепел и подгорелую корку и принялся понемногу есть репу.

— Вот мне в месяц пять грошей положено, и это щедро. Можно яловую телку купить или добрую телегу с упряжью. Столько платят простому вою за три месяца, а слуге за полгода службы. Но то правильно — кровь воинская завсегда цену имеет. За три злотых можно купить хорошего коня с седлом, а мне год понадобится служить. Все мое снаряжение семь злотых стоило, ведь это сабля, шлем, кинжал, защитный кожаный панцирь с железным нагрудником. Коня мне пан Бужовский дал и за оружие заплатил. Где я такие деньги возьму? Десять злотых нужно!

Велемир всплеснул руками и продолжил:

— Целая годовая пятина богатого и зажиточного хозяйственного своеземца. Сейчас в моем кошельке только полугрош серебра, да и меди еще немного. Даже гроша не будет, если все вместе сложить. И я не один такой, многие шляхтичи только на милости богатого пана живут. Таких магнатами у нас именуют!

Андрей задумался, цены его поразили. В его мире вещи стоили намного дешевле продуктов, а здесь все наоборот.

Надо же, обычный топор стоит столько же, сколько большая овца, а в том мире таких топоров за овцу надо было отдать...

«Ой, как много получается. Еще одна заковка — дичина намного дешевле каши. Впрочем, здесь все ясно — зерно вырастить еще надо, собрать, обмолотить, сохранить и сварить, дичина же по лесу сама бежит или летает. Благо не строят здесь всякие химические и нефтеперерабатывающие заводы, не рубят леса для производства столь нужной целлюлозы».

— Сам посуди, — пробившись сквозь мысли, Андрей снова слышал голос Велемира. — У нас есть рыцари с золотыми шпорами, а штаны в заплатках, а кошелек как вымя тощей козы. За обученного боевого коня просят тридцать злотых, за полный рыцарский доспех и оружие нужно еще отдать семьдесят. В десять раз больше, чем простому кметю снарядиться! А ведь надо и оруженосца, и «копье» из десяти воинов снарядить. А это еще столько же заплатить. Двести злотых! Без богатой добычи или пожалованных сел никак не прожить рыцарю. Нет, не прожить. Эх!

— Рано тебе о рыцарских шпорах думать!

Андрей безжалостно пресек мечтания юноши.

Такие грезы опасны для юноши, если зародится в сердце зависть к более богатому или удачливому, если будет думать не о войне, а о наградах — все, хана, пиши пропало. И тут же повернул в старое русло:

— Арабские деньги, значит, в ходу?

— Дирхемы с грошами равно идут, серебро в них доброе. Динары охотней злотых берут, как и ромейские солиды. Злотых мало князь чеканит, вот византийское золото у нас и ходит. Пан Бужовский ими часто расплачивался, я их даже в руках держал. А злотые только видел...

— Держи, пусть у тебя будет на сохранении. — Андрей швырнул Велемиру через пламя костра монетку, сверкнувшую звездочкой. Юноша поймал ее и удивленно выдохнул:

— Надо же, самый первый золотой, еще князя Мешко. Он их мало отчеканил, очень редко встречаются. А этот как новый. Ромеи так говорят про свои монеты — солидно с такими жить.

Андрей усмехнулся — он, признаться честно, никак не предполагал, что это слово является производным от названия золотой константинопольской монеты.

«Ну что ж, пусть и Велемир золотишко в своем кошельке поносит. И не только его».

Никитин высыпал на полотно свой капитал, разделил его на две равные кучки.

Арабский динар предварительно упрятал, за ним в кошель отправилась груда меди и горсточка серебра. Велемир только молча смотрел на деньги, не решаясь взять их в руки.

— Бери, бери, — подбодрил парня Андрей, — яйца в одной корзине не хранят. Да немного там, чуть больше десятка грошей. Вот ты за раз богатым стал, сын, на дюжину грошиков.

— На тридцать, пан командор, ты же злотый мне дал, — тихо промолвил Велемир, но к деньгам руки не протянул. Наоборот, даже брошенную ему золотую монету к серебру положил. И лицо стало таким, что Андрей сразу понял — юноша не возьмет презренный металл.

Еще бы — родной папаша вроде как откупается от нагулянного на стороне сына.

Велемир к нему тянулся, он это видел. Но в то же время парень блюл дистанцию, именуя почтительно паном командором. Ибо во все времена незаконнорожденных детишек старались не баловать и не привечать, особенно тогда, когда была велика разница в социальном и имущественном положении.

Но сейчас он в худшем положении, чем этот юноша, потому что ни хрена не знает. И вряд ли сам, без помощи юнца, выгребет...

«Ну что ж, хуже не будет. А парню, по крайней мере, будет шибко приятно. Но как это делается здесь, понятия не имею, придется выкручиваться, импровизировать. Не впервой».

И Никитин решился:

— В общем, так, Велемир. Негоже тебе бастардом дальше быть при живом отце.

— Бастардом, пан командор? — Юноша в удивлении распахнул глаза. — А что это за слово?

— Французское, — ответил ему Андрей и, сообразив, сразу же поправился: — Франкское. И означает оно незаконнорожденного сына. Здесь таких ублюдками прозывают...

Велемир нахмурился, засопел.

— Выкинь из головы. Кто говорит подобное, сам такой. Прощения не прошу, о том, что тебя мать родила, не знал. Все эти годы...

Андрей остановился и начал мучительно соображать, как бы соврать половчее и правдоподобно. И тут вспомнил о рыцарских традициях, а ведь на них можно и сослаться:

— Я был далеко отсюда, очень далеко. Сам понимать должен, что такое обет! И не спрашивай меня о том, я дал слово!

— Что ты! — Глаза юноши засияли ярче пламени.

— Ты мой сын, и я от тебя не отказываюсь. Оформим все как надо, но позже. Сейчас забот полный рот.

Никитин говорил уверенно, абсолютно не ведая, как здесь такие дела проворачиваются.
«Ну, ничего, будет время узнать попозже».
— Все, сынок, спать пора. Устал я чего-то...

Утром Андрей устроил юноше курс молодого бойца — Велемир только хрипел, как загнанная лошадь, но, намертво сцепив зубы, держался через не могу.

Никитину такое поведение понравилось — главное, чтобы солдат характер имел, а научить воевать уже просто.

Когда ежедневная тренировка окончилась, юноша смотрел на обретенного отца с безмерным удивлением и уважением — сам от нагрузок едва дышал, а пану командору хоть бы хны, весел и бодрячком держится, только тело чуть потом покрылось.

Потом они долго отрабатывали приемы боя секирой и мечом, и Андрей внимательно запоминал технику владения этим оружием.

Ничего особенного, Пал Палыч, тот действительно виртуоз, да и он сам после такой практики почти не уступал парню. Правда, тот еще сам «зеленый», а супротив опытного воина они и вдвоем не устоят, если в полном боевом облачении биться будут, со щитами.

Перейдя к мечам, назвать эту чуть искривленную штуку саблей было затруднительно, Андрей понял главное. Благородная наука фехтования, судя по всему, еще не оперилась, и местные вояки поступают просто: колошматят от всей дури тяжеленными железяками по принципу — если раз попаду, то супостату мало не покажется.

Своего интереса к занятию Андрей постарался не проявить — незачем парню знать, что рыцарь Крейца машет этими железяками, ну, скажем так, на не очень высоком уровне. А если честно, то совершенно для него неприемлемо.

Но то дело исправимое — практика для того и существует. Вот только цена ей бывает дорогой — собственная жизнь.

Однако верховая езда оказалась для него вообще сущим кошмаром — он считал, что достаточно уверенно держится в седле, но оказалось иначе. В конной сшибке от Никитина, это сразу отчетливо осознал, было бы столько же пользы, сколько от притороченного к седлу мешка с дерьмом.

Но Андрей был упрямым казаком и решил начать ежедневные занятия с лошадью, которые с постоянной ездой всегда творили чудеса даже с неумелым кавалеристом, превращая в лихого гусара самого последнего пентюха. Впрочем, в эту категорию солдат он себя никогда не вписывал.

Станным было другое, Велемир совершенно не обращал внимания на его неудачные движения, даже неловкость, особенно в седле. И на расспросы, которые насторожили бы кого угодно.

Юноша просто не придавал этому никакого значения — страшные шрамы, обезобразившие лицо отца, о многом ему говорили.

Несмотря на молодость, он уже знал, что такие удары зачастую приводят к тому, что воин полностью или частично утрачивает память и все навыки, и лишь одно только время способно восстановить эти дорогие ему потери.

Что и говорить, если пример до сих пор стоял перед глазами, Велемир так и сказал Андрею, когда тот в очередной раз, задумавшись, потерял нить разговора, — младший брат пана Бужовского пропустил удар булавой по шлему, кое-как выходили. Он жену и детишек не узнавал и лишь через полгода к ним заново привык. Но память так и не восстановилась...

После легкого завтрака — хлеб, мясо, вино — подошло время семейного совета о выработке дальнейших планов.

Андрей совершенно не представлял, что надо делать, куда надо ехать, но оказалось, что у

сына уже выработан целый план действий на самое ближайшее время.

Причем парень почему-то совершенно искренне считал, что озвучивает мысли отца, которые тот ему уже поведал своими расспросами.

Велемир предложил немедленно ехать к Бяло Гуру, ведь там живет святой отшельник, рыцарь ордена Креста, про которого все знали в округе. На орденской земле, в окружении своих, отец отдохнет телесно от дальней дороги, восстановит силы, здоровье и память.

«Ага, как же. Щас!»

Андрей с сомнением покачал головой — он-то прекрасно знал причину своей амнезии. Впрочем, можно было отправиться к сюзерену Велемира, пану Бужовскому, давнему знакомому командора.

«Еще не лучше!»

Никитину определенно пришлось не по нраву предложение сына, но своего негативного отношения он не показал. Но одна фраза Ефима Копеляна из знаменитого кинофильма сразу пришла в голову — «никогда так Штирлиц не был близок к провалу». Нужно было отвлечь внимание парня, перевести к интересующей теме.

— Сын, ты чего делал вместе с воинами Конрада Сартского? Кого вы тут выискивали?

— Меня отправили с тремя воинами Бужовского в распоряжение этого пана для патруля на Запретных землях. Решение общего коло. Я же говорил о том, батюшка, тебе вчера.

Велемир посмотрел на Никитина с некоторым удивлением, но тут же справился и принялся отвечать подробно. Значит, он не ошибся, у отца действительно что-то с памятью, и с этим надо примириться.

— Всех выходящих из Запретных земель шляхтичей не убивать, а селить в карантине на берегу реки на неделю и ждать появления главных признаков болезни — большого гнойника на шее и посинения белков глаз. Если признаков не появится, то под конвоем отправлять к гнезднинскому князю Болеславу под следствие. Ведь неизвестно, какая хворь за Карпатами свирепствует, недаром они людьми Проклятыми горами давно именуются. Но то шляхтичей, а простых беженцев — смердов, холопов, странников, калик перехожих и прочих людей, а также всю скотину уничтожать на месте.

Андрей задумался — бубон на шее напоминает чуму, в результате которой средневековые города вымирали полностью. Посинение глаз у животных — чумка, но эта болезнь не передается людям.

Значит, здесь произошел некий симбиоз этих двух опасных болезней, с инкубационным периодом всего в несколько дней. Но никак не больше пяти, иначе на местных карантинах держали бы гораздо дольше.

«Но прошло уже десять лет, любая чума, не получая „питания“, давно уже исчезла бы. Странно?!»

— А когда болезнь была в здешних местах последний раз, сына? Тебе это ведомо?

— Последний случай был года три назад у одного мародера, которые постоянно снуют через запретную линию. Но это было далеко отсюда на восход, за Дуклинским перевалом. Патрули таких воров отлавливают и рубят без всякой жалости. Тебя, батюшка, мы тоже приняли за мародера — одежда на тебе слежавшаяся. Запретные земли свободные смерды и охочие до привольного житья люди пока не заселяют, боятся возвращения мора. Хотя известно, что на тех отрогах уже года три живут смерды.

Велемир показал рукой на вершушки далеких западных гор. До них было километров двадцать, вряд ли больше.

— Заразы там не было, вымершие деревни между горами расположены, долина чистая и житье привольное — ни тебе панов с их пятиной, ни княжеских повинностей и налогов, знай,

живи в свое удовольствие.

— Отсюда далеко до Белой Горы?

Андрей решил уточнить расстояние до орденских земель, чтобы держаться от них в стороне.

— А там и есть их села, мор их обошел. Только на другом отроге. Недаром говорят, что орден под Божьей защитой находится. А кругом их выморочные земли, лишь с полуночи тракт чист. По нему через владения Сартского к пану Бужовскому добраться можно.

— Да уж...

Ему не хотелось добираться до пана Бужовского, который повязан с Велемиром от рождения и, несомненно, знает самого командора как облупленного.

От такой перспективы у Андрея засвербило в копчике, словно тот ощутил пинки от наглого самозванства хозяина.

Но, собравшись с мыслями, Андрей все же решился туда поехать. Просто деваться им некуда, да и остается надежда на пресловутый русский авось — лицо порядком обезображено, бородой зарос, словно волхв, да еще «амнезия» — обязательно кривая вывезет. Ну а если номер не прокатит, то на месте все решать придется.

«Только торопиться не надо, лучше попозже приехать, так и в седле лучше держаться буду, и пооботрюсь в этом мире, да и говор свой приспособлю к новым оборотам».

— А на пана Бужовского соседи давно зубами скрипят. Он ведь постоянно привлекает беженцев из Словакии, которая находится по ту сторону гор, в десяти днях пешего пути. Берет под опеку раненых и искалеченных рыцарей и воинов, на свой скромный доход регулярно снаряжает и отправляет туда обозы с продовольствием. Плохо там совсем — мадьяры каждый год наступают большой силою, людей в горы загоняют, а сами в их селах живут да мечети строят.

— И как нам лучше до него добраться? — Решив ехать, Андрей перешел к прикладному осуществлению замысла.

— Дальняя дорога перед нами. Едем до постоянного двора на Пятницком тракте, а там напрямик до Плонского городища. Там ехать или прямо на Краков, что сейчас под чешским князем, или направо к Бужовскому, или на левую сторону напрямик к Бяло Гуре. Дня два на дорогу уйдет. В Пятницком трактире переночуем, там часто останавливаются путники.

— А ближняя дорога?

— Через Запретные земли. Заросла дорожка, конечно. Деревья выросли. Да и... Мало ли что...

Никитин сразу понял, почему словоохотливый юноша сейчас стал страдать косноязычием.

Велемир просто побоялся, что отец заподозрит его в трусости, ведь был немаленький риск нарваться в дороге на большой отряд панских стражников, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Поедем по тракту, Велемир. Ближняя дорога может стать отнюдь не короткой, а более длинной. Хаживали уже, знаем...

Покачиваясь в седле, Андрей смотрел по сторонам и внимательно слушал юношу, который неожиданно перешел на оценку их положения. Несмотря на оптимизм сына, у Никитина ныла челюсть, будто в предчувствии зубодробительного удара.

Худая ситуация, хуже не придумаешь. Хотя они поехали в объезд владений Сартского, а это день пути вместо нескольких часов, но к вечеру выедут на оживленный тракт.

Магнат, несомненно, вскоре узнает о гибели двух своих людей, этого факта никак не скроешь. Ведь Никитин ехал на коне убитого им воина и в его доспехах, сын забрал лук с колчаном, оказалось, что из лука он довольно неплохо стрелял. Еще вели за собой запасного коня, навьюченного доспехами, оружием и разным имуществом.

И первый встречный трактирщик стуканет куда надо, тем более многие знают Велемира в лицо — он за полгода службы успел отметиться во многих кабаках пограничья.

«И никуда не денешься — не возьмешь коней, доспехов и оружия убитых, то тут же обвинят в откровенном убийстве, возьмешь — и на твой след моментально выйдут!»

Впрочем, альтернативы не было изначально, иначе Велемир, с его понятиями о чести, отшатнулся бы от обретенного «отца» сразу. Пришлось, крепя сердце, отказаться от наработанной годами практики всегда прятать «концы в воду».

Единственной надеждой было время — за сутки Сартский, конечно, узнать сможет, но за то же время, если лошадей не жалеть, до Плонска добраться они успеют.

А там пойдет проще — на три стороны света путь открыт, где алчных и жестоких пограничных панов никто не любит — ни чехи, ни орденцы, ни плонцы с Бужовским.

По местным законам за убийство своих людей местный магнат мог потребовать с Никитина весьма весомую виру, штраф — дюжину злотых за эту сладкую парочку.

Счастье или беда, это как глянуть, была в том, что свидетелей, или послухов, не имелось. Виру Андрей мог не платить только в одном случае — если бы поклялся честью, что воины на него напали, нарушив решение коло.

Но в этом случае у него обязательно должны быть поручители, которые подтвердили бы его статус командора ордена Креста, следовательно, более чем полноправного рыцаря.

Но найти таковых в его ситуации являлось делом фантастическим, то же самое, что разыскать ручной пулемет. Без поручителей, обретенного сына изначально нельзя принимать в расчет, дело становилось тухлым.

Он одновременно совершил два самых страшных преступления — убийство двух представителей власти и откровенное самозванство — присвоение прав привилегированного сословия.

За эти преступления полагалась петля, и неважно, что воины на тебя напали, прав здесь тот, у кого больше прав. Если бы покойнички зарубили вместо Андрея другого шляхтича, то их бы вздернули без суда и следствия на первом же суку, а виру в два десятка злотых пришлось бы платить семьям или ввиду их отсутствия сюзерену.

Потихоньку до ума дошел здешний уклад — страшно оказаться одиночкой, тогда ты потенциальная жертва любого сильного. Но если за тобой стоит род или сюзерен, то тогда тебя будут обходить, чтобы самим не нарваться на агрессию с твоей стороны.

Теперь Андрей прекрасно понимал, что назад пути нет — без роду-племени, без покровителя либо убьют, либо сделают холопом.

Единственная надежда на мифический орден, и он стал аккуратно расспрашивать сына. Информации, конечно, было очень мало, да что мог знать юноша, кроме общеизвестных фактов

и слухов.

Основали орден Святого Креста лет тридцать назад, когда войска мусульман захватили Вечный город. Римский папа Климент бежал в ужасе и осел в австрийском Лиенце. Помощи германские герцоги оказать не могли, сами еле отбивались, когда воины халифа перешли Рейн.

Вот тогда папа специальной буллой призвал к крестовому походу, дабы отбить у магометан город апостола Петра собственными силами.

Охотников отправиться в поход набралось изрядно, вот только снарядить и прокормить войско оказалось делом крайне затруднительным.

Итог соответственно оказался плачевным. Дойдя до реки По на северо-востоке «сапога», крестоносное войско попало под удар арабов и было разгромлено наголову. Спасти удалось немногим.

Папа Климент нужные для себя выводы сделал. И уже учредил рыцарский орден Святого Креста. Он отправил буллу всем христианским светским и духовным владыкам — изыскать для рыцарей-монахов свободные деревеньки и городки для содержания новых крестоносцев.

Здесь, в польских Карпатах, ордену были выделены два замка и несколько сел у Бяло Гуры. И только потому, что данные земли стали камнем преткновения между чехами, занявшими Краков, и теми польскими панами, что сами стремились ими завладеть не мытьем, так катаньем.

Вопрос решился полюбовно — орден получил свое, и чехи с ляхами остались довольными, так как никто из враждующих соперников не заимел преимущества.

Андрей усмехнулся, припомнив слова юноши. Правильно говорят чиновники — сейчас можно «не распилить», главное, не дать завтра освоить выделенные средства другому ведомству. Или сговориться...

Чехи и поляки распрю не преодолели, а потому орденцы процветали. И когда один влиятельный польский пан убил рыцаря Креста, то орден жестоко отплатил за это преступление. Магнат был повешен на башне городка, его земли отошли крестоносцам.

Местная знать этот урок надолго запомнила, и определенные выводы были ею сделаны сразу же. Войны не последовало — поляки здраво решили, что магистр ордена обратится за помощью к чехам и церкви, а это, особенно последнее, чревато серьезными последствиями. Ведь религиозный фанатизм никуда не денешь, он норма жизни.

«А со священниками ссорится опасно — мигом отлучат от церкви. Они за души людские отвечают, и по совести, а не так, как в будущую советскую эпоху этим делом коммунисты попробуют заниматься. Замполиты, политруки, а по-прежнему комиссары — так в песне поется. Фурмановы, короче, блюстители душ, политические шаманы. Тем дело для них и окончилось, а церковь снова процветает».

В красных плащах-накидках, с нашитым по середке белым крестом — Андрей умилился, когда сын втолковал ему, на что эта орденская одежда похожа — точь-в-точь как плащи гвардейцев кардинала из знаменитого кинофильма про четырех мушкетеров, только чуть-чуть длиннее, ниже бедер, рыцари ордена Креста вызывали нешуточное почтение даже у отмороженных, всевластных польских магнатов.

Да и не шутка — мирскому суду они были не подвластны, и судить их мог только капитул. Посягательство даже на простого служителя орден рассматривал как умышленное оскорбление со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но вскоре крестоносцы получили роковой удар. Шестнадцать лет назад папа объявил новый поход, на этот раз за Рейн, освободить французские земли, и христианское воинство добралось до Католаунских полей, как Аттила в свое время. Здесь поход и окончился...

Коварный гунн, потерпев поражение от римлян, снова собрался с силами и позднее разбил

латиняня, хорошо разграбив Вечный город.

А с крестоносцами произошла самая настоящая трагедия, полная катастрофа — войско попало в засаду и было целиком истреблено за несколько часов, почти все орденские рыцари погибли.

Кому война, а кому мать родна — польские паны занялись увлекательным для себя делом — дележом орденского наследства. Только этот процесс несколько затянулся — оставшиеся в живых рыцари-крестоносцы всячески противились, имея поддержку церкви и чехов. Но сила, как известно, соломой ломит, вопрос только во времени...

Вскоре показалась первая жилая деревенька — дворов двадцать, по местным понятиям, чуть ли не крупный райцентр. В таких проживало по три сотни душ, что было довольно много.

Однако село не выглядело счастливым и богатым — потемневшие от времени дома, в окнах которых отсутствовали не только стекла, но и привычные в этих местах пластинки слюды или бычьих пузыри, бревенчатый частокол во многих местах покосился, а кое-где зиял выбитыми «зубами». Часовенка потемнела от времени и невзгод.

— Это село уже принадлежит пану Сартскому, но еще три года назад было свободным, — тихо произнес Велемир, уловив вопросительный взгляд своего старшего попутчика. И добавил с кривой улыбкой: — Неизвестные злоумышленники дважды пожгли уже созревшую пшеницу, и сельчане стали голодовать. Магнат оказал помощь и даже свою охрану поставил, но на кабальных условиях. И свободные прежде селяне превратились потихоньку в зависимых смердов. Понятное дело, многие подозревали, что хлеба жгли воины барона, но ни свидетелей, ни доказательств этого преступления не имелось. А без доказательств и прямых улик в суд нельзя соваться — только виру большую за клевету заплатишь.

Андрей невесело усмехнулся. В этом мире тоже действовала поговорка: не пойман — не вор. Вот такие пироги с котятками.

— Теперь в деревеньке постоянный гарнизон из трех воинов барона и его управляющий — тиун. Правда, из воинов только один в живых остался, остальные имели возможность с тобой, батюшка, «познакомиться». Сейчас здесь только он днюет — тиун в замок отбыл еще три дня назад и вернется дня через два. Заедем?

— Нет! Времени и так мало, нужно торопиться!

Переглянувшись между собой, отец с сыном дружно повернули коней в сторону — сейчас было бы ошибкой проехать мимо деревеньки, ну совсем ни к чему.

К полудню выехали на Пятницкий тракт, который петлял на городок Плонск. Почему тракт носил такое название, Велемир объяснить Никитину не смог, может, от Святой пятницы.

Неожиданно Андрей вспомнил про странного кошачьего волка, который явно намеревался сожрать его ночью, и с улыбкой рассказал о нем сыну. Однако реакция того оказалась поразительной — лицо юноши мгновенно побледнело, а рука машинально ухватила рукоять меча:

— Это волк-оборотень с хребтов Проклятых гор, которые отделяют нас от закарпатских земель. Такая страшная нежить встречается только там! Поэтому еще ни один человек не проходил через эти горы. Но как ты его убил? Ведь на эту тварь совершенно не действует наше железное оружие, оно не просекает его шкуры, даже хорошие мечи. Только освященная в церкви секира может остановить эту тварь, да серебряные стрелы или арбалетные болты пробивают его шкуру!

Сын восторженно посмотрел на отца, ведь убить проклятого волка считалось высшим проявлением рыцарской доблести.

— Каменной дубинкой, сын! А потом добавил кистенем, где вместо железной гири тоже был камень!

И Андрей подробно рассказал сыну, как он сделал первое свое оружие и как дрался с тем волком, показав, как нанес смертельный удар хищнику. Вот только в нечисть он не верил — выдумки, право слово.

Юноша слушал молча, открыв рот, а Андрея стали терзать мрачные размышления. В том мире он наслушался всяких рассказов о нечистой силе, но в них почти не верил, так себе, бабушек на ночь стращать.

Но вот здесь, похоже, эти сказки являются былью, и местные люди относятся к ним более чем серьезно — иначе бы не хватались за рукояти мечей при одном только упоминании, так что о скептицизме надо срочно забывать...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**«А В КИПЯЩИХ КОТЛАХ ПРЕЖНИХ ВОЙН И
СМУТ»**

На ночлег Андрей с Велемиром заблаговременно решили сделать остановку на знакомом юноше постоялом дворе, стоящем на пересечении дорог. И оттуда двигаться в сторону Плонска по избитому повозками тракту.

Никитин мыслил себе небольшую забегаловку, знакомую по дорожным кемпингам, но то, что предстало сейчас перед его глазами, вызвало немалое удивление.

Данное заведение постоялым двором назвать язык не поворачивался, оно скорее напоминало хорошо укрепленную усадьбу богатого боярина, которого постоянно донимают набегами воинственные соседи.

За высоким частоколом из толстых, заостренных вверху бревен стояли три добротных дома, причем самый большой был даже в два этажа. К ним с правой стороны примыкали пять строений поплотнее, но тоже весьма крепких, сложенных на долгие годы, но нежилых, это Андрей понял сразу — три амбара, кузница и конюшня.

Слева вытянулись скотники и птичники, вот там шло постоянное веселье — скотина мычала, бляла и хрюкала вперемешку с кукареканьем и гусиным гоготом.

Никитин усмехнулся — все правильно, путников кормят только свежим мясом и птицей, которую всегда держат под рукой. Здесь же нет холодильников и микроволновых печей, замороженных полуфабрикатов, упаковок с напичканными химией продуктами, различных тетрапаков, фастфудов, гамбургеров, пепси-колы и всего прочего, от чего люди погибают намного быстрее, чем богатеют производители.

«Капитализм не скоро придет сюда, сменится не один десяток поколений. Если еще появится — мусульмане весьма неодобрительно, в отличие от европейцев, относятся к ростовщикам, сиречь банкирам».

У распахнутых настежь дубовых ворот всадников встретил здоровущий слуга с большим тесаком на поясе. Андрей мельком посмотрел на украшенную шрамами морду, сразу поняв, что сей типаж очень неплохо промышляет ночью на большой дороге, с кистенем в руке.

Однако верзила им почтительно поклонился и сделал приглашающий жест рукой — «мол, давно вас ждем, гости дорогие, шибко соскучились, даже ворота заранее распахнули».

А сам внимательно посмотрел на прибывших воинов, приветливо кивнув головой Велемиру, как давнему знакомому. Андрей же привратнику явно не понравился — его долго рассматривали, пряча взгляд, раза два машинально тронув себя за рукав.

Никитину стало ясно, что его предположение не являлось ошибкой — привратник прятал в правом рукаве кистень или нож. Вот только последний в рукаве держать неудобно, их здесь в сапоги прячут.

У распахнутых настежь ворот конюшни их встретил паренек лет пятнадцати, с заплывшим от синяка глазом. Поклонился шустро, принял от них трех лошадей и тут же увел их вовнутрь.

Однако Велемир не доверился местному конюху, пошел следом и собственноручно расседлал копытных. Затем, крихтя от натуги, вынес приличного размера баул с панцирем и лишним оружием, взвалив его на плечи.

Андрей сразу понял — доверять здешним рестораторам вещь опасная, и для них может выйти боком. Да и сама усадьба ему что-то не нравилась — инстинкт старого солдата призывал держать ухо востро.

Особенно настораживало одно обстоятельство — во дворе не стояли груженные повозки, а значит, купцы в трактир сегодня не заехали.

— Тут всегда людно, а нынче пусто, — пробормотал юноша, оглядываясь по сторонам.

Будто прочитал его мысли.

— Держи ушки на макушке, сын. Мне чего-то не по душе это предприятие. — Никитин машинально потрогал рукоять сабли и широким солдатским шагом пошел к двухэтажному сооружению, уловив чутьем дразнящие желудок запахи и резонно решив, что там можно хорошо поужинать. Он не ошибся, так как Велемир, пыхтя и ругаясь, потянулся за ним следом.

Распахнув толстенную и высокую дубовую дверь, уставшие путники вошли в большой зал, освещенный факелами, воткнутыми в стену. Прямо у порога в ноздри ударил волнующий запах мяса и обжаренного лука. Но потом ноздри защипало от непередаваемой смеси пота, блевотины и грязных человеческих тел.

Глаза понемногу попривыкли к царящим здесь сумеркам, и Андрей осмотрел помещение, после чего решил держать ладонь поближе к рукояти меча. А заодно не снимать доспех.

За большим залом виднелась маленькая прокопченная комната, освещенная уже не факелами, а толстыми сальными свечами, которые давали копоти чуть меньше, чем чадающие факелы. Но только света, впрочем, данная замена ничуть не добавляла.

Андрей решил идти прямо, ошибочно приняв комнатенку за отдельный для господ шляхтичей зальчик, но вовремя остановился, заметив, что там пусто, зато виднеется лестница на второй этаж. А потому стал выбирать местечко для трапезы в факельном зале.

Вдоль стен стояло четыре дубовых стола, с очень массивными лавками. За таким столом могло спокойно уместиться с дюжину едоков.

Никитин выбрал крайний, в углу — сидя за ним можно было держать в поле зрения весь зал. У внутренней стенки был сложен приличного размера камин, который в зимнюю пору должен был согревать зал.

— Неси в ту комнату, что я занимал раньше!

Велемир скинул баул прямо в руки подбежавшему к нему мальчишке в грязной рубашке и портах. Тот согнулся под тяжестью ноши и засеменил к лестнице. Юноша с довольным видом распрямил спину и повелительно бросил службе вслед:

— И смотри, чтоб ничего не пропало, а то голову оторву!

Андрей не заметил двери рядом с камином, поэтому он, когда услышал скрип петель, обернулся. Из второго помещения запахи вареного, копченого и обжаренного хлынули такой лавиной, что желудок заныл в предвкушении ужина. Все правильно — там готовят, здесь едят, а наверху спят.

— Добро пожаловать, гости дорогие! Будь всегда здрав, пан Велемир!

Голос владельца трактира излучал подлинное радушие, но вот фальшивость определенно присутствовала, Никитин, многократно битый жизнью, сразу же ее уловил. Впрочем, не придавал большого значения — все работники торговли, что здесь, что там, — прохиндей на воре сидит и жуликом погоняет.

— Садитесь за любой стол, панове, они все пустые, мы тут с утра дожидаемся. День сегодня плохой, путников совсем не было, сплошные убытки несем. Закрою двор, вот прямо и закрою, сплошные затраты несу. Проезжим только в радость, — расстроенным донельзя голосом говорил трактирщик, а Андрей лишь сокрушенно подумал, что теперь на них наверняка попробуют оторваться по полной программе. Так всегда горестно причитают, когда хотят заломить несусветную цену.

«Как же, знакомо — времена разные, но людская натура одна, и в той свирепствует либо жадность, либо похоть. Или еще какой-нибудь смертный грех, а то и все вместе».

Никитин уселся за приглянувшийся ему стол, рядом с ним примостился Велемир, положив меч на лавку, но рядышком, чтоб под рукой всегда был.

Сидели на крепкой лавке, спиной к стене, лицом в зал — теперь, в случае необходимости,

дубовый стол стал бы дополнительной преградой любому потенциальному противнику.

Секиру Андрей прислонил к толстой столешнице, лук с арбалетом вместе с колчанами положили за лавкой.

Судя по уверенным движениям юноши, наличие разнообразного арсенала под рукой было местной традицией — с оружием здесь не расставались даже за едой. И только после этого путники чуть расслабились и стали дожидаться ужина, удобно устроившись за тщательно выскобленными ножом толстыми плашками стола.

Осмотревшись, Никитин ухмыльнулся — в романах писалось, что кабаки были вертепами, в них всегда былолюдно, потому так дрались, что нельзя было найти целого стола и лавок.

Андрей попробовал качнуть с места стол — куда там, тот стоял как танк. И вздохнул — попробовали бы сами писатели помахать таким столом?! Или хоть лавкой — та, если судить по ее внушительным размерам, весила не менее центнера, размазанного на трехметровую длину.

Заказывать ужин здесь было не принято — любые путники всегда голодные, и съесть зараз много пищи для них не является сложной проблемой. Это вам не рестораны с их дороговизной, куда ходят отдыхать и развлекаться, а не ужинать.

Одноглазый слуга, судя по всему, официант сего заведения общепита, Андрей припомнил, что таких половыми называют, начал живенько заставлял стол различными холодными и горячими блюдами, емкостями с напитками.

Чего тут только не было — отварное и обжаренное мясо, говядина и копченая дичина, какие-то зажаренные птички на вертелах, огромное блюдо с разными вареными овощами, соленые огурцы, бигус, где тушеных кусков свинины было больше, чем капусты. Большой каравай, с банный тазик, не меньше, душистого ржаного хлеба.

— Однако ляхи тоже не дураки насчет пожрать, — задумчиво пробормотал себе под нос Никитин, оглядывая заставленное блюдами пространство.

Напитки были в трех кувшинах по два-три литра каждый — местное кисловатое вино налито в двух из них, а вот в третьем плескалась какая-то бурда, по вкусу отдаленно напоминающая пиво.

Вскоре слуга притащил и четвертый сосуд, в котором оказалась густая сладкая жидкость, сильно пахнувшая медом.

Андрей здраво решил, что это может быть либо медовухой, либо сбитнем — и то, и другое он в своей жизни никогда не пробовал. И не имел понятия, варили ли эти напитки в польских землях. Но на Руси точно пили!

После короткой молитвы, что по-латыни прочел Велемир, они уселись за стол, расставив в стороны локти — не до политеса с этикетом.

Ели жадно, процесс насыщения казался Никитину просто бесконечным делом — желудок соскучился по такому изобию. Одно было плохо — в пище практически не было пряностей, специй — не считать же ими лук, чеснок и укроп. Очень не хватало привычного перца, к которому он пристрастился в период кавказской войны.

Велемир, заметив, что отец выглядит несколько растерянным, спросил, в чем причина, и удивился, выслушав объяснения. Оказывается, перец здесь имелся, но употребляли его только состоятельные люди. Баснословно дорогое удовольствие, по весу злотыми, так как выращивали его в магометанских землях, и купцы заламывали цену от души. Доставка ведь шла с неимоверными трудностями.

— Твою мать!

— Эй, хозяин, жрать давай!

— Хорошо погуляем!

Хлопнула дверь, в трактир гурьбой, еле протиснувшись разом в дверях, ввалилась грязная и запыленная компания из пяти человек.

Андрей сразу же напрягся — громила у ворот по сравнению с этой бандой выглядел сущим пацифистом из Армии спасения.

Прибывшие с хохотом расселись за центральным столом, громко требуя еды и выпивки. Одно несколько успокаивало Никитина — компания не имела оружия, нож на ремне, даже с приличным клинком, здесь таковым не являлся.

Понятно, что под грязными кафтанами разбойнички, а он их так мысленно окрестил, могли прятать все, что угодно, от кистеней до палиц, но мечей и секир не было видно.

А значит, не шляхта они и не воины, тут голову можно дать на отсечение, причем и в прямом и в переносном смысле — меч или сабля привилегия только военных, неважно, своих или иностранных. И купцов — те дерутся не хуже воинов, ибо прибрать их добро на большой дороге завсегда найдутся желающие. Всем другим ношение клинков и доспехов чревато незамедлительным лишением жизни.

Хотя, определив их в разбойнички, Андрей тут же поправился, решив, что несколько погорячился, не зная местных реалий. Мужики могли быть кем душе угодно, здесь просто манеры такие, грамотность не в почете, об этике с эстетикой и примерном поведении не слышали даже краем уха. Да и не в бутиках одеваются.

Между тем старший из прибывших о чем-то долго говорил с трактирщиком, который, к великому удивлению Никитина, откровенно залебезил перед гостем, растягивая рот вымученной улыбкой. Вот только переигрывал сильно, это было заметно.

И понял — хозяин просто прятал страх.

Андрей чуть скосил взгляд в сторону — Велемир ел с окаменевшим лицом, по скулам катались желваки. Сомнений теперь у него не осталось — это были местные «джентльмены удачи».

На всякий случай он быстро внес коррективы в план и тихо сказал о них сыну — тот просто кивнул в ответ, «понятно все». И прикоснулся пальцами к рукояти сабли...

— Не желают ли благородные паны грубой пищи, смердящей? — Говорящий произнес последнее слово с каким-то непонятным наслаждением, и вся его банда сразу же громко расхохоталась.

Теперь, по прошествии доброго получаса, разбойнички полностью «отвязались», видя, что два воина никак не реагируют на их шутки, которые становились с каждым разом и гнуснее, и громче.

Трактирщик уже дважды подходил к столу Андрея, приносил не требуемое ими мясо и вино, так выразительно смотрел на отца с сыном, что никаких объяснений совершенно не требовалось — «ребята, уходили бы вы отсюда, а то такое может начаться, что ноги не унесете».

Никитин только улыбался в ответ — он понимал опасения хозяина, который сейчас не хотел ни с кем ссориться — тати завсегда сбывали торговцам награбленное.

Воины, тем более шляхта, могли отомстить за убийство своих — эти прекрасно умеют меч в руках держать. Тем паче хозяин знал Велемира, и пусть он молод, но ведь уже несет стражу.

— Не желаете ли оплатить наш ужин, а то у нас грошей нема?

Разбойничек самой гнусной наружности, нагло улыбаясь и покачиваясь на кривых ногах, стоял у их стола.

Велемир откровенного хамства уже не вынес, хотя до того покорно выполнял отцовский приказ сидеть молча, и в гневе ухватился за рукоять сабли.

Однако Андрей незаметно пресек эту попытку, едва сдерживая внутренний смех, — и здесь, оказывается, приняты «разводки на понтах».

Теперь можно и поразмяться немного — а ведь правыми оказались писатели, осталось только поучаствовать в знаменитой по произведениям кабацкой драке.

— Заплатить хочешь?

Андрей, не вставая с места, дружелюбно оскалился, подняв голову. Он неоднократно видел, как бледнеют люди, увидев такую его «улыбку». И этот бандит не стал исключением, в одно мгновение побледнел, спав с лица, и на шажок отшатнулся.

— Конечно, мы оплатим наш ужин, но вашими монетами, — после короткой паузы зловеще произнес Никитин и, оскалившись еще раз, добавил, глядя в глаза уже пришедшему в себя «авторитету»:

— Плати, сучий потрох! Кто против Бога и ордена?!

Крик вылетел из уст машинально, просто Андрею сильно понравился боевой клич ордена, который приводил любого противника в состояние неуверенности, а то и паники. Никитин постоянно помнил, как отец часто приговаривал: «Слава Богу, что мы казаки!»

И еще с училищных времен ему нравился древний клич новгородской вольницы, что шла в битву не на жизнь, а на смерть с рыцарями или татарами, «Кто против Бога и Новгорода?!».

Бандиты разом притихли и стали неуверенно переглядываться, бросая несколько оторопелые взгляды на все еще сидящих за столом воинов.

И тогда Андрей встал во весь свой рост, не самый высокий для его времени, всего в 180 сантиметров. Но здесь об акселерации еще не ведали, бандит оказался на полголовы ниже.

И стоял на своих двоих «джентльмен удачи» только полсекунды — отработанным за два десятилетия ударом Никитин отправил того в нокаут прямым на стол собутыльников.

В зале мгновенно воцарилась мертвая тишина — два воина уже вскочили с лавки, плечо к плечу, сжимая в ладонях предметы — Велемир большое глиняное блюдо, а Андрей два кувшина.

И завертелось, вернее, первым начал Андрей, к своей радости, дорвавшийся до любимого занятия.

— Держи, борода многогрешная!

Тяжелый кувшин, в котором плескалась пара литров вина, обрушился на мордастого малого, с пегой козлиной бородкой.

Реакция у мужичка оказалась совсем никудышной, зато череп крепким. Кувшин со звоном разлетелся на черепки, вино тут же омыло буйную головушку, и ее обладатель рухнул на загаженный пол.

— Хорошо пошло!

Андрей взревел во весь голос, и тут же второй кувшин полетел искать свою цель.

На этот раз жертва оказалась проворней, и стыковка не состоялась. Но Никитин на нее и не рассчитывал, медовуха нужна была для отвлечения. Цель оказалась достигнутой — крепкий сапог со всей силы приложился по «мужскому достоинству».

Разбойник взвыл, его глаза почти выкатились из орбит, он согнулся, схватившись ладонями за пах, словно сразу решил проверить свое «круглое», что по жестокой прихоти судьбы стало квадратным. Или размазней. Уточнение бессмысленное, ибо в ближайший месяц потерпевшему будет не до любовных утех с особами противоположного пола.

Оценить нанесенный ущерб работничек ножа и топора не смог — Андрей излишним

благородством не страдал и всегда добивал противника. А потому крепкий кулак мгновенно обрушился на угодливо подставленный затылок, гарантировав клиенту полчаса спасительного от боли беспомощства.

Зато третий «джентльмен удачи» оказался самым проворным и резко взмахнул рукой. Никитин машинально отклонился, действуя на одних рефлексах. И вовремя — свинцовый шарик кистеня чуть зацепил краешек уха. На пяток сантиметров в сторону, и он бы закончил карьеру самозванца — височную кость запросто проломил бы.

— Держи, пся крев!

На обладателя кистеня обрушилось глиняное блюдо с бигусом. А за ним сверху навалился и Велемир, пустив в ход кулаки. Парень дубасил врага от всей широты своей души, буквально вонзая кулаки в окровавленное тесто лица.

Андрей даже краем глаза полюбовался молодецкой, но не профессиональной обработкой клиента. И решил, что сыну нужно ставить рукопашный бой, а то деревня, право слово.

— Ты чего это затеял?! — улыбнувшись, ласково осведомился Андрей, глядя на последнего татя, еще не вступавшего в схватку.

Мужик с сизым носом и оплывшими, как у кабана, глазами схватился за длинный засапожный нож, похожий на знакомый Никитину с босоногого детства «свинокол».

— Ножичек брось, порежешься! — мягко посоветовал Андрей и тут же стремительно бросился на врага, метнув в него тяжелую глиняную кружку. Тот качнулся в сторону, уклонился от «снаряда» и попытался ткнуть Никитина в живот отточенной сталью.

Желание было, но вот только умения не хватило. Сильным ударом по запястью Андрей обезоружил мужика, резким движением развернул того и со всей силы швырнул на бревенчатую стену.

Стыковка получилась громкой и эффектной. Но сам разбойник только кхекнул от столкновения и медленно сполз на пол, оставляя на бревнах темные дорожки крови.

— Гонг! Рефери, отсчет не нужен!

Андрея распирало от переполнявшей радости, впрыск адреналина был мощным, силушка забурила по жилам.

«Вот это жизнь, самая настоящая, а не бесцельное прозябание в таежном сибирском селе!»

— Вяжите их!

Дверь хлопнула, в зал ввалилось сразу трое мордастых работников или охранников, чьи функции, на взгляд Никитина, взаимно переплетались, во главе с трактирщиком. Вошедшие были настроены весьма решительно, сжимая в руках увесистые дубинки.

Но, увидев батальную картину, написанную кровью, с живописно лежащими на полу телами, они остановились как вкопанные. Боевой задор тут же покинул суровые лица, уступив место бледности.

Закричавший было хозяин мгновенно поперхнулся собственным воплем. Отшатнулся, испуганно посмотрел на столь агрессивных постояльцев, что весь вечер прикидывались тихонями, какие муху не обидят.

— Каналья трактирщик! — приветственно взвыл Андрей и схватился за рукоять своего клинка. За спиной громко лязгнула сталь, то Велемир последовал его примеру, молниеносно выхватив меч из ножен.

— Ты решил шоу продолжить?!

— Что ты, что ты, ваша милость?!

Трактирщик в непритворном испуге быстро замахал руками, состроив умильную рожу.

— Вот привел своих ребят, чтоб поскорее этих татей... Унять их надобно, ваша милость, немного расшалились, выпили лишку! Мое заведение доброе, худая слава нам ни к чему!

— Так, орлы! — громко скомандовал Андрей, обращаясь к слугам. — Этих обобрать, все ценное сюда, на стол. Они согласны заплатить. Остальное, что найдете, вам. И смотрите у меня!

Ребята за полминуты обобрали разбойников, тут трактирщик проговорился, и на столе перед Андреем оказалось два мешочка со звякнувшими монетами, завернутые в тряпицы серебряный браслет с золотыми вставками и золотое кольцо с крупным кроваво-красным камнем. Рубином, судя по всему. Немалой ценности вещица.

Такое в их положении не купишь, только ограбить кого-то. Из трофейного оружия слуги сочли ценным только острый кинжал на костяной рукояти, в украшенных серебром ножнах.

— Так! — только и сказал Андрей, подошел к атаману шайки, что отошел от нокаута и завошкался на заблеванном полу. — Слушай меня, упырь! У кого ты это взял?

Чуть ли не по слогам, угрожающе произнес Никитин, поднеся к носу драгоценности.

— Там уже нет!

Бандит посмотрел задорно, хотя с разбитого носа продолжала капать кровь. Глаза дерзко блеснули.

— На воротах повешу! — суровым голосом посулил Андрей, и задира чуть спал с лица, понимая, что с ним уже не шутят. А Никитин, показав «кнут», предложил следом и «пряник», не делая паузы:

— Скажешь мне честно, то отпущу тебя с поганой кодлой на все четыре стороны!

— В Плонске у паненки одной, возле часовни Святого Августина живет, в доме с красными ставнями. Мужа у нее убили, вот она решила их продать, а Ясь украл.

— Понятно! Ну что ж, я свое слово всегда держу. Выметайтесь отсюда, работнички ножа и топора! Романтики большой дороги, мать вашу! И поскорее. Пока лучина горит, я вас не трону, но если не успеете...

— Успеем, ваша милость!

Андрей захотел протереть глаза — охающие и стонущие разбойнички весьма живо, скособоچась, подволакивая ноги, держась за расквашенные физиономии, выметнулись из зала.

За ними вышли и охранники, дружно деля на ходу отданные им трофеи. Судя по их свирепым ухмылкам, возвращать добро татам они не станут, наоборот, втайне мечтают его дополнить.

— Подойди сюда, — повелительно бросил хитрому трактирщику Никитин, и тот на полусогнутых ногах бросился на его зов.

Андрей мрачно посмотрел на трактирщика — «хвостом завилял бы, если бы он у него имелся».

— Грабленное покупаем, потом продаем? А на дереве покачаться не хочешь, в петельку буйну голову просунув?!

Он цедил слова сквозь зубы, угрюмо глядя на хозяина. Того прошиб пот, но, что интересно, не стал причитать, что все подозрения беспочвенны, а он сам прямо честнейший человек. Видать, понимал хитрец, что номер здесь просто не прокатит.

— Принеси хорошо прожаренную поросятину с перцем, укропом и чесноком — и не говори мне, что перца у тебя нет! С твоими повадками и «посетителями», типа этих, у тебя может быть все, даже «птичье молоко». Вина кувшин принеси, только хорошего, сладкого. Не то кислятину сам выпьешь, на моих глазах. Чтоб следующий раз знал, кому и что продавать. И комнату нам отведешь лучшую, и чтоб без клопов. А то я всю твою усадьбу раком поставлю! Понятно?! И со стола все убрать немедленно, сам видишь, повеселились хорошо, а толком не поели!

— Все понял, ваша милость! Все понял! — преданно глядя в глаза, ответил трактирщик и чуть ли не вприпрыжку побежал на кухню.

Андрей уже немного остыл от схватки, бросил короткий взгляд на Велемира: «Молодец, парень, на таких можно полагаться!»

Сын смотрел на него широко открытыми глазами, настолько потряс юношу умеющий повелевать голос отца.

«Знал бы ты, паренек, как ставили командирский рык в Советской армии. А потом два года самой разгильдяйской ротой командовать, на путь истинный ее так поставить, что отличной стала».

— Живо, девки, его милость ждать не любит!

Андрей сглотнул — жизнь забила ключом, он уже почти забыл, что существуют такие милые создания, а тут две девчушки лет семнадцати, да с такими формами, которые даже уродливые платья, похожие на балахоны с передниками, скрыть были не в состоянии.

Захлопотали, забегали вокруг столешницы, да при этом старались хоть чуть-чуть, но задеть то ручкой, то ножкой изголодавшегося по женщинам бравого вояку.

Никитин начал было возгораться, как то пламя из искры, но через минуту все понял и мысленно усмехнулся — девицы-красавицы время от времени бросали жадные взгляды не на него, а на толстые кошельки с трофейными монетами, что лежали на столе.

Хитрец трактирщик опытным дирижером незаметно руководил этим сыгранным дуэтом, и дубовый стол потихоньку обзавелся новой снедью.

Главным блюдом стал великолепный зажаренный поросенок, с румяной корочкой, щедро посыпанный перцем, укропчиком, чесночком и какой-то пахучей травкой. Да и вино принесли приличное, хоть и кисловатое, но намного лучше того, прежнего, жуткого «уксуса».

— Хозяин! Подь ко мне!

Андрей подозвал трактирщика, решив проверить свою сообразительность. Перед ним было два мешочка — один большой, туго набитый, а другой поменьше, взятый у главаря, наполненный монетками наполовину, раза в три легче по весу.

— Да, ваша милость!

Словно дух, тот материализовался у стола.

Никитин поводил рукой над кошельками, словно не зная, который из них взять. Потом с лихой щедростью схватил плотно набитый и швырнул трактирщику.

Тот схватил его, как щука карася, но через секунду, когда пальцы прощупали через ткань монеты, лицо хозяина моментально суксилось, будто он хватанул разом тот кувшин с кислым пойлом, которым попытался давеча потчевать путников.

— Это тебе плата вперед! Понравится — утром добавлю!

Андрей усмехнулся — как он и предполагал, в кошельке оказалась медь, на три гроша от силы.

Проверяя реакцию трактирщика, Никитин взял другой мешочек, однако вместо больших и тяжелых кругляков его пальцы нащупали маленькие и тонкие монеты, определенно серебряные.

«Монет двадцать... Да тут на злотый!»

Радостная мысль мгновенно согрела душу, но он также успел разглядеть алчный блеск в глазах трактирщика.

— Конечно, понравится, ваша милость!

Хозяин снова залебезил, чуть ли не запрыгал от услужливости, бросив при этом на веснушчатую служанку, что жадно задышала за плечом Никитина прямо тому в ухо, свирепый взгляд.

— Вас здесь обиходят и обогреют, ваша милость. У меня приличное заведение!

— Ах, ваша милость! Позволь, я тебе вина налью?!

— Наливай, красавица!

Служанка навалилась Андрею на плечо большой, но по-девичьи тугой грудью. Он моментально взмок, чувствуя, как по спине потекли горячие капли пота.

Помимо воли, его прямо заколотило от бешеного желания, словно мальчишку, что первый раз в жизни прижался к горячему женскому телу и затрясся от вожделения.

Краем глаза Никитин посмотрел на Велемира — парень, совершенно не стесняясь, ущипнул крепкими пальцами за ягодицу другую девку.

Та игриво засмеялась и тут же плюхнулась рядом с ним на лавку и, недолго думая, присосалась к чаше с вином.

«Процесс пошел. Лишь бы гонорею от нее не подхватить. Вроде пока болезней таких нет, их конкистадоры в Европу завезли... Хотя, кто его знает? Нет, не подхватчу, но деньжата надо держать поближе, незачем девку на кражу соблазнять».

Мысли и желания Андрея приняли сугубо направленный, прикладной характер. Стало совсем невтерпеж от охватившего желания, он схватил девчонку за руку:

— Покажи нашу комнату, я доспех сниму.

— Хорошая комната, ваша милость!

Девушка на секунду крепко прижалась, и Никитин снова стал обливаться потом, чувствуя зуд нетерпения.

Все слова были стары как мир, мужчина и женщина вечно ведут свою игру. Что солдату надо, чтобы выбить из памяти кровь и смерть, через которые идет? Правильно — водка и бабы, и побольше того и другого, и вместе, чтоб ядреный коктейль был.

За эти дни Андрей озверел душой — он видел сотни смертей в заброшенных селениях, смотрел на скорбные останки. Да сам вчера двоих убил, до сих пор чувствуя запах пролитой дымящейся крови.

Моралисты могут сказать, что это продажная любовь, но будут в корне не правы. Им самим повоевать надо, вонюю потрохов да пороха подышать, и вот тогда, если бы в живых остались, трижды подумали бы, стоит ли с таким грузом на душе в семью идти да на жену с детьми

взваливать.

А с доступными девками намного проще — и ты груз с души скинул, и они его близко не приняли. Так и упадет кровавая ноша на сыру землю, водкой политая, смешавшимся потом разгоряченных женских и мужских тел сдобренная. И сгинет, не причинив никому вреда...

А если в душе эту тяжесть носить, да еще копить, то рано или поздно она солдата придавит — или «крышей» съедет, или таких дел наворочает, что за жизнь не отмолишь...

Девка, цепко уцепившись за мужчину, словно клещ, буквально поволокла его на второй этаж по скрипучей лестнице.

Никитину даже смешно стало — оказывается, девки иной раз мужиков хотят намного больше, чем они их. Хотя тут дело не в нем, а в его кошельке.

В голове закрутились строчки из одной веселой песенки про золотой дублон: «Дамам он особо дорог, тут ему отказов нет. Знать, не хочет отговорок, этот желтый сердцеед». Но и на серебро, как выяснилось, здесь охотницы тоже находятся...

Андрей подошел к окну, довольно хмыкая и лениво почесывая пальцем голую грудь.

Еще бы — все началось прямо с порога, девка повела себя так, словно весь последний год в секте духоборов провела.

С него шустро доспехи и одежду сняла, да с себя все настолько быстро скинула, что легко побила казарменные нормативы по «отбою».

И такое ему устроила, что Никитин в конце-концов искренне взмолился, ведь не машина же он и не мальчик, чтоб за час столько заходов делать. Досуха выжала, как губку...

Вот только привычного стекла в узком оконце не имелось — сквозь грязную толстую пленку, то ли бычьего пузыря, то ли еще чего непонятного, посмотреть, что творилось во дворе, было невозможно.

Там царило сплошное оживление — суета бегающих и снующих людей, ржание лошадей, громкая разноголосица, бляение тащимых на жаркое баранов, отблески красного света от многочисленных зажженных факелов. Явно кто-то приехал, и не один, с обозом, не маленьким.

— Нужно сходить на разведку, посмотреть на новых постояльцев... — задумчиво пробормотал Андрей.

«Да и сыну явно хочется со своей девкой полчаса наедине побыть. Так что не стоит задерживаться, пусть и молодежь развеется, давно ли сам таким был...» — тут Андрей усмехнулся.

— Ох, ваша милость, и умотал ты меня...

Горячая упругость груди впечаталась ему в поясницу, а две тонкие теплые ладошки крепко сомкнулись на животе, поглаживая и щекоча кончиками пальцев.

Теплое девичье дыхание между лопаток было приятным, но уже не возбуждало до дрожи, как раньше — Андрей пресытился, полностью утолив первый голод.

Следовало подумать над продолжением банкета ночью. Но сейчас хотелось только есть — видение румяного поросенка на столе было настолько отчетливо, что он сглотнул слюну.

— Ночью снова меня усладишь, милашка! — тихо сказал в ответ, не шевелясь в нежных объятиях. Сказал, а не спросил, и тем паче не попросил ее, потому что не сомневался в положительном ответе. Ибо до грядущего феминизма с его равноправием пройдут долгие века. А тут, как говорится, бабам слова не давали.

— Ты у меня такой первый, сильный, красивый! Настоящий рыцарь, мечта для любой женщины... — нежно проворковала за спиной девица, а ее пальчики стали шаловливо поглаживать живот. — Никогда такого не ведала...

Андрей усмехнулся — это живо напомнило ему тот мир, там тоже женщины, желая что-то вытянуть из мужика, говорили почти такие же слова. Все не ново под луной, но возвращается на круги своя.

— Тебя как звать-то?

— Ядвига! — с таким волнующим придыханием отозвалась девушка, что Никитин только силой воли подавил зашевелившегося внутри «зверя». Хороша девка, но у него сейчас дела. А вот чуть попозднее он ей даст «дрозда», надолго запомнит.

— Только принеси чего-нибудь ночью куснуть, вина хорошего!

Андрей решительно освободился из ее объятий, взял с лавки свой кошель и выудил оттуда мелкий серебряный грошик.

«Вроде бы достаточная плата за секс и ночной ужин?»

— На!

Он широким жестом протянул монетку служанке, и по тому, как вспыхнули у той глаза, понял, что заплатил по местным меркам неслыханно щедро. И сразу внес коррективы, нечего баловать:

— Смотри, чтоб харч был знатный и вино доброе, а не то... Сама знаешь! И постарайся уж ноченькой, а то сдачу потребую. Сейчас я спущусь вниз, есть охота!

— Ваша милость!

Девушка на секунду так к нему прижалась, что Андрей понял — ночью с него все соки выпьют, и усмехнулся. Хорошая штука местный постоялый двор — ресторан, гостиница и бордель в одном лице. Даже надпись над входом прибавить не надо — «посетитель у нас может получить все, что душевненьке угодно».

Ядвига его умело и споро одела, чувствовался немалый девичий опыт в этом деле. Потом быстро натянула на себя свою хламиду, которая ее сразу обезобразила — нагой девушка выглядела прекрасной.

Андрей перекинул перевязь через плечо, подвесил к поясу кошель с финансами и драгоценностями, и «высокие договорившиеся стороны», уболагодворенные, полностью довольные друг другом, вышли из комнаты.

По скрипучей лестнице Никитин неспешно спустился на первый этаж и медленно оглядел обеденную залу, преобразившуюся за эту пару часов. Ее было и не узнать — там шел настоящий праздник живота, в гомоне, чавканье, смраде и хохоте.

Два крайних от входа стола плотно заняли, плечо к плечу, разномастно одетые путники, пропыленные, говорливые. Народец простой, не служилый — мечей и сабель никто не имел.

Обозники или прислуга, какие-нибудь челядники, без которых ни одному купеческому каравану не обойтись. Да и пища на столах самая простая, зато всего вдоволь.

За третьим столом ужинал уже народ серьезный. Семеро в доспехах, трое поддели под них дорогие здесь кольчуги, все при оружии. Воины, причем умелые, молчаливые, не суетливые — наметанным взглядом Андрей определил это сразу.

Да и стол у них был намного богаче накрыт — поросенок с румяной корочкой, кромсаемый ножами, жареные гуси, блюда с запеченной рыбой и оплетенные соломой бутылки с вином.

Никитин только головой мотнул и усмехнулся — им хитрец трактирщик, в одну секунду оценив всю непрезентабельность внешнего вида гостей, обычные глиняные кувшины с кислым пойлом приволок. И лишь потом, налюбовавшись на побитых татей, такую же бутылку принес. А этим сразу вино доброе на стол поставил.

Три новые служанки суетились возле их стола, время от времени притворно взвизгивали, когда кто-то из вояк распускал руки, пощипывая их за мягкие места.

Восьмой сотрапезник с девками не баловался, не по чину. Он был без доспехов, но с настоящей саблей на поясе, а не тем огрызком, что был у Андрея.

Солидный, лет сорока с небольшим, с закрученными усами и гладко выбритым подбородком. Одет намного богаче остальных сотрапезников — кафтан, Никитин толком не знал, как эта одежда называется, оторочен мехом, со шнурами, с серебряной канителью.

Взгляд у мужика оказался острым — буквально резанул по Андрею, как полоснул алмазом по стеклу, оценил за секунду, что от вошедшего ожидать можно. Такой человек может быть только самым купцом, хозяином, никак не иначе — уж больно вид начальственный.

Андрей чинно уселся за свой стол, где Велемир при помощи смазливой давешней девчонки лихо управился с половиной поросенка. Парень уже наелся и с замасленными глазками хватал прижавшуюся к нему служанку за округлости. Та фальшиво повизгивала и сама норовила запустить парню в штаны свои игривые пальчики.

На отца юноша посмотрел внимательно, как бы спрашивая: «Не нужно тебе чего-нибудь?»

— Отнеси оружие наверх, да займись там делом! А я еще здесь часок посижу, поем, а потом поднимусь к тебе.

Юноша понимающе улыбнулся, тут же поднялся и, прихватив оружие с девицей, пошел наверх.

Никитин положил на тарелку здоровенный кус поросятины, достал нож и принялся за еду, досадуя, что вилок в трактире не имеется, этим инструментом лишь некоторые продвинутые в культуре паны орудуют в своих замках. Остальные едят руками, при помощи ножа, и лишь для похлебок имеются ложки...

— Пан позволит?!

На дубовую лавку, напротив Андрея, чинно присел давешний купец, вежливо испросив разрешения тихим голосом. Культурно спросил, сразу чувствуется определенное воспитание.

«Чего ж запрещать при таком обращении?!» — Никитин не менее вежливо ответил:

— Присаживайся, пан. Места много. Желаешь чего?

— Наелся уже. А вот вино можно выпить!

Купец положил на стол кожаную флягу весьма приличных размеров и, прижав горловину, бережно наклонил ее над чашами.

Пахучая рубиновая жидкость издавала такой аромат, что Андрей восхищенно закрутил головой, а ноздри носа затрепетали от вожделения.

— Такого вина здесь днем с огнем не разыщешь. Может, только у князей к столу подают, да и то не каждый день! — негромко похвастался купец и пригубил свою чашу. Андрей тоже сделал глоток вина, подержав его во рту.

Да уж — не врет торговец, в *той* жизни Никитин только один раз пил подобное чудо, старый друг детства, торговый моряк, щедро угостил. Он привез несколько бутылок из Франции и устроил выпендрей таким образом.

— Превосходно! Отменное вино!

— Из благословенного Рима еще...

Купец многозначительно посмотрел на него. И пожал плечами:

— Магометане вино там делать не позволяют. Но многие ислам еще не приняли, а потому запрет на них не распространяется. Вот пока мы торгуем с ними помаленьку, а то здешнее вино с карпатских виноградников кислее кислого. Уксус, а не вино!

— Это точно! — охотно согласился с ним Никитин, уже отведавший шедевры ляшского виноделия.

И осторожно спросил, завязывая желанный для себя разговор. А кто лучше купцов и торговцев знает местные реалии жизни, в которых он хотел разобраться, и как можно тщательнее. Ибо от знаний зависело многое, в том числе и сама жизнь, расставаться с которой Андрей никогда не торопился:

— Пан из тех земель караваном идет?

— Я из Праги, зовут меня Иван Новак. Весной торговал там всякой всячиной, сейчас с Полоцкой земли идем. Лодьями по Двине плыли, потом морем и по Висле. До Кракова дойдем, а там на юг, через карпатские перевалы с повозками пройдем, и до самой Праги. Лучше, конечно, по Лаббе плыть. Но на тех германских землях такое сейчас творится, что обозом идти намного предпочтительней, хотя и накладно. Но в Полоцке торговля знатная, так что внакладе не буду. Хотя и без большой прибыли.

Купец искусно приbedнился, тут просто профессия такая — мощной из купцов никто прилюдно трясти не будет.

— Знакомый городок... — пробормотал Андрей. В Полоцке он был разок, еще до училища, гостил у сокурсника. — Меня зовут Анджей... Кхм...

Никитин нарочито закашлялся, словно поперхнулся вином, оттого фамилия вышла неразборчивой. И место своего постоянного пребывания он не назвал. Да и далеко отсюда до Сибири, неведома здесь та земля, а потому поймут превратно.

— Княже Роговолт большим градом владеет, торговля хорошо у купцов его идет. Лишь Новагород крупнее и богаче. Куйба, правда, еще больше, но там сейчас хазары правят.

— Да уж! — в тон купцу хмуро отозвался Андрей, ему была неприятна мысль о такой безумной реальности.

Он вспомнил прочитанный в студенческие времена роман о дочери полоцкого князя, которую насильно взял в жены новгородский князь Владимир, будущий креститель Руси и киевский владыка, попутно убивший ее отца.

— Как живет дочь Роговолта Рогнеда?

Никитин спросил вроде небрежно, но внутри напрягся — мало ли каким зигзагом история здесь пошла? Но вроде люди те же, хотя события имеют иной раз совсем другое наполнение.

— Княжна расцвела, подарки от меня приняла очень благосклонно. — Купец многозначительно улыбнулся, вот только его глаза остались совершенно серьезными. — Князь Новгородский Святослав желает взять ее водимой женой сыну своему Владимиру, рабиничу. Но князь Роговолт готов отдать дочь только за его старшего сына Ярополка, что от умершей родами нурманки, дочери ярла. Теперь окончательное слово за матерью Святослава княгиней Ольгой — как она решит, так и будет.

— Ага, — крикнул Андрей, машинально почесав затылок.

«Точно, история хоть и выкрутас крутой сделала, но иной раз на знакомую колею выходит. А ведь Святославу не суждено здесь пасть от печенегов молодым, и из его черепа чашу не сделают. Потому что князь он не киевский, а новгородский, а „мать городов русских“ ныне совсем иной верой дышит. И прожил он уже намного дольше, раз сына женить хочет. Дети князя носят те же имена, только мать у Ярополка не угорская, то есть венгерская, княжна, а нурманка, из будущей Норвегии».

И тут же осторожно спросил, надеясь в душе на «повторение»:

— А князь Святослав хазарам свое предупреждение «иду на вы» прошлым летом послал?

— А как же, пан Анджей. Все об этом и говорили. Хазары воинство собрали, тут варяги, что княжьей Русью зовутся, по ним разом ударили. Десна от крови чуть ли не с берегов вышла, настолько сеча была свирепа. Я думаю, теперь князь на Куйябу пойдет следующим летом.

Никитин слушал пана Ивана с неослабным вниманием, изредка поощряя его сделанными вовремя замечаниями. Оба собеседника прикладывались к чашам, и не прошло и часа, как фляга была осушена полностью. А заодно и бутыль, что стояла на столе — кислое вино под разговор и закуску тоже хорошо пошло.

— А что на Эльбе делается? Отчего торговля по реке рушится? Магометане не дают, что ли?

Андрей вспомнил давешнюю оговорку купца, а потому любопытствовал. Лаба только ведь для чехов, а так ее Эльбой немцы называют. А потому именно второе название всем известно.

— Мусульмане к Эльбе еще не вышли, да вряд ли к ней и подойдут. Не те они стали, ослабели порядком. Хотя сила осталась, и поболее нашей найдется. За Рейн лучше не соваться.

В голосе купца ощутимо звякнули холодные нотки неприязни, будто клинок из ножен вынули и обратно с силой кинули. Новак шепотом выругался, приложился к чаше с вином, отпил и поставил на стол.

Отер ладонью пышные усы и заговорил очень тихим голосом, словно боялся, что их могут подслушать в трактирном гаме, где с каждым часом и выпитым кувшином разгоралось веселье.

Расшались купеческие челядники, насытившись. А вот его воины вели себя тихо, хотя с девками вовсю баловались. Но оружие держали под рукой, да и пили в меру, чтоб с утра похмельем не маяться.

— «Братство святой Марии» устье полностью перекрыло, да и на самой реке орденские замки стоят. Совсем худо для купцов стало — хорошо бы законную десятину брали на

крестовый поход и церковь, так они две с нас дерут, одну в пользу Святого престола, другую себе. Да и первую, говоря откровенно, себе тоже оставляют.

— А что ж они так? Закон же не чтят?

Андрей насторожился — название братства ему было до боли знакомо. Оттого походило на очередную ухмылку истории, течение которой с нового русла иногда входило в знакомую «старицу».

Дело в том, что в его истории под таким названием скрывался рыцарский орден, основанный немецкими рыцарями в Палестине во время Крестовых походов.

Но существовал он там недолго, перебравшись вскоре на северо-восток, к Балтийскому морю. А там начал крестить огнем и мечом язычников-пруссов, пока полностью их не перебили.

И название второе получил — Тевтонский орден, с характерной эмблемой в виде черного креста с широкими концами.

— Орден Святого Креста по совести брал! Что мы, не христиане, что ли, не понимаем? А эти...

Купец огорченно взмахнул рукой и плеснул себе в чашу вина из бутылки. Андрей сделал то же самое, и собеседники дружно выпили.

— Как орденцев с Эльбы выперли, так «братья» житья не дают. Вот и приходится через ляшские земли торговлю вести, а у этих панов семь пятниц на неделе. Князь Болеслав за торговлю радеет, а магнаты так и норовят ободрать нас как липку.

— А орденцы чем занимаются?

Андрей небрежно задал вопрос, хотя внутри все нервы были натянуты как струна — купец сам затронул интересующий его вопрос, еще как интересующий, до зуда.

— Захирел совсем орден. Можно даже сказать, что почти прекратил свое существование. Нет, замки в Моравии у него еще остались, но всего парочка. В Силезии один есть, да здесь неподалеку, в Бяло Гуру, сельца еще имеются. И все. Какая уж тут сила, немощь одна! С Католаунского разгрома орден так и не оправился. Ведь одним махом тогда и великого магистра Валленштейна там потеряли, и всех трех магистров, и семь командоров из девяти. Так и не оправился орден...

Купец огорченно вздохнул, налил себе вина из бутылки, до краев кружку наполнил. Андрей присоединился, не приbedнясь, и они снова выпили и дружно вцепились в куски остывшей свинины. Но не ели, а так, закусывали, лениво двигая челюстями.

— Да сами они виноваты, намудрили со своим капитулом...

— С чем с чем? — искренне удивился Никитин.

— Четверть века тому назад часть рыцарей вышла из «братства», и папа особой буллой разрешил им создать свой орден. Наш князь чешский только одобрил. И паны польские тоже, хотя и не все. Да оно и понятно — «братство» магометан на Рейне держит, а с юга в Чехию и Словакию, да на восточные австрийские земли мадьяры нападают. А с ними и прочие мусульмане лезут — печенеги там, хазары, валахи... А еще поморяне-язычники ни немцам, ни ляхам житья не дают, так и норовят в спину ударить... Вот и создала церковь второй орден, да узаконила, что в него принимать будут не только немецких, но чешских и польских рыцарей...

— А «братство» обиделось! — Андрей усмехнулся.

Ситуация для него прояснилась. Два рыцарских ордена — один из немцев, а другой из славян. «Это скорпионы в банке. Ведь как ни крути, но интересы диаметрально противоположные, и только страшная угроза магометанского нашествия заставляет псов-рыцарей сдерживаться».

— Если бы обиделось! — Новак прохрипел, глаза налились красным, зубы заскрежетали, на

скулах заходили желваки. — Они же предали их на Каталаунском поле. «Братья» отступили, а мусульмане орденцев окружили и вырезали всех поголовно. И вот уже пятнадцать лет, как «крестоносцы» от того избиения не оправились, и все по собственной дурости. В их капитул, что «хранителями» именуют, магистры да командоры, они могут избрать только тех рыцарей, что не менее двенадцати лет в ордене состоят. И при одном из прежних «хранителей»...

— Так двое командоров уцелело?

— Одного через неделю после Каталауна в спину кинжалом ударили, а второй помер чуть позже, за два дня в огневице сгорел.

Купец еще более понизил голос и воровато оглянулся. Нет, никто вроде бы разговором не интересовался, каждый был занят своим делом, а девки продолжали повизгивать. Но Новак снизил голос до шепота, словно опасался, что его слова в этом шуме могут быть услышаны:

— Поговаривают, что командора Вацлава отравили.

— А те рыцари, что в ордене долго служили, с ними никакого несчастья не приключалось?

Андрей насторожился от слов купца. Еще бы — если за первой случайностью остальные косяком пошли, как лососи на нерест, то таковые события уже закономерными именуют.

— Если бы! — Купец вздохнул с неприкрытым огорчением. — Или гибнут, или непонятно отчего помирают. Оттого никак двенадцать рыцарей не наберется, что полный срок под знаменами ордена отслужили. Разговоры нынче ходят, что вскоре орденские земли «братьям», князям да панам отойдут, а папа буллу издаст об упразднении ордена Святого Креста.

«Все понятно. Их кто-то очень грамотно из игры выводит. Да почему кто-то?! Кому это выгодно, кто земли орденские получит, тот и провернул все это дело.

Одно ясно — о своем „членстве“ в ордене нужно молчать наглухо, а то не посмотрят на мое вынужденное самозванство и в одну секунду голову открутят! — Никитин тяжело вздохнул. — А она мне еще дорога!»

— Ничего, пройдет год, и крестоносцев соберется довольно. И двинутся освобождать Святой престол от неверных через год, ну два, самый большой срок. Это же будет хорошо?!

— Конечно, хорошо. Очень хорошо. И наших войск довольно там будет, сильных войск!

Андрей в очередной раз поддакнул чеху и большим глотком осушил чашу с вином. А потом с полминуты пытался наколоть на нож кусок — поросятина не держалась на лезвии и сваливалась.

И только тут до Никитина дошло, что он просто пьян вдребезги. Попытался сосредоточиться и собрать мысли:

«Это ж сколько мы выжрали? Фляга на два литра — раз. В бутылки еще три литра — два. Трактирщик принес вторую бутылку — из нее одолели больше половины. Надо же — после года воздержания три с лишним литра за один присест выжрать. Но что ж не выпить с хорошим собеседником, с ним даже разговор идет хорошо, язык коверкать не надо. Что?!»

Андрея пробил цыганский пот, хмель из головы разом выветрился. Он радовался как дурак, что собеседник попался хороший, все понимающий, да так, что язык коверкать уже не приходится.

«Так ведь я на каком языке говорить-то начал, старый дурак?! Расслабился, нажрался, все навыки порастерял. Так нет же — язык еще распустил! Ведь „ваффе“, „зер гут“ и „генуг“ выдали меня, болезного, с головой. Ага, пан Анджей выискался с ломаным польским!»

Никитин отчетливо осознал, что, добивая остатнюю бутылку вина, они уже разговаривали с чехом на немецком языке, причем беглом.

Да, Варвара за последний год его приохотила, да так, что в подлиннике «Майн кампф» Гитлера прочитал. Достал с трудом, раньше о таком и помыслить было нельзя, все только на эту подлую книжонку ссылались, но при этом никто ее не читал.

Прочитал и понял — чушь собачья, одни только призывы — надо передуть французов и прочих западных плутократов, а уж потом подумать об исторической миссии расширения «жизненного пространства» на восточных землях. Идиот бесноватый!

«Что ж делать-то? Одна надежда, что чех пьян изрядно и ничего не заподозрит!» — подумал Андрей, пытаясь разогнать алкогольные пары в разгоряченном мозгу.

Однако его надеждам не суждено было сбыться. Купец наклонился за столом и снова заговорил на немецком:

— Я понимаю, герр Андреас, очень тяжело жить среди чуждых по языку людей. Да и судьба к вам тягостно относится, а ведь вы благородный риттер, хотя это приходится скрывать. А у меня есть предложение, весьма небезвыгодное для нас обоих...

— Какое? — с усмешкой слегка поинтересовался Никитин, мысленно переведя чешскую фамилию на немецкий лад. — Я слушаю тебя, герр Иоганн Нойманн.

— Вы очень хороший воин, герр Андреас, и наблюдательный человек. У меня глаз таких сразу выделяет.

Купец заговорил тихо, на его оговорку не обратил никакого внимания, а потому Андрей убедился, что имеет дело с немцем. И сразу напрягся — тевтон, отчего-то ставший чехом, моментально вызвал у него определенного рода подозрения.

«Не шпион ли он у нас, часом?» — подумал Никитин и тут же усмехнулся краешками губ. Купцы завсегда шпионили, сие есть древнейшая профессия, такая же, как проституция.

«Но зачем мне, отставному офицеру Российской армии, мучиться подобными мыслями. В этом мире обустроиваться хоть как-то нужно, а этот купец может дельное предложить, раз в

такую конспирацию играть стал». — И он загнал в глубь души свои подозрения.

— Охрана у меня небольшая, вы сами видите. А вы вдвоем воины крепкие. А потому предлагаю со мной до Праги идти. Нет-нет, вы не так поняли — нет ничего зазорного господину риттеру купеческий обоз сопровождать. А вы благородных кровей — и ваше бедственное положение...

— С чего ты это взял?!

Андрей высокомерно уставился на купца, решив играть роль до конца. Пусть немец до конца выложит все камни, что за пазухой прячет, а там и поглядеть можно.

— Вы проиграли поединок? Так ведь?! Я уверен, что в том виновато злосчастье или какая-то хитрость соперника. А потому отдали противнику коня и доспехи. Но шпоры и пояс не нужны, чтобы узнать благородного риттера. Ваш нательный крестик настолько тонкой работы, что один стоит целое состояние. Редкий граф может похвастаться, что имеет изделия столь умелого ювелира. Византийская работа, герр Андреас фон...

— Каково ваше предложение, герр Иоганн Нойманн?

Андрей не поддался на столь дешевую уловку, да и какое имя, вернее фамилию, ему самому выдумать — знать у всех на слуху, тут в самозванцы угодить проще простого.

Но ворот рубахи Никитин машинально задернул и надменно посмотрел собеседнику прямо в глаза.

— Двадцать солидов до Праги.

Купец вкрадчиво назвал нехилую сумму, но взгляд чуть дрогнул. Андрей криво усмехнулся — он понял, что торгаш, по своей купеческой сущности, предложил плату меньше, чем принято.

Но Новак сразу же торопливо добавил:

— Мое обеспечение полностью вам и вашему оруженосцу, плачу серебром, что намного лучше. И найду вам в Праге достойное вашему положению занятие, если вы пожелаете. Вы ведь очень долгие годы не были на родине, герр Андреас?

— С чего вы взяли, герр Нойманн?

Андрей нарочито демонстративно ухмыльнулся, хотя внутри его ожгло словно кнутом.

— Вы долго жили среди славян на востоке, возможно, и в Новгороде — чувствуется акцент в ваших словах. Нет-нет! — Купец умоляюще поднял ладони, чуть ли не помахав ими. — Вы не так меня поняли! Я отнюдь не собираюсь ни в малейшем любопытствовать. Ваша жизнь — это ваша жизнь, герр риттер. Но вы опытный воин, помощь которого была бы для меня очень ценной. Дороги опасные, а число охранников у меня уменьшилось после отъезда из Полоцка. Мало ли что случиться может — польские паны известны своим своевољством и пристрастием к чужому добру. Что вы мне можете ответить на мое предложение, герр риттер?

Андрей задумался — предложение Нойманна, с одной стороны, позволяло хоть как-то легализоваться в этом мире, найти постоянное занятие и получить неплохие деньги.

Но с другой стороны, крайне велик и риск, что в общении с природными немцами, настоящими графами и баронами, его «расколют» живо. А там и подумать страшно, что будет. С самозванцами везде и во все времена очень круто обходились...

— Я понимаю вас, герр риттер. До утра у вас есть время подумать и несколько изменить планы, если вы сочтете нужным. И я буду очень рад, если вы великодушно отзоветесь на мою просьбу.

«Ты прав, только шлюхи сразу же соглашаются. А мне надо подумать и посоветоваться с Велемиром. Такое, господин купец, с кондачка не решают, тут требуется мозгами хорошо раскинуть».

— Я дам вам утром ответ, герр Нойманн!

Никитин чуть кивнул купцу и тут почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Словно кнутом с размаху огрели — настолько был взор осязателен кожей. А потому он, притворившись, что пьет вино, внимательно посмотрел кругом.

И поймал — рослый воин за соседним столом тут же вильнул взглядом и сделал вид, что увлечен разговором с соседом. Но через несколько секунд снова пристально посмотрел на Никитина. Назвать этот взгляд плохим Андрей не мог, встречал в жизни такие.

Воин будто мучительно вспоминал, когда же он видел майора, но, видно, так и не мог припомнить. Но подойти и спросить открыто не осмеливался, то ли любопытство пересилил, то ли из-за опасений нарваться на неприятности от того, с кем беседовал его работодатель.

— Хорошо, герр риттер!

Купец живо поднялся с лавки, уважительно поклонился и вернулся за свой стол — его место там никто не занимал, даже девок, что радостно пищали на коленях, рядом не сажали.

Никитин усмехнулся, видя, что воин больше на него не смотрит, демонстративно отвернувшись — «я не я, и любопытство не мое». Никитин поднялся с лавки и решил отправиться почивать.

Тяжело ступая по лестнице, он все же услышал за собой легкие девичьи шаги — за ним шла Ядвига. Отрабатывать свой грош...

Сильно болели ноги, руки и голова — буквально ломило от боли, и это помогло вернуть сознание.

С неимоверным трудом Андрей кое-как открыл глаза — темные бревенчатые стены, под щекой солома, а в маленьком решетчатом окошке сереет рассвет. Причину боли Никитин понял сразу — ноги и руки были накрепко связаны веревками.

«Отчего так башка болит?! Ни хрена не пойму, или меня по голове ударили, или с похмелья маюсь? Одно ясно — как лоха сделали, по рукам и ногам повязали!»

Андрей попытался перевернуться на бок и тут понял все. Не били его по голове, никак не могли бить.

— С затылком нормально, иначе бы взвыл, — Никитин пробормотал сквозь зубы и напряг руки. Куда там — вязали сонного, когда все мускулы были расслаблены, теперь не развяжешься.

«Хорошо меня скрутили, тепленького, падлы позорные! И голова страдает не с похмелья, а от той дряни, которая была в вино какой-то сволочью подмешана. Вот влип так влип, теперь труба. Гаденыш трактирщик, вот паскуда, ну ничего — долг платежом красен. — Андрей сжал зубы и принялся ворошить память. — Нет, пьяный не был, вот только напрочь бдительность потерял. За что и поплатился».

Никитин припомнил, как поднялся наверх по лестнице. В комнате безмятежно дрыхли Велемир со служанкой, их нагие переплетенные тела бесстыдно отсвечивали в темноте.

Рядом с топчаном торчал полупустой кувшин вина. Ему бы тогда сообразить, что дело нечисто, не мог же парень так вырубиться с небольшой дозы. А он только усмехнулся и накрыл их упавшим на пол одеялом.

Потом они с Ядвигой устроили скачки, а после приложились к кувшину, приняв по объемной чаше. Вино показалось сладковатым, тогда еще подумал, что для вкуса сахар подмешали.

И все — память словно отключилась — доза снотворного свалила его с ног. Но почему же он так рано проснулся, часа два ведь прошло, вряд ли больше?! Рассвет только подбирается, за окошком едва сереть начало.

Где-то рядом заржала лошадь, и Никитин сообразил, что лежит в каком-то из пустых амбаров, что протянулись за конюшней.

Теперь только осталось выяснить, где же находится Велемир и в каком парень сейчас состоянии. Андрей захотел перевернуться на другой бок, но вовремя остановил эту попытку и замер, прислушиваясь.

Никакой ошибки не было, ему действительно послышались шаги и тихая речь. Вскоре дверь амбара стала медленно открываться. Никитин быстро изобразил из себя беспмятное тело — необходимо вначале полностью прояснить обстановку, а заодно попытаться уверить неведомого и от этого более опасного врага, что он сейчас абсолютно никакой.

«Так себе, кусочек оплывшего мяса с пьяным спящим мозгом».

Зашли двое, аккуратно ступая, по-хозяйски притворив за собой дверь. И со свечой в руках — красноватые отсветы пламени чуть озарили бревенчатую стенку амбара.

Андрей приготовился использовать чисто женский прием — смотреть через сомкнутые ресницы. Один из вошедших, судя по скрипу кожи и негромкому лязгу, в доспехах, а значит, воин, а вот второй...

— Они только после полудня смогут очнуться ото сна, никак не раньше, пан кастелян! «Ведьмин одуванчик» сознание здорово отшибает, такой крепкий сон нагоняет. А ведь они

почти весь кувшин выпили, а там гарнец вина сладкого был. Вот этот сладенького побольше себе сразу потребовал, а я еще туда медку немного подмешал. Для того чтобы горечи сонной отравы заметно по вкусу никак не было!

Лебезящий голос трактирщика Никитин узнал бы из тысячи других голосов, и злость моментально опалила его душу.

«Ах ты, сука поганая, ну ничего, тварюга, скоро мы с тобой сочтемся, за мной не заржавеет».

— Руки у него действительно воинские, на ладонях смердовских мозолей не видно!

Голос второго был сух и деловит. Андрей почувствовал, что тот наклонился над ним. Не простой воин, и в немалых чинах — властность в голосе сама за себя о многом говорит. Но откуда он здесь взялся и кто такой? — вот в чем вопрос.

— Купец с ним долго говорил. Подслушать Одноглазому не удалось, на немецком они болтали, тот называл герром риттером! Хотя Велемир его паном Анджеем именовал. А на груди у него крестик изумительной работы, то мне Ядвижка поведала. Умная девка, я ей подарок сделаю. Вот только какое у него происхождение, не выяснила. Молчал он и на вопросы девки не отвечал совсем...

— Это неважно, имя у путника любое может быть. Особенно у того, кто специально надел обноски!

Говоривший низко наклонился над Андреем и распахнул на нем ворот рубашки. Затем его пальцы взяли нательный крестик — дыхание зашедшего воина было горячее и спокойное, Никитин на правой щеке достаточно хорошо ощущал.

Рассмотрев золотой крестик, кастелян выпустил его из своих крепких пальцев, к великому изумлению притворившегося Никитина, который ожидал, что крестик сорвут с шеи вместе с цепочкой.

Но воин делать этого не стал, а выпрямился во весь свой высокий рост. Не нравилась Андрею такая нарочитая неторопливость, впечатление сразу же сложилось, будто тот уже с каким-то трупом дело имел. С его хладным телом, разумеется.

«Да уж, вяпался ты, товарищ майор, по полной программе. Это не разбойники — это гораздо хуже. А кастелян немалой шишкой является, вроде как управляющий у знатного пана».

— Матка Бозка! Видел я большие кресты из чистого золота, но этот работой славен. Это какой должен быть мастер, чтоб мельчайшие детали так хорошо были видны? Такой крестик и князю носить незазорно.

— Но имя его, пан Замосцкий? И одет он плохо, чуть ли не в селянское рубище, грязное и ветхое.

— Это неважно, имя любое может быть. Особенно у того, кто обноски на себя напялил, а такой крестик с цепочкой носит. Да за одну цепочку, столь тонкую и изящную, любому шляхтичу можно с ног до головы приодеться, да еще десяток грошей в кошель положить.

— У них с собой больше двух золотых, да еще у Хряка два золотых взял. И браслет с перстнем...

«Ты и плут, сволочь. У нас с Велемиром больше трех золотых имелось, только наших денег», — Андрей мысленно поклялся взять с хозяина сторицей, чтоб на всю жизнь запомнил.

— Это не простой воин, ох и не простой...

У Никитина сложилось впечатление, что пан кастелян просто вслух рассуждал, не принимая пройдоху трактирщика в расчет и совершенно игнорируя все словоблудия.

— У него на шее золотой крестик на золотой цепочке. Я таких цепочек в своей жизни ни разу не видел, а вот золото говорит о том, что перед нами переодетый рыцарь, никак не меньше. А может, и намного больше, ведь такая работа златокузнеца очень дорого стоит, и лишь

немногим знатным рыцарям по кошелькам. Так ты говоришь, что он Хряка одним ударом через всю комнату отправил?!

— Одним, пан кастелян! Я даже самого удара не заметил, даже дверь не затворил, в щель подглядывал! Очень быстро герр риттер ударил! А перед этим боевой клич ордена прокричал: «Кто против Бога и ордена?!». И не побоялся свой паршивый орденский клич кричать, на землях пана нашего, давнего недруга...

— Не тебе о том судить! Да он тебя, свинью, просто пристукнул бы разок сильно, чтоб мозги твои пороссячьи вышибить. И все дела! Орденец, значит, и не боялся? Что-то здесь не так, не вяжется — доспех он с Хромого снял, но вот только маленький тот носил, не подошел ему! Кожу с боков хоть подрезал и напялил на себя, а ведь мог с Велемира снять — тот почти с него ростом. Мог, но почему-то не стал!

Пан кастелян на минуту задумался, сделал несколько шагов по амбару, а затем высказал надуманное:

— А это означает только одно — Велемир его встречал, и вдвоем на пару они Хромого с Яреком завалили. Ехали они в Плонск, к Бужовскому, давнему врагу нашего пана. Вот только зачем?! Ну, ничего, у нас в замке один орденский рыцарь на цепи сидит, и этого рядом посадим, места в подвале много. И кат умелый — сразу заговорит, как миленький, а косточки его никто и никогда не сыщет! Не таких прятали!

Кастелян тут негромко хмыкнул, а потом с нескрываемым презрением бросил трактирщику:

— Да не дрожи ты так мелко! Орден нынче совсем не тот, что раньше, для мщения у него сейчас руки короткие, да и никто не узнает про рыцаря. Готовь быстро свою повозку, мы их в самую Старицу отвезем, к пану Завойскому. Тот орденцев обожает, не позавидуешь тут этому рыцарю. И все же, кого-то он мне напоминает, всю память перерыл, вспомнить никак не могу. Будто я его мельком видел, а вот где и когда? Вроде недавно? Но как его имя? Не могу вспомнить, и все!

— Повозку сейчас приготовят. Я как орденский клич услышал, так сразу велел слуге. Помнил ваш наказ. А к вам человека немедленно отправил. А к ним девок подослал, дабы внимание их отвлечь, да чтоб надежно было. Бабы-то они такие. И вино намешал...

— Не болтай много. Я это без тебя знаю. Купцовы людишки не видели, когда твои этих сюда перетаскивали?

— Нет, вроде не углядели!

В голосе трактирщика хотя и была уверенность, но подспудно звучал и страх, который Андрей сразу уловил.

— Это хорошо. А то со мной трое кметей всего.

— А у чеха семеро...

— Я гонца пану Сартскому в полночь отправил, он навстречу отряд вышлет. Так что если чех вмешается, ему хуже будет. Самих не тронем, у него охранная грамота от князя, но орденца силой отберем. Так что не робей! Не станет он вмешиваться в наши дела, ему свое добро дороже.

— Это вы верно сказали, ваша милость. Свое добро, оно завсегда... Кхе, кхе... кхе...

Угодливый голосок трактирщика сорвался и перешел в кашель — в амбаре было пыльно, мог и поперхнуться.

— Ладно, пойдем. Пусть кмети их на повозку грузят в мешках. Лошадей прямо к воротам подгонят. Никто и не заметит. А даже если и подглядят, то не поймут. Мало ли что увозят.

— А купцу я скажу, что они в ночь уехали...

— Ты добро их прибери и коней!

— Уже сделал, пан кастелян!

— Тогда пошли!

— Да, пан Замосцкий!

— Шевелись!

Отблески свечи отодвинулись, сладкая парочка «Твикс» вышла из амбара, а Никитин, спеленутый по ногам и рукам, крепко задумался.

«Вот так вляпался, на полном ходу и в кучу дерьма рылом. Надо что-то делать, причем в авральном режиме — иначе отвезут в замок, цепью скуют, пытать потом до самой смерти будут, как суки-кулаки небезызвестного пионера-героя Павлика Морозова!»

Такого печального для себя варианта развития событий он допустить никак не мог и потому попытался разорвать на своих руках крепкие завязки.

Но кожаные путы вороги наложили столь качественные, что Андрей вскоре умаялся и притих.

«Знали, сволочи, когда связать и как. По расслабленным рукам. Теперь хрен развяжешься — и будет мне вскорости знакомство с местным палачом — катом. А такого и даром не надь!»

Времечко уже не просто поджимало — он слышал, как слуги уже запрягли коней в повозку и теперь тихо переговаривались между собой. И тут Никитина осенило:

— Ну и кретин вы, товарищ майор! Это не оскорбление, а констатация наличного факта. Больше тебе пить нельзя — мозги заплывают и память дырявой становится!

Андрей изогнулся дугой и кончиками пальцев нащупал под завязкой рубахи перочинный нож. Ведь сам по привычке сделал потайной карманчик для подобных случаев и напрочь забыл.

— Все, завязываю с бабами и пьянками, — пробормотал Андрей, припоминая вчерашнее. И усмехнулся:

— А местные явно не профи. Надо же обыскивать всего, а они просто связали. Хотя... Между нами тысяча лет...

С трудом, немыслимо изогнувшись, Никитин нащупал рукоять и нажал кнопку, надеясь только на одно — хотя бы минут пять слуги еще провозились возле телеги, и все у него в полнейшем порядке будет.

Отщелкнув лезвие, он ухватился за рукоятку кончиками пальцев и стал надавливать сталью на кожаный ремешок.

Шорк, шорк...

Ему показалось, что кожа медленно режется, но решил не торопиться — будет намного хуже, если в спешке ножичек ронять постоянно будет.

Наконец ремешок не выдержал остроты лезвия и разорвался. Полностью освободиться от пут было для него теперь делом одной минуты...

Андрей тихо стоял у двери, потирая свои запястья. Он уже размял почти все мышцы тела и теперь напоминал лютого и свирепого хищника, притаившегося в засаде.

План был прост, как головка гаечного ключа на сорок, — как только откроют дверь, он моментально устроит вошедшим капитальное мордобитие, причем жалеть никого не станет. Раз его самого, родимого, в расход уже вписали да в местную пыточную прямиком отправить хотят.

«Вот только до своего оружия как-нибудь дорваться и сына потом найти. А этот мерзостный трактирчик, „малина“ гребаная, хорошо гореть будет, красиво, вместе со своим паскудой хозяином».

Ему повезло — слуги запрягли коней, но зачем-то ушли. И эти пять минут просто спасли, он успел полностью освободиться от пут. И вот за толстыми досками двери послышались шаги.

— Пойдем, Юрко, орденца загрузим, а потом тех двух. А то уезжать отсюда уже надо, рассвет близко.

Голос незнакомый, молодого мужика.

«Значит, пан кастелян с ними не пошел, а это к лучшему, врагов по частям бить нужно».

Андрей сильно вжался спиной в бревенчатую стенку амбара — позиция для нападения не очень удобная, зато охранникам нужно перешагнуть за порог, так как пленника бросили у самой стены. От входа этого угла совершенно не видно, ведь открытая дверь амбара мешала полному обзору помещения для любого вошедшего.

Дверь кто-то очень сильно толкнул вперед, и в открытом проеме показалась голова воина, одетого в кожаный доспех, без шлема на голове. Этого Андрею за глаза хватило — он от всей души ударил врага сапогом под сгиб колена и всадил в сонную артерию нож.

Парень только чуть хрюкнул, а Никитин в темпе закинул свою неосторожную жертву вовнутрь кратковременного узилища, а сам стремительно выпрыгнул наружу.

Второй мужик так и ничего не успел понять, он просто наткнулся на выброшенный вперед кулак — Андрей перебил гортань сразу, тот и вскрикнуть не успел.

Никитин подхватил возницу (почему-то он с ходу решил, что это именно тот, может быть, потому, что на мужике доспеха не было) и отправил тело в амбар.

Андрей воровато огляделся — вряд ли кто в таком сыром тумане смог бы заметить, что недавний пленник легко умертвил приставленных к нему охранников и вырвался из узилища.

На большой повозке, запряженной парой их же собственных с Велемиром коней, то есть законных трофеев, к большому негодованию, лежало отнятое оружие и доспехи. Третий конь, на котором ездил сам Никитин, был привязан к облучку.

— Кажись, все тихо...

Андрей быстро огляделся и понял, что успел вовремя освободиться. У трактирной коновязи рядом перебирали копытами, жуя сено, несколько верховых коней с седлами.

Такое ощущение, что они ждут лишь всадников, что где-то рядом, поблизости. Ровным счетом четыре — значит, с кастеляном осталось два воина, один уже убит.

То, что он заодно угробил слугу трактирщика, душу Андрея не грызло ни в малейшей степени. Никакого выбора ему изначально не давали, а оставлять в живых тех, кто мог помешать побегу или поднять шум, нельзя ни в коем случае. От таких нужно сразу избавляться, не задумываясь, не та сейчас у него ситуация, чтобы в гуманизм играть.

Никитин быстро подошел к повозке, покопался и мигом зарядил болтом арбалет. Он взял свой пояс, быстро застегнул его, сразу почувствовав себя воином. В кольцо вддел кинжал, накинул перевязь с саблей через одно плечо, колчан с болтами — через другое.

Теперь можно было подраться против двоих, даже троих — то, что он допустит промах из арбалета, Андрей не брал в расчет. Не та у него сейчас ситуация, и время не то, но навыки-то остались прежние, хотя и постарел немного, жирка поднабрал да лени.

Он осмотрелся еще раз в туманной дымке, опустившейся на трактир пеленой, и крадущимся волчьим шагом отправился в поиск. Нужно было начинать обескровливать врага потихоньку, стараясь по одному передавить их, как хорь душит куриц.

Привычное ремесло диверсанта, любящего всем нутром предрассветные сумерки, желательно чуть морозящие и теплые, когда даже бдительным часовым больше всего хочется спать.

Через двадцать шагов у ворот его поиск увенчался первым успехом — здоровенный привратник трактира так и не успел проснуться, когда Андрей воткнул ему кинжал в сердце.

— На боевом посту, парень, спать очень не рекомендуется. Таких оплошавших часовых во все времена без звука резали, олух ты царя небесного. Ну, вот и славненько повеселился — три трупа за пару минут, в любой норматив уложился, — тихо прошептал Никитин на кураже и плавно заскользил к трактиру, сжимая в руке заряженный арбалет.

Но карта судьбы теперь легла неудачно, преподнеся ему очередную подлянку.

Дверь настежь распахнулась, и в осеннюю сырость вышел вооруженный дубинкой одноглазый слуга, следом за ним показался здоровый гигант в кирасе, под которую была поддета кольчуга с наброшенным на голову капюшоном. Хотя этот воин вряд ли был намного выше Андрея, просто крыльцо у трактира высокое.

Но вот реакцией гигант обладал отменной, все-таки успел он рвануть на себя слугу — болт попал тому точно в грудь. «Циклоп» предсмертно захрипел, выгнувшись в дугу всем телом, и тут же был отшвырнут в сторону крепкой рукой кастеляна.

С быстротой молнии поляк выхватил длинный меч и без промедления бросился на Андрея, который просто физически не успевал перезарядить арбалет новым болтом.

Тихо перебить оппонентов у Никитина не вышло, оставалось только драться, надеясь на дикую удачу или на воинов купца, что могли прийти к нему на помощь.

Но если не везет, так не везет — в дверях показался сопровождавший кастеляна мечник в кожаном доспехе с нашитыми поверху металлическими пластинами. Вояка сразу же выхватил клинок и кинулся на помощь своему господину, заходя от амбара.

Делать было нечего, и Никитин встретил первого и наиболее опасного противника мощным ударом в шею. Мысленно Андрей пожалел, что на нем нет доспеха, торопился слишком. Но думать или жалеть уже поздно, враги сошлись в поединке.

Это был далеко не тот Хромой, убитый им в Запретных землях. Пан в стальной кирасе, при серебряной цепи на груди и таких же шпорах на сапогах, владел мечом превосходно — Никитин только успевал кое-как отмахиваться от него, отступая к амбару. А с фланга его уже атаковал мечник, ловко крутя клинок в руках.

И Андрею все стало до боли ясным — надо или убегать во всю свою прыть, или его довольно скоро проткнут насквозь железяками.

Но бросить здесь Велемира?!

Пойти на такой шаг Никитин не мог, поэтому продолжал драться, сцепив накрепко зубы, еле успевая уклоняться и лихими скачками отпрыгивать от сверкающей стали, что жаждала его крови.

Андрей прекрасно осознавал, что кастелян с мечником ему не по зубам, он просто еще не наловчился орудовать мечом на их уровне.

И тут же Никитину поплохело больше, судьба в очередной раз сыграла в «решку». Из-за амбара выскочил еще один вояка, с небольшим круглым щитом и мечом в руке, и молча

бросился в кипящую схватку.

Андрей закрутился как белка в колесе, мечась по двору. Силенки стремительно таяли, года уже не те, чтоб в таком режиме драться. Больше минуты не продержаться, непременно зарубят.

Осталось только громко воззвать к помощи, может, воины купца перестанут держать нейтралитет — то, что они давно проснулись от лязга оружия, Никитин не сомневался ни на капельку.

— На помощь!!!

И подмога тут же пришла, только не в лице человека, а в виде оглобли, которую, на его большое счастье, некто приткнул к стене амбара. Андрей отбросил саблю и схватил спасительницу в руки, сразу же крутанув ее и отбросив мечника в сторону.

Из дверей трактира высыпали чехи: купец и все его воины. Но остановились на крыльце, не сходя со ступенек.

В схватку они не торопились лезть — вынырнувший откуда-то трактирщик что-то горячо им втолковывал, размахивая руками и показывая на кастеляна, что, оскалив зубы, пытался развалить Никитина напополам своей польской «клейморой».

Терять было уже нечего, позора бояться тем паче, и Андрей во все горло заорал уже другой клич:

— Кто против Бога и ордена?!!

Стоявший у крыльца матерый воин, тот самый, что вечером пристально рассматривал Андрея за столом, неожиданно подскочил на месте, как ужаленный гадюкой в одно мягкое место, и с диким ревом рванулся вперед, молниеносно выхватив меч:

— За Святой Крест!!!

— Арни! Стой!

С крыльца надрывался купец, но тот не обратил на приказ никакого внимания, обрушившись сзади на мечника. Клинок лязгнул по шлему, и поляк упал на истоптанную землю.

Атаковавший Никитина воин немедленно повернулся к новому врагу и с яростным криком набросился на чеха, ударив того наотмашь мечом. Но неожиданный союзник ловко отпрыгнул в сторону и сам приложился, но на пути клинка встал щит.

Андрей только краем глаза, на чистом рефлексе, охватывал поле схватки. А сам атаковал оставшегося в одиночестве кастеляна, норовя познакомить конечности ляха с крепкой деревяшкой.

Теперь роли резко поменялись, причем играть Никитин был совершенно не намерен, какие уж тут игры, когда резня вовсю пошла.

Удар оглоблей мечом парировать нельзя, а потому кастелян хотел от него увернуться. Это желание и подвело крепко поляка — техника боя шестом имеет свои немалые хитрости, отнюдь не знакомые даже многим любителям этого вида драки.

Андрей крутанул оглоблю в кистях, изменив направление удара — и колено воина только жутко хрустнуло. Громко застонав от чудовищной боли, гигант плашмя рухнул на землю, выронив из руки длинный меч.

— Заполучи, фашист, гранату!

Андрей прыжком перепорхнул через кастеляна, обрушив конец оглобли на шлем последнего сражавшегося поляка. И тому хватило одного удара за глаза — черепушка, конечно, уцелела, шлем ведь неплохой защитой явился, но вырубил ляха знатно. Щитоносец безвольной куклой распластался у ног так вовремя помогшего Никитину чеха.

— Ты вовремя мне пришел на помощь!

Андрей с искренней благодарностью кивнул подошедшему к нему рослому, намного его шире в плечах, при таком же росте, воину, что продолжал сжимать в руке меч.

— Я только исполнил свой долг!

Мечник резким движением бросил клинок в ножны и подошел вплотную, внимательно глядя на Андрея, опустился перед ним на одно колено. Затем тихо, Никитин еле расслышал, сказал, чуть шевеля губами:

— Запахни ворот, брат-командор, у тебя, ваша милость, рубаха порвана. Никто не должен видеть наши орденские знаки.

Андрей машинально задержал рубаху, прелая ткань тихо расползалась по ниткам, слишком долго пролежала в брошенном хуторе. Воин вскочил, повернулся к трактиру и посмотрел на стоящих у дверей чехов.

— Изя, принеси мой мешок, — повелительно бросил.

Никитин замер, ожидая, что сейчас появится маленький еврей характерной наружности. Однако ничего подобного не произошло, Андрей даже хмыкнул от огорчения — один из охранников купца, славянской наружности крепкий парень, стриженный под горшок, тут же зашел обратно в трактир. Арни же обратился к купцу:

— Прости, пан, но у нас с тобой был уговор. Я ухожу обратно в орден. Это мой командор!

— Командор ордена Святого Креста?!

Голос Новака внезапно охрип. С вытянувшимся лицом купец испуганно вскрикнул и вытаращенными глазами посмотрел на Никитина, будто впервые того увидел. И явственное восхищение в словах просквозило, которое Андрей мгновенно уловил.

— Он из прежних «хранителей», Арни?!

— Да, — коротко ответил воин.

— А все думали, что они погибли, — прошептал купец, но Андрей расслышал эту реплику. И внутри у него все закипело — «ну и помощничек новый у меня появился, нет бы секрет этот в тайне хранить, а он его сразу перед купцом выложил».

Арни, не догадываясь о терзаниях новоявленного начальства, взял мешок из рук вышедшего из трактира воина, развязал завязку, порылся и извлек два свернутых куска ткани.

Развернул один из них, встряхнул, и, несмотря на сумерки, Никитин хорошо разглядел в центре красного плаща большой белый крест.

— Позволь мне надеть на тебя, брат-командор, наш плащ!

Воин еще говорил, но красная ткань «мушкетерки», точь-в-точь как и представлял себе Андрей этот плащ по кинофильму, только чуть длиннее, уже легла на его плечи, наброшенная умелой рукой чеха. Арни тут же завязал и веревочки на боках.

«Что ж, разумно, не с голым же торсом мне ходить, да еще с запретной наколкой», — Никитин лихорадочно соображал, что ему теперь делать дальше.

Он не желал быть самозванцем, слишком это рискованно, но ход событий не оставлял ему выбора.

Мысленно плюнув и положившись на судьбу в этом вопросе, он решил немедленно заняться насущными делами — свести счета с кастеляном и трактирщиком. Не любил Андрей быть в долгу, тем более в таком.

— Арни, — обратился он к орденцу, что уже накинул на себя второй красный плащ с белым крестом. — Придержи хозяина, у меня к нему разговор будет. Запри его в пустом амбаре,

дверь там открыта, прямо перед повозками. Он мне за все «хорошее», за все свои пакости заплатит.

— Ваша милость!!! — во весь голос взвыл трактирщик и рухнул на колени, протянув вперед руки. — Помилосердствуйте...

Договорить трактирщик не успел, как орденец уже сграбастал его лапищей за горло и поволок к недавнему узилищу. А Никитин, медленно ступая, остывая от минувшей схватки, подошел к лежащему на земле кастеляну, тихо стонущему от боли. Нужно было его «потрошить», пока поляк пребывал еще в сознании.

— Ну что ж, пора твоей памяти помочь!

Андрей безжалостно наступил на сломанную ногу кастеляна, почти вдавив ее сапогом в землю. Тот отчаянно взвыл и поднял на него округлившиеся от боли глаза.

И узнал — Никитин это понял потому, насколько вылезли очи из орбит, на лбу выступили крупные капли пота, а моментально осунувшееся лицо кастеляна буквально захлестнула смертельная белизна. Он отшатнулся и чуточку отполз, хотя в его положении это было проделать трудненько.

— Андреас фон Верт?! Матка Бозка!!! Командор...

Последнее слово поляк еле выдохнул, язык словно отказал ему. По лицу обильно потекли уже ручьи пота, ярко сверкая капельками светлячков. При свете факелов Андрею даже показалось, что кастеляна щедро окатили из ведра, но только не водой, а мелкими алмазами.

— Вижу, узнал, — удовлетворенно хмыкнул Андрей.

Еще бы — он в третий раз убедился, что является двойником неизвестного ему рыцаря ордена Креста, с довольно зловещей репутацией, раз кастеляна такая дрожь пробила. А этот мужик ведь совсем не трус, Никитин разбирался в подобных людях.

— Выходит, тебя не зарубили магометане на Каталаунских полях?! Врали людишки, что твою смерть видели!

— А ты и обрадовался...

— Нет, — проскрежетал зубами поляк. — Ты моего отца на башне повесил, все имение орден твой заграбастал! Я должен тебя убить! Я!!! Собственной рукой, как поклялся!

Никитин усмехнулся — оказывается, у него «кровник» имеется. Он наклонился, поднял меч кастеляна, мельком глянул на клинок. Из хорошей стали выкован, тут ошибки быть не могло.

И он решил провести смену оружия, а то ему эта уродливая сабля не нравилась совершенно. Хотя какая сабля, так, жалкое ее подобие.

Лезвие широкое, лишь чуть искривленное, тяжелый клинок выкован из плохого железа, коротковат, на вытянутую ладонь меньше казачьей шашки, что была у Пал Палыча и на которой Андрею преподали первые уроки фехтования. Потом, правда, инструктор перешел на другие образцы, весьма далекие и от прошлого, и от спорта.

— Поклялся?! Это хорошо, клятву надо всегда держать! — Никитин нагло улыбнулся, поглаживая рукоять меча.

— Тебе свою, а мне свою!

— Так ты дурную валял, ведь мог же меня своим сакрамаксом нашинковать в мелкую стружку! И двух моих воинов... Ты же лучше всех орденцев дерешься!

Лицо кастеляна еще больше побелело, хотя, на взгляд Андрея, дальше было некуда.

— Ну что ж, значит, делай, как мне обещал тогда. Ты специально до той дубины добирался?! Ломай теперь мою вторую ногу, признаю, свою клятву ты исполнил. Что до моего тела своим железом никогда не коснешься, а ноги мне переломашь до последней косточки. Если бы я раньше знал, что это ты, тебя еще в амбаре зарезал бы. Связанного...

— Сломанные ноги срastутся, а вот новая голова вряд ли у тебя отрастет. Так ведь?!

— Пан Сартский отомстит...

— Не сомневаюсь в его желании. Но, видишь ли, дотянуться до меня не так просто, ты на своей шкуре, надеюсь, убедился. — Андрей оскалился и чуть приподнял меч.

— Подожди убивать!

Кастелян облизнул пересохшие губы. Ему не хотелось умирать, молодой еще мужик, едва тридцать пять лет от силы. Однако и трусом поляк не был, глаза сверкали гневом.

— Ты же не за этим сюда пришел!

— А за чем? Неужто знаешь?!

— За своим рыцарем Стефаном Зарембой, что у нас в замке в подвале сидит. С оруженосцем и слугой. И где ты пронюхал, Андреас фон Верт, что мы его здесь, в этом трактире, взяли?!

— Где надо, — отрезал Андрей.

Он уже сообразил, что пан кастелян не просил у него милости себе напрямую. Но, по сути, прибегнул к заурядному торгу, ожидая, и не без основания, что надежда выручить своих из плена перевесит у командора жажду крови и мести.

«Убить этого стервеца можно, здешний закон на моей стороне. Но стоит ли колоть? Он же готовый свидетель, что я есть фон Верт, и поклянется чем угодно. Причем насмерть на этом стоять будет! Может, стоит выручить ордена? Ведь всплывет мое самозванство рано или поздно, а этот рыцарь будет мне обязан. Стоит рискнуть, но надо покумекать, как этого кастеляна на короткий поводок взять».

— Что ж ты в обносках ходишь, командор ордена Святого Креста?! Али денег у ордена нет, чтобы последнего «хранителя» приодеть?! Ты что, таким бродягой эти пятнадцать лет и ходил? В рубище? Или вериги носил?

Глумливый голос поляка вывел Андрея из размышлений. Нет, далеко не трус этот кастелян — прекрасно видел, что враг, убийца отца, который запомнился ему с детского возраста, может пустить в ход меч, но не боялся, а улыбался надменно.

— Деньги есть, — отозвался Никитин, — только пошукать нужно, вы у меня все выгребли, пока я в беспамятстве от вашего отравленного вина лежал. Грабители и те честнее — на меч берут добро. А вы, как шпыни ненадобные, трусливые похотунчики, умеете мелочь по карманам тырить у пьяных да связанных. Жулье мелкое!

— Я твоего на жалкий медяк не взял!

Кастелян вскинулся от оскорбления, заскрипев от гнева зубами. Видно было, что Андрей своими словами зацепил того до печенки.

— Если у тебя нет денег, то вопросы не ко мне. Ты ответишь за свои хулительные слова, командор Андреас фон Верт. И скоро ответишь! Не пройдет и месяца!

— Цепочку с крестиком ты с шеи не рвал, это точно. Сам видел, как ты их в амбаре пальцами мял...

— Так ты подсматривал! Эхма...

Кастелян простонал, а ладони крепко сжались в кулаки, до хруста. Никитин только ухмыльнулся — обидно стало гонористому шляхтичу, что обманули его, обвели вокруг пальца.

— А оружие мое почто на повозку нагрузил?! Добро мое и коней моих в повозку запряг?!

— То не твоя зброя, а моих воинов. Хотя, думаю, уже твоим пребывает — на меч ведь взял? Так?

— Так. Убил я твоих воинов, кастелян! На хрен им было нападать! Претензии имеешь?! Или сомневаешься?!

— Да нет! Покупать такой хлам ты не будешь. На меч возьмешь... Хотя мой доспех на

оглоблю взят, но то мне простительно, клятва ведь твоя была. Одна радость — в убожестве своем ходить не будешь, а то с таким нищим меч скрестить даже зазорно. Приоденешься хоть...

Андрей улыбнулся — нравы здесь, как он и думал, оказались простыми и незатейливыми. Кто сильнее, тот и прав. А потому мучиться сомнениями Никитин не стал. Кивком подозвав к себе подошедшего от амбара Арни, он сделал характерное движение пальцами.

Чех все понял правильно и с немалой сноровкой, что говорило о его большом опыте в подобных делах, стал освобождать пана кастеляна от доспехов и кольчуги, выудив заодно и туго набитый монетами мешочек, который тут же сменил хозяина.

— Вира за обиду, — внятно сказал Арни кастеляну, но тот даже ухом не повел, пристально глядя на Никитина.

— Ты все честно сейчас взял, командор Андреас фон Верт! Но Замостье мое! Я его ордену не отдам никогда! А потому убей, у меня ведь нет сына, мстить некому! Вот и решишь вопрос!

— Убить?! — наигранно потянул Никитин. — Слишком простое решение, я не люблю таких...

— Да что ты говоришь?! — взорвался поляк. — Отца повесил не по обычаю! Если бы просто убил, я бы ничего не сказал, то бой. А ты повесил и замок оттяпал, ведь тогда сила на твоей стороне была. И я, Ярослав Замосцкий, вот уже два десятка лет на одной милости живу! Собаке и той кость кидают, а нам вы даже деревушки одной не выделили, все себе заграбастали. Убивай же, что время тянешь! Или насладиться моей беспомощностью подольше хочешь?! У тебя же мой меч в руках!

— Нет, тебя убивать не стану, — четко выговаривая слова, произнес Андрей, а сам подумал, что угораздило его попасть в чужую шкуру и решать чужие дела.

Не мог он убить этого молодого поляка сейчас, никак не мог, хотя тот бы его не пожалел. А потому мозг лихорадочно искал приемлемый вариант разрешения ситуации.

— Я оставляю жизнь тебе и твоим воинам! В обмен на захваченных вами орденцев! Конрад Сартский должен их выпустить немедленно, с оружием и всем имуществом, препятствий не чиня! Потому что не в бою их взял, а обманом злостным.

— А если пан Сартский их не отпустит?

— Отпустит, ему деваться некуда...

— Ты так считаешь, командор Андреас фон Верт? — язвительно, с нескрываемой издевкой произнес кастелян. — Ты не думаешь, что у пана Сартского на этот счет будет совсем иное мнение?!

— Если он откажет, то...

Андрей задумался, лихорадочно просчитывая ситуацию. Наконец, после минутной паузы, произнес:

— Тогда ты и твои люди, что здесь находятся, должны приехать в Бяла Гуру, и там я буду решать. Целуешь на том крест?

Кастелян надолго задумался и крепко, даже на лбу собрались морщины. Наконец, еще раз пристально взглянув на Никитина, будто опасался от того подвоха, решительно и твердо произнес:

— Хорошо, пусть будет так. Если пан Сартский не отпустит Стефана Зарембу и его людей, то я немедленно приеду к Белой Горе. И ты волен поступать со мной, как желаешь!

Последние слова дались кастеляну с трудом, гримаса ненависти на секунду промелькнула на лице. Поляк запустил руку под ворот и достал массивный серебряный крестик, прижав на секунду его к губам:

— На сем крест целую!

Андрей задумчиво покачал головой — мировоззрение у людей здесь религиозное, будь то

христиане или язычники. И нарушить такую клятву — взять на душу смертельный грех!

«Но мало ли что выдумает пан Сартский, чтоб это обещание своего кастеляна обойти. Кто его знает, но по тому, что про этого магната говорят, можно сказать одно — палец в рот лучше не класть».

И тут Никитина осенило, и он мысленно возликовал: «Хорошо!»

Андрей повернулся к купцу:

— Пан Новак, у вас имеются с собою письменные принадлежности, чернила и бумага?

— Конечно, ваша милость! Купцу без них никак, ведь записи купленного и проданного вести нужно, и счет также.

Чех отвечал обстоятельно, но почтительно, будто и не было между ними вечерней пирушки и дружеского разговора.

— Вас не затруднит немедленно написать грамоту о том, что было решено мною и паном Замосцким? Только все, и поподробнее. А также причины обмена пана на рыцаря Зарембу. Я ее помещу под иконами, как напоминание о данной клятве.

— Под иконами?!

— Зачем вам это, ваша милость?!

Поляк и чех спросили одновременно, с видом безграничного удивления они смотрели на Никитина.

«Так, понятно. Письменные соглашения здесь не в моде, обходятся честным словом или бьют по рукам. А говорить правду нельзя — ведь если пан Сартский взбрыкнет, то его этой бумагой церковь сможет за глотку крепко взять. Лишь бы не сообразили, где здесь собака зарыта. И в ходу ли здесь пословица: что написано пером, то не вырубить топором».

— Не передо мной он клятву дает, а перед Всевышним, потому под иконами держать только нужно!

Андрей ушел от разъяснений, вывернулся, как мокрый обмылок в горячей бане. И чтобы не получить других неудобных вопросов, быстро сказал, помахав в воздухе пальцем:

— Вы пишите, пишите. А мне еще надо много дел завершить, да трактирщика, прохвоста, уму-разуму научить!

Нужно было немедленно найти Велемира, и Никитин в лихом галопе стал оглядывать все амбары, начав со второго от своего недавнего узилища.

Там сейчас, во временном узилище, находился хозяин, разговор с которым он отложил напоследок. Ведь месть — такое блюдо, которое нужно есть только холодным. Тем паче к трактирщику накопилась масса других вопросов.

К его великому удивлению, в амбаре спрятался до смерти испуганный рябой конюх. Андрей едва не рассмеялся во весь голос — парень наверняка видел, какую расправу учинил бывший спецназовец над персоналом постоянного двора.

И пожалел мальчика — не из гуманизма, просто подумал, что убивать без особой нужды лишний грех на душу брать, а ведь здесь еще бабы и малые детишки есть — их всех подряд резать прикажете?!

— Где прячут моего оруженосца?! — грозно спросил он, надвинувшись на трясущегося от страха работника.

— Там, за стенкой, — лязгая зубами от страха, еле вымолвил парень и энергично ткнул пальцем в бревно. А сам чуть ли не свернулся клубком, закрыв руками голову: — Не убивайте меня, ваша милость, я ничего худого не сделал! Помилосердствуйте, ваша милость!

— Живи, только спрячься здесь, пока уляжется, — бросил Андрей и вышел, оставив дверь открытой.

Он не сомневался, что конюх будет сидеть как мышь под веником и ни за какие коврижки носа не высунет, пока чужие не покинут двора.

Не теряя времени, Никитин ворвался в соседний амбар, где у груды набитых мешков обнаружил мирно спящего, но крепко связанного веревками Велемира, одетого, как Адам до грехопадения.

Сын был не один, а в компании еще двоих узников, также хорошо обмотанных веревками, но хоть в одежде. Оба только моргали глазами и делали просящие рожицы. Говорить ничего не могли, так как их рты были заботливо забиты тряпичными кляпами.

— Твою мать! Простынет же парень, не май на дворе!

Андрей полоснул кинжалом по веревкам, освобождая пленников. И занялся сыном — парень дрых беспробудно, и после парочки щедро выданных пощечин он понял, что разбудить Велемира невозможно. Видно, в отличие от него, молодец вдоволь напился сонной отравы.

Никитин рывком поднял юношу и, поднатужившись, взвалив на плечо, дотащил до повозки. Уложил на солому, что была навалена у возничего (им самим предстояло ехать на голых досках), набросил на нагое тело какую-то дерюгу для согрева.

— Хреново, — пробормотал сквозь зубы и сам себе задал вопрос: — Это сколько он спать будет после кувшина «винца»?

Никитин потер лоб — как ни крути, но повозку брать придется, в седло парня не посадишь. «А погоню за нами разом пошлют, это к бабке не ходи. И что делать прикажете в таком случае?»

— Брат-командор, это твой оруженосец? — К Андрею из-за спины подошел Арни. — От погони с повозкой не уйдем!

— Я его не оставлю здесь!

— Я не предлагал этого. Просто с повозкой тащиться будем. Усадить в седло да привязать крепко. В поводу поведем.

— Тело быстро затечет. Пусть пока спит в повозке. Но если погоню обнаружим — тогда в

седло посадим. Ты пока займись им — нехорошо голым быть. Да и одежду надо мне найти, в рвань одет.

— Выполню, — коротко, чисто по-военному ответил чех и пошел в трактир. Андрей сразу понял, что Арни там церемониться не будет, без разговоров отберет самое нужное.

— Ваша милость! Возьмите нас с собой!

На него умоляюще взирали освобожденные узники. Один крепкий, широкоплечий, уже не юноша, а скорее мужик. И кулаки соответствующие — с небольшой кавунчик. А вот второй молодешенек, пуха над губой нет, мальчонка лет пятнадцати. Но взгляд отчаянный.

— Они меня снова поймают, только уже убьют сразу на месте, да еще вдоволь поиздеваются при этом. А я возницей у вас буду, я конями править умею, ваша милость. Меня Чеславом кличут. Кастелян меня поймал и хотел отвезти на панский суд в Старицкий замок. Оттуда мне прямая дорога на лютые пытки к палачу, потом на виселицу в Старице. Беглых холопов пан Завойский завсегда прилюдно вешает, но перед смертью еще долго в подвалах замка мучает!

— С чего ты взял, что я «ваша милость»? — вяло поинтересовался Андрей, уже решив взять с собой освобожденного мужика, что так напористо на него надел с просьбой.

— Так кастелян пана Сартского говорил! Когда вашего оруженосца сюда бросили, он громко сказал своему воину, что вы рыцарь ордена Святого Креста! Так мы и слышали!

Отрицать Андрей ничего не стал, тем паче глупость была бы просто невероятная — орденский плащ краснел на его груди. И повернулся к щуплому, вопросительно посмотрев на того.

— Ваша милость, возьмите и меня с собой, мне теперь совсем худо придется. Здесь меня сживут со света. Я ведь закуп, полным холопом хотят сделать. — Парень умоляюще прижал руки к цыплячьей груди.

— Чеслав, помоги тому орденцу. Да одежду хорошую подбери в хозяйских сундуках. Тебя как звать? — Андрей посмотрел на щуплого.

— Досталеком, ваша милость!

— Займись моим оруженосцем. Повозку нагрузи доспехами и оружием. Здесь арбалеты есть? У хозяина?

— Пара есть, и болты. И воин кастеляна с луком был.

— Найди немедленно! И сухпай какой-нибудь раздобудь, — коротко распорядился Никитин.

— Чего сделать-то, ваша милость? — Паренек растерянно захлопал ресницами. — А где взять этот сухпай?

— Поесть на пятерых в дорогу собери, на три-четыре дня. Что уже на кухне готово и не портится в дороге. Мясо и рыбу копченые, вино, хлеб, сухари, соль. Да, вот еще. У хозяина перец и пряности есть — разыщи и заberi все, ничего не оставляй!

— Все сделаю, ваша милость! — Досталек поклонился и сразу же хлопотал, забегал.

Факела ему не потребовалось — ночная темнота уже отступила, и в серых предрассветных сумерках уже было довольно сносно видно.

Пора было свести счета с пройдохой хозяином. По долгам надо сразу платить, не откладывая в ящик. И Андрей быстро пошел к знакомому амбару.

Обогнул повозку и взялся руками за тяжелый дубовый засов. Поднатужился, ибо Арни загнал его с силой, и вытащил из пазов. Толкнул дверь и был тут же встречен отчаянным воплем:

— Ваша милость! Помилуйте!

В ноги бросился трактирщик, норовя то ли обнять, то ли облизать сапоги, рыдая во весь

голос.

Никитин небрежно его отпихнул, соблюдая осторожность — крыса, загнанная в угол, может сильно покусать. И неизвестно, на самом ли деле так испуган хозяин или лицедействует, подгадывая удобный момент, чтобы вцепиться в глотку. Он бы его зарезал еще полчаса назад без жалости, но сейчас в голове забрезжил новый план.

— Неужто ты думал, мерзавец, что орден не узнает?! Как опоили рыцаря Зарембу здесь и выдали Сартскому!

— Ваша милость! Я маленький человек! Меня принудили, я не мог послушаться пана!

— Теперь я тебя судить буду! Я, Андреас фон Верт, командор ордена Святого Креста!

— Матка Бозка! Вы фон Верт?!

В диком ужасе трактирщик отпрыгнул в угол и стал лихорадочно креститься, словно отгонял от себя наваждение.

Классик на эдакой сцене сразу бы сюжет написал, типа «второго пришествия командора». Все же репутация, пусть чужая, великое дело — сразу уйму проблем решает.

Особенно такая, от которой у собеседника зубы лязгают, как кастаньеты, волосы встают дыбом, а глаза мгновенно превращаются в раchy.

— Замри, пес! А то убью!

От ледяного голоса командора трактирщик в одну секунду потерял голос, даже дышать перестал, только все его тело мелко дрожало от еле сдерживаемого ужаса. И Андрей еще раз убедился, что его «визави» был хорошо известен двадцать лет назад, если одно только его имя могло вогнать в страх не только шельму-трактирщика, но и кастеляна.

— Слушай меня внимательно, повторять не буду! С этого дня ты верой и правдой служишь ордену Святого Креста! Будешь его ушами, со всеми своими потрохами. И обо всем, что против нас будет затеяно, немедленно доносить. Или умрешь!

— Нет, не надо! Я буду верно служить ордену Святого Креста, ваша милость!

«Так, клиент уже дошел до нужной кондиции. Великое дело — репутация. А теперь, раз он духом воспрянул, его надо по-новому с головой в дерьмо окунуть!» — мысленно хмыкнул Никитин и начал говорить ледяным голосом ожившего монстра:

— А за обиду ордену ты сейчас заплатишь полностью, или мой меч, твоя голова с плеч! — Андрей осекся, следовало назвать сумму, а он не знал здешних расценок за такие преступления.

— Ваша милость, я маленький человек! Мне пан Сартский приказал, я не мог послушаться! Он страшный пан, немилосердный. Меня бы замучили, запытали бы насмерть...

— Заткнись!

Никитин навис с грозным видом, и трактирщик тут же замолчал, мелко дрожа и лязгая зубами от страха.

— Триста золотых с тебя, тварь!

— Что?!!

Купец от изумления даже дрожать перестал. Его глаза еще раз чуть ли не вылезли из орбит.

— Это ж сто марок серебром?! Где я такую уйму деньжищ достану? Да весь мой двор столько не стоит, ваша милость!

— Хорошо, — таким медовым голосом проговорил Андрей, что у трактирщика волосы вновь стали дыбом, ибо переход в поведении командора, жестокого в прошлом до жути, был настолько разителен, что от него ничего хорошего ожидать просто невозможно. — Я тогда возьму виру кровью, а этот вертеп сожгу! Чтоб все знали, как наш орден за обиду наказывает! А тебя на кусочки изрублю, чтоб подольше помучился, сволочь!

Андрей медленно поднял длинный меч над головой, а хозяин вскинул руки, будто они могли стать преградой для острой стали, и пронзительно завопил:

— Не надо меня убивать, ваша милость! Пощади, ради господи! Я заплачу! Все заплачу!

— И оружие все отдашь! Мне сказали, что у тебя здесь пять арбалетов и три лука...

— Только три арбалета, ваша милость! — взвыл трактирщик. — А боевых луков отродясь не было. Нельзя их держать, да и...

— Хорошо, — отрезал Андрей, и трактирщик мгновенно заткнулся.

— А теперь слушай меня внимательно. Ты будешь сообщать в Бялу Гуру про всех тех, кто замыслил худое против ордена. Особенно дела своего пана. Знаешь же про них много?! Так ведь?!

Трактирщик энергично закивал головой, как китайский болванчик, коего Андрей заводил ключиком в детстве.

— Сейчас мне все и расскажешь! Но честно, не вздумай врать, ложь я сразу распознаю. Есть у меня один восточный амулет...

«Подпустить тумана неплохо, он сейчас в таком состоянии, что поверит во многое. Но пока я кнутом работал, теперь надобно и кусочек пряника ему дать, чтоб духом воспрянул. А потом снова кнутом огреть, чтоб не расслаблялся, собака».

— К тебе придет мой человек и скажет как бы невзначай: «Здесь продается славянский шкаф?» — Андрей внутри себя хмыкнул. — Ответишь, что давно продан, но через месяц будет другой. Тогда он попросит подождать с продажей на две недели. Понятно?

— Да, ваша милость!

— Если будет что-то срочное сообщить, то отсылай своего человека к Белой Горе, пусть скажет от кого и слова тайные мне передаст: «Слоны идут на юг». Понял?

— Я запомнил, ваша милость, все сделаю!

— Молодец, птица-говорун, отличаешься умом и сообразительностью. А потому сотню злотых виры я тебе прощаю...

Трактирщик выпучил от удивления глаза и непроизвольно, от чудовищного облегчения, выпустил из себя газы.

Андрей усмехнулся, вспомнив изречение Карла Маркса, что ради трехсот процентов прибыли буржуа пойдет на любое преступление. Алчность хороший инструмент, если ее правильно использовать.

— Если будешь служить честно и новости того будут стоить, то каждый год будешь получать по сто злотых. Но только если новости будут действительно важными!

— Да я... Да я... Все сделаю, ваша милость. — Трактирщик только хлопал ртом как рыба, щеки покрылись румянцем. — Пан Сартский такое задумал, он же войной на орден скоро пойдет. Я вам сейчас все расскажу...

— Ты прям как древнерусский богатырь, товарищ майор, — пробормотал под нос Андрей и оглядел себя еще раз.

Его внешний вид сильно преобразился. В сундуках трактирщика нашлась весьма приличная одежда, такая, что и командору ордена надеть ее было не зазорно. Новая, ненадеванная — после вонючей и затхлой рвани она казалась царским облачением.

Кольчуга из мелких колец, содранный с кастанья законный трофей, удобно облегла тело, поверх была нацеплена кираса. Это железо давило на него не меньше, чем привычный в том времени бронежилет.

Вот только насчет защитных функций Никитин сильно сомневался — от касательного удара железная рубашка, может, и защитит, но прямой тык меча или копья окажется для его здоровья фатальным. Как и точное попадание арбалетного болта. Это страшное оружие, недаром церковь его запрещала.

Непонятно только, почему оно здесь распространено, да еще в столь раннее время — на этот вопрос Андрей ответа дать пока не мог, но чувствовал, что в этом мире кое-что, а может и многое, пошло совсем по-иному. Неужели война с мусульманами за освобождение христианских земель резко подстегнула развитие?!

Перевязь с длинным мечом кастанья была закинута через плечо, кольчужный капюшон отодвинут на затылок. Имелся еще шлем, островерший, с кольчужной бармицей и стрелкой, защищавшей нос от поперечных ударов, но Андрей пока отложил его на повозку.

— Брат-командор, что с этим гадом делать? — Арни показал на лежащее возле телег окровавленное тело трактирщика. — Добить прикажете?

Чех дернул рукой, и клинок пополз из ножен. Старый орденец так воспринял молчание командора.

— Отлейте водой, пусть в себя придет, — равнодушно бросил Андрей, вид его был грозен, хотя внутри бушевал хохот.

«Действительно прохиндей и актер хороший. Можно подумать, что его до полусмерти мамаевой ордой излупили и стоя упырей потом истерзала. Если бы я сам не принимал режиссерского участия в этой постановке, то враз поверил бы. А так прямо всплакнуть хочется над невинной жертвой орденского произвола».

Два ведра колодезной воды, щедро вылитые Чеславом и Досталеком на хозяина, привели того в чувство. Трактирщик застонал, завозился в грязи и попытался приподняться.

Вот только это оказалось затруднительным — Никитин предварительно поставил свой новый кожаный сапог тому на грудь и упер острие меча в шею:

— Ну что, тебе глотку перерезать? Или как?

— Я все отдам, ваша милость. Все, что есть! У меня здесь полсотни злотых и серебра на двадцать марок. Больше ничего нет! Все отдам, если жизнь мне даруете!

— Убить бы тебя, да ладно, я добрый сейчас. Будешь жить! Арни! Чеслав! Взяли его за руки и волоките туда, где он деньги спрятал. Да нос расквасьте, если торопиться не будет.

Парни тут же подняли хозяина и поволокли безвольное тело к трактиру. Никитин огляделся, зная, что за ним подглядывает множество любопытствующих глаз.

Во дворе было многолюдно, суетились возницы, суматошно бегали слуги и девки — купеческий обоз спешно готовился покинуть «гостеприимный» постоялый двор.

Андрей усмехнулся — Новак явно не хотел задерживаться здесь лишней минуты, словно чуял неприятности. И тут купец был прав, хотя он сам даже не намекал ему о ночных словах

кастеляна.

Никитин еще раз усмехнулся краешками губ — интуиция великое дело, если есть, и размеренным шагом пошел вслед за своими парнями.

Столы в зале были свободны как от яств и питья, так и от посетителей. Зато сама комната была освещена факелами, да на крайнем столе стоял массивный бронзовый подсвечник с тремя свечами.

За столом сидел купец, торопливо дописывающий лист бумаги гусиным пером. Кастелян лежал на лавке, около него стоял один из чешских воинов.

Второй охранник, суровый видом, с выбритой головой и выкрашенными в синий цвет длинными усами, стоял чуть в стороне, с самым безмятежным видом.

Но на вошедшего Андрея он снова взглянул цепко, взгляд за секунду стал оценивающим, словно вояка прикидывал, как будет с ним драться в очередной раз.

Никитин ответил тем же, но выбритый бодаться глазами не стал, примирительно улыбнулся и сделал шагок в сторону, как бы демонстрируя — «в чужие разборки не вмешиваюсь».

— Ваша милость, я все написал. Прочтите.

Купец с поклоном протянул бумагу. Андрей подошел ближе к свечам и чуть громко не выругался — знакомые буквы кудрявились на листе. Хорошо бы немецкий или польский, тут можно было бы понять, о чем идет речь, но текст был написан по-латыни.

«Капец. Как же я сразу не „въехал“, что латынь здесь международный язык, тем паче письменный. Настоящий командор знать ее обязан, он же и воин, и монах. Но я-то... Надо как-то выкручиваться».

— Прочти на польском, — он протянул бумагу купцу. — Пану Замосцкому будет понятнее.

Сказал равнодушно, но внутри замер в тоскливом ожидании — а ну как кастелян знает латынь?!

Однако поляк латынью явно не владел, а потому промолчал, чуть кривя лицо от сдерживаемой боли.

— «Пан Ярослав Замосцкий, кастелян пана Конрада Сартского, обязуется вместе со своими воинами немедленно отдаться под суд командора ордена Святого Креста Андреаса фон Верта за попытку пленения одного командора в нарушение Закона Божьего. И будет находиться в таком состоянии, пока пан Сартский не отпустит рыцаря ордена Святого Креста Стефана Зарембу, с людьми, оружием и прочим имуществом, коего удерживает в своем замке насильно, в нарушение Божьего Закона, честно и беспрепятственно. В чем клянусь именем Господа Нашего и крест целую». Все, герр командор.

— Зер гут, — коротко ответил Андрей и равнодушно спросил лежащего на лавке кастеляна:

— Поклянетесь выполнять это условие, пан Ярослав? Не нарушите ли крестного целования?

— Нет, — сразу отозвался кастелян и с трудом уселся на лавке. Медленно перекрестился. — Клянусь!

— Тогда подпишите, пан Ярослав!

Внутри Андрея бушевал пожар ликования, но ни одной искорки веселого пламени не выскакивало наружу. Наоборот, голос его был сух и деловит. Не время радоваться, пока на бумаге не остался росчерк чернил.

Замосцкий с трудом положил искалеченную ногу на дубовую скамью. Закусив губу, чтобы не застонать, поляк взял перо в руку и тщательно подписался, выводя кудрявые завитушки. От сдерживаемой боли у него выступили капли пота на лбу.

— А теперь подпишитесь вы, пан Новак, как послух, — попросил Андрей, глядя прямо в

удивленные глаза немца.

Тот помедлил немного, просьба командора ордена была необычной. Но купец не раздумывал долго, а взял гусиное перо в руки и подписался ниже Замосцкого.

— Спасибо, пан, — коротко поблагодарил Андрей и повернулся к усатому воину:

— Можете ли вы тоже подписаться?

— Не умею, — последовал четкий и громкий ответ, а глаза синеусого дерзко блеснули. — Я варяг, и мой покровитель Перун молниерукий!

— Хорошо. Позвольте узнать, как вас зовут?

— Ольгерд из Полоцка!

— Славное имя, — только и сказал Андрей.

Именно его носил легендарный князь, что прибил свой щит на ворота Царьграда и вошел в историю как Вещий Олег. Хотя здесь настолько все изменилось, что нет гарантии, что сей князь воевал с византийцами.

Сверху послышались стоны и оханье, и все присутствующие в зале посмотрели на лестницу, что вела на второй этаж Арни и Чеслав стащили вниз трактирщика и как куль сбросили у стены.

Затем орденец выложил на стол здоровенный мешок, звякнувший металлом, и рядом с ним несколько небольших кожаных мешочков. Из-за пазухи извлек еще один, поменьше, положил отдельно.

— Медь, — Арни ткнул пальцем в мешок. И на маленькие указал: — А тут серебро. Здесь злотые и солиды с динарами. Всего денег на сотню и два десятка злотых ровно. Больше у него здесь нет. Там еще нашли ваши драгоценности и деньги.

На столе оказался знакомый сверток с браслетами и перстнем, а также кошельки, что выудили у них с Велемиром.

Андрей усмехнулся — трактирщик ровно вдвое ухитрился уменьшить сумму наложенного на него выкупа. И это даже с учетом того, что они здесь выгребли пряности, забрали коней, полезные для себя вещи, одежду и оружие.

— Вы взяли малую виру, ваша милость, — негромко сказал купец, — за такие дела на любой земле вам бы его с головой выдали. Мерилом здесь может быть только кровь...

Ни у Новака, ни у синеусого варяга в глазах не было даже проблеска алчности, они совершенно спокойно взирали на груды денег. Охранник даже криво и презрительно усмехнулся, и Андрей понял, что надо как-то выкручиваться, дабы не поползла дурная слава по свету.

Купцы ведь такой народ — скажут где-нибудь, а потом долгонько придется отмываться.

— Холоп не платит кровью первым! Платит его хозяин! Я, Андреас фон Верт, командор ордена Святого Креста, оставляю ему жизнь. Пока не скрещу клинок с тем, кто замыслил преступление против Бога, церкви и ордена. А потому я не стал убивать и его кастеляна.

Андрей с силой вогнал острие меча в пол, ожесточился лицом и глубоко задышал, нагнетая ярость. Ему нужно было хорошо лицедействовать, дабы никто не заподозрил фальши.

— Пан Замосцкий! Передайте это своему хозяину...

— Он мне не хозяин, — гневно вскинулся с лавки поляк.

— Он твой пан и благодетель, — Андрей осадил кастеляна звенящим от гнева голосом. — И я требую от тебя одно — пока обиды ордену не будут смыты, ты не будешь лезть между нами! Не доводи меня до греха — я не желаю тебя убивать! Тем более, тебе нужно прийти в себя, чтобы быть в силах для равного и честного боя. Ровно через год и один день мы можем встретиться на поединке. Выбор оружия теперь за мной! Так?!

— Да, командор фон Верт, — отозвался поляк. — Это справедливо. Вы сегодня дрались,

связанные обетом.

Андрей с силой выдернул меч и с лязгом забросил его в ножны. Подошел к лежащему на полу хозяину и грозно бросил:

— Через два месяца я потребую от тебя полностью заплатить виру! Ты заплатил лишь половину. — А сам чуть не хмыкнул, глядя на посеревшее лицо трактирщика, который снова задрожал как лист на ветру.

«Актер, ну и актер. Натурально играет, будто я на самом деле полторы сотни золотых потребую, те, что полчаса назад ему подарил. Теперь у меня есть здесь агент, и не важно, что двойной, „герцог“, как таких в старину именовали. Зато стучать начнет исправно, как дятел! Никуда он не денется — теперь пан Сартский ему клапан живо перекроет».

Андрей чуть кивнул, попрощавшись таким образом с купцом, и пошел из трактира. Он всей кожей чувствовал, что нужно скорее уносить ноги, встреча со стражниками местного пана, что сюда направлялся, могла закончиться для него фатально. За ним устремился Арни, положив руку на рукоять меча, и сгибающийся под тяжестью монет Чеслав...

— Вы хоть понимаете, с кем вы едете? И куда?! Нас преследовать долго будут и очень жаждать нашей смерти! Мучительной смерти! Подумайте хорошо, хлопцы!

Андрей решил дать возможность освобожденным пленникам тихо уйти от орденцев. Но не тут-то было — оба парня встали перед ним на колени, а Чеслав громко сказал, глядя прямо в лицо:

— Ваша милость, лучше умереть под знаменами крестоносцев в битве, чем быть запоротым насмерть. Я попадать в их руки больше не намерен. Желаю дать присягу ордену Святого Креста, буду честно ему служить, не щадя живота своего! До смерти!

— Добрый воин будет, брат-командор. — Стоявший рядом с Никитиным Арни одобрительно крикнул и добавил негромко: — А драться я их научу!

— Хорошо, парни, вы свой выбор сделали, — решил Андрей и спросил: — Оружие и арбалеты загрузили?

— Да, все собрали. В тайнике у хозяина рыцарский меч был спрятан, как вы и сказали нам, ваша милость! Повозку уже загрузили, снеди разной взяли с избытком.

Досталек поклонился и замер, ожидая распоряжений. Андрей ничего не сказал в ответ, только осмотрелся еще раз. Повозка, запряженная парой крепких лошадок, да пять верховых коней под седлами.

Как только Велемир очухается, дальше пойдут верхами. Вроде все сделано как надо, нужно уходить, а то, не ровен час, сам пан Сартский нагрянет.

— По коням! — скомандовал Никитин и с некоторой неловкостью, от тяжести давящего на тело железа, уселся на коня. Арни и Чеслав тут же оказались в седлах, а Досталек тронул повозку, лихо щелкнув кнутом. Миновав ворота усадьбы, маленький отряд выехал на тракт...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«ИСПЫТАЙ, ЗАВЛАДЕВ ЕЩЕ ТЕПЛЫМ МЕЧОМ»

— Купец видел командора?! — не столько спросил, а скорее утверждающе произнес пан Сартский, хлопнув латной перчаткой по столу. Дубовые доски под ударом чуть скрипнули, будто ощутили боль.

Пан был высок ростом, широк в плечах и красив той зрелой статью, что достигают мужчины к сорока годам, проведя свою жизнь в походах и лишениях, закаляющих тело и характер.

На нем была только кольчуга, капюшон которой был откинут с русых длинных волос, красиво обрамляющих голову. Вот только взгляд портил впечатление — хищный, с отблесками жестокости и свирепой необузданности, своевольства, столь привычного всем приграничным магнатам.

Такую властную знать соседствующие с поляками немцы называли баронами и графами, вот только эти титулы не прижились в Польше. За исключением князей, что с герцогами вровень стояли...

— Да, ваша милость, — с трудом выговорил кастелян, которому лекарь кое-как «отремонтировал» ногу, соорудив лубок.

Пана Замосцкого мутило, по лбу текли капельки пота.

— Видел? — задумчиво протянул сквозь зубы Конрад Сартский, по лицу пробежала злая гримаса. — Ну, так рассказывать ему будет некому! Зденек!

— Да, ваша милость!

Высокий широкоплечий воин с обезображенным шрамами лицом шагнул вперед, лязгнув пластинами доспеха.

— Возьми два десятка. Догони купца, и...

Сартский не договорил, но эта пауза была зловещей. И магнат с жестокой улыбкой добавил:

— На дорогах разбойники всякие дела свои гнусные творят! Распустили их орденцы, чтоб их! Так что, Зденек, ты уж отыщи их да повесь в наказание за татьбу, что купца с обозниками жизни лишила.

— Я понял, ваша милость! Непременно найду и вздерну!

Воин почтительно поклонился пану и тяжелым шагом вышел из трактира. Даже сквозь тяжелую дубовую дверь донесся его зычный и повелительный голос, отдающий команды.

— Я крестоцеловальную грамоту фон Верту подписал... Что в Бяло Гуру приеду, если вы, ваша милость...

Кастелян говорил тихо, еле выговаривая слова. Но от этого шепота пана Сартского чуть не подбросило на месте:

— Что я должен сделать, пан Ярослав?! Что потребовал этот орденский злыдень, чтоб его громом шарахнуло?!

— Отпустить Стефана Зарембу с людьми, конями и оружием...

— Что?! Ты сказал ему об этом?!

Глаза Сартского метнули молнии, а широкая ладонь непроизвольно ухватила рукоять меча.

— Он сам знал о том. Для того и пришел сюда из Запретных земель...

— Что?!!

— Он все знает, ваша милость...

Кастелян еле проговорил последние слова и обмяк, потеряв сознание. Его силы и воля, державшие уже несколько часов боль, ослабели. Но крепок кастелян — это пан Сартский давно знал, и сейчас получил еще одно явственное подтверждение.

— Отпустить Зарембу?! — с угрозой прошептал магнат и скривился, будто уксуса хватанул. Прошелся по залу, размышляя вслух и не обращая внимания на лекаря и старого слугу, что служил еще отцу, а его самого пестовал да учил воинскому делу. Свои люди, проверенные.

— Подумаешь, что-то пообещал этому клятому орденцу. Обещанного три года ждут, — пан ухмыльнулся, — и напрасно...

— Ваша милость!

Дверь открылась, и молодой воин вволок вовнутрь трактирщика, в изорванной одежде, изморожденного, с заплывшими от побоев глазами и еле державшегося на ногах.

— Кто тебя так разделал?

Магнат ухмыльнулся, с интересом разглядывая своего доверенного человека, оказавшего немало значимых услуг. Верен, как пес — если орденцы пронюхают про его дела, то не избыют, а в клочья раздерут.

— Командор фон Верт, — еле прошепелявил хозяин и непритворно, из самой глубины души, жалобно зачастил: — Полторы сотни золотых выгреб, пся крев!!! Разве он не тать?! Разорил, как есть разорил. Двух коней забрал, три арбалета! Одного перца да восточных специй по весу на три золотых взял. Двух холопов прямо со двора увел, курва мац! Да сукна красного штуку разыскали, и бронь на продажу хотел пустить, и ту нашли и унесли. И все этот орденец проделал, что здесь своего командора дожидался...

— Еще один орденец?! Час от часу не легче, — Сартский грязно выругался. — Откуда он взялся?

— С купеческим караваном прибыл. И воина пана кастеляна зарубил! Арни его звать!

— Не с этим ли купцом Новаком?!

— С ним, ваша милость! — угодливо склонился перед властелином трактирщик и притворно, но убедительно застонал, поглаживая свои бока.

— И этот Арни с командором уехал?

— Да, ваша милость.

— А с ними еще кто?

— Два холопа моих и Велемир, воин пана Бужовского. Этот парень с командором сюда и приехали, они убили Хромого и лучника. Я узнал их доспехи и коней.

— Что?!!

От яростного крика Сартского, взревевшего медведем, все находившиеся в зале пригнулись, а кастелян пришел в сознание.

— Они все заедино! Командор, Бужовский, давний доброжелатель ордена и мой ярый вражина, и этот купец!

— Купец ни при чем, ваша милость, — с лавки послышался слабый голос Замосцкого. — Он хотел Арни остановить, но тот его не послушался. Я все слышал, хотя с командором дрался. Тот меня оглоблей по ногам...

Кастелян скривился от боли, лицо сморщилось, как у новорожденного. Но стон сдержал и тихо промолвил:

— Клятву ту его помните, ваша милость?

— Помню, Ярослав, помню. Такое не забывают.

— Хромой сам на фон Верта напал...

— Неважно! Он убил моих людей, а купец его соучастник.

— Новак только грамоту крестоцеловальную написал... И подписался, как послух, когда фон Верт приказал.

— Что?! Он подписался под грамотой?! Где она?!!

— Командор с собой увез, ваша милость, — угодливо согнулся трактирщик, не забыв притворно охнуть. — Сказал, что под иконами хранить будет, в орденой церкви.

— В Лиенце, у самого папы?!!

Сартский вскрикнул и тут же смертельно побледнел, в мгновение лишился сил, тяжело опустившись на лавку.

— Так вот оно что получается, — только и вымолвил магнат, и его губы выдавили едкую улыбку. А затем беззвучно зашептали: — Под иконами, значит... А если с Новаком что-нибудь случится в дороге, то фон Верт обвинит меня в этом сразу, имея на руках такую бумагу. Он все и подстроил, а я, не подумав, чуть-чуть в этот поставленный капкан не залез. Пока у него на руках этот лист, трогать Новака нельзя, ни в коем случае. Ах ты...

Все находящиеся в зале притихли, пытаясь разобрать тихий шепот, вот только расслышать ничего не смогли. А пан Сартский неожиданно поднялся с лавки, и его голос вновь загредел в зале:

— Зденека ко мне и Ярека. Немедленно!

Отдав приказ, магнат подошел к трактирщику и покровительственно хлопнул его по плечу. От сильного шлепка тот чуть ли не осел на пол, но сложил губы в умиленно-покорной улыбке.

— Полторы сотни потерял? Ничего, ты у меня ушлый, свое вернешь. В этом году свою пятину можешь не платить, да на шашни твои глаза закрою, — пан говорил добродушно, вот только голос не вязался с его цепким взглядом, которым он ощупывал хозяина трактира. — И смотри у меня, да татей предупреди! Без лихоимства и душегубства делишки вершите, а то развешаю на деревьях!

— Ваша милость! Да что вы такое говорите?! — сложив руки на груди, умоляюще залопотал трактирщик. — Какое лихоимство и душегубство?! Вот вам истинный крест, я такими делами не занимался никогда, даже в мыслях такого и близко не было...

— Ври больше, — отрезал магнат и усмехнулся. — Такое про тебя говорят последнее время. За меня спрятаться хочешь?!

— Что вы, ваша милость!

— Ладно. Вели стол накрывать, с ночи в дороге. — Сартский повернулся к вошедшим в зал воинам: — Зденек! Ты поедешь сейчас за купцом. Но не трогай и другим не давай. Ты меня понял?

— Понял, ваша милость, — воин недоуменно посмотрел на сюзерена, но сильного удивления не выказывал. Пан иной раз резко менял свое мнение и отдавал совсем другие приказы, чем раньше.

— Ты только ему дорогу затяни, Зденек. Людей наперед отправь, пусть мостик через Быстрянку разберут. Пока к броду пойдет, а там в обход, пара дней лишних набегит. Доведешь до самого Кракова, отметишься там, пусть все знают, чьи воины обоз сопровождали. И жди приказа.

— Какого, ваша милость?

— Если в пути получишь мой перстень, вот этот, — Сартский снял перчатку, на пальце сверкнул кровавой каплей большой рубин, — то делай то, что я раньше велел — купец в Краков не должен попасть в этом случае.

— Да, ваша милость, — воин поклонился. — Он туда не попадет!

— Тогда езжай, догоняй купца. А ты, Ярек, отправь загоны по всем дорогам — нужно найти и поймать фон Верта. Далеко со своей повозкой он вряд ли уйдет. Но хитер, а потому перекрой все дороги, особенно те, что к орденой селам или к Бужовскому ведут!

— Сделаем, ваша милость, — крепыш лет двадцати без угодливости поклонился и тут же

выпрямился. Хоть и молод еще, но уже опытный воин. — Людей только с нами мало.

— К вечеру всех соберем. Отправь гонца к пану Завойскому, пусть присоединяется, ему же прямая выгода, раз он на эти села глаз положил. И вот еще — в загонах пусть по десятку воинов будет, но самых опытных.

— Это на двоих орденцев?

Усмешки или удивления в голосе Ярека не чувствовалось совершенно, только одна холодная деловитость.

— Нет, пусть будет дюжина, никак не меньше. — Пан Сартский гневно сверкнул глазами, рука крепко вцепилась в рукоять рыцарского меча. И тихо добавил, скривив в оскале губы: — Этот командор десятка воинов стоит, как говорят. Да и сноровки своей не растерял, вон, пану Замосцкому ногу сломал и двух воев убил, одного покалечил. А с ним еще орденец с шляхтичем Бужовского, а те тоже драться умеют. Нет, меньше дюжины в отрядах быть не должно — я не желаю понапрасну терять своих воинов. И всем скажи — охота не на лису пойдет, а на матерого волка!

— Надо ехать подгорьем, ваша милость, иначе догонят. Там есть отворот с тракта, к вечеру уйдем из владений пана. — Чеслав, освобожденный в трактире пленник, выглядел несколько обеспокоенно.

Никитин и сам прекрасно понимал, что нужно уходить немедленно и сделать большой крюк в сторону, чтобы сбросить возможную погоню с «хвоста». Но что представляет собой искомое для них Бяло Гуру, он не знал и спросил об этом освобожденного им в трактире холопа. И парень охотно начал свой рассказ...

Андрей слушал, мотал на ус да оглядывался по сторонам. Чеслав все рассказывал и рассказывал, а за ними бодро катилась повозка, влекомая парой сытых и крепких коней и управляемая Досталеком.

Арни ехал в авангарде — матерый воин прекрасно знал дорогу, а потому стал проводником. Да и надежды на него было больше всего — такой профессионал всегда впереди нужен, чтоб в засаду по дурости не угодить. Все заметит, опыт тут самое главное.

После полудня они свернули с тракта и погнали повозку к показавшимся вдали отрогам высокого хребта. Туда было необходимо доехать как можно быстрее — именно в горах Никитин надеялся укрыться от воинов пана Сартского, которые, вне всякого сомнения, начали самый интенсивный розыск орденцев и ушедших с ними беглых холопов.

«Хотя насчет последних я, возможно, крепко ошибаюсь — они не та для пана Сартского дичь, чтоб на нее охотиться, когда рядом „красный зверь“ своей собственной персоной. А что погоня налажена будет — тут к бабке не ходи. Утречком магнат нагрянет и получит целый ворох „приятных“ новостей. Ему пара часов потребуется, никак не больше, чтобы собрать воинов и разослать их заставами на все дороги и торные тропы. Вряд ли караулы будут большие, десяток воинов для поимки меня, Арни и Велемира достаточно. Чеслава и Досталека даже в расчет принимать не будут — вчерашние холопы бойцами в одночасье не станут. Плохо, что сын пока еще спит из-за этой снотворной дряни, что и меня чуть не свалила, — и боец временно отсутствует, и повозка как гиря на ногах у хромого».

Они старательно запутывали «следы», потому ехали столь долго в сторону, а теперь повернули, сделав большую петлю. Любая погоня будет тщательно искать их именно на границе с Запретными землями.

Как только Велемир придет в сознание, то повозку сразу надо будет бросать и быстро уходить на конях через пологие хребты к заветному Белогорью. А оттуда их никто из панов не выковырнет.

Андрей решил сделать короткий привал у большой дубовой рощи, рядом с которой приветливо журчал родник. Досталек быстро расседлал коней и обтер их травой, а Чеслав стал готовить обед.

Хотя никакой готовки не было и в помине — разводить огонь было бы с их стороны сплошным безумием. Бывший холоп просто накромсал ножом большие куски хлеба и вареного мяса, вывалил горку отварного пшена на блюдо, что поставил на постеленную чистую холстину, в самом конце добавил несколько крупных головок чеснока и лука и выставил небольшую кожаную флягу с вином.

Обедали они торопливо, мелкий осенний дождик не стал помехой, наоборот, нес определенную пользу — их следы потихоньку замывались от глаз панских следопытов. Не успели съесть половину харчей, как Велемир, наконец, соизволил проснуться.

Вначале юноша стал чуть стонать, а потом сразу уселся на попоне, сжимая ладонями виски

— головная боль от треклятого «ведьминого одуванчика» была очень сильной, Никитин уже по себе знал, отходняк был будь здоров, как с сильного перепою. Потом Велемир с большим удивлением огляделся кругом — он явно не понимал, где находится.

— Да будя тебе, давай в себя приходи скорее!

Андрей немедленно подошел к парню и напоил вином. Потом присел рядом и, обняв того за плечи, стал рассказывать о ночных событиях в трактире, где они оба стали жертвой отравы хитроумного трактирщика. Ну, и о дальнейших событиях, что произошли в качестве отмщения за столь пакостливое гостеприимство.

Надо отдать должное Велемиру — тот переборол боль и очень внимательно выслушал Андрея, не задавая ему никаких вопросов. Единственное, что сделал Велемир, так только то, что, уяснив ситуацию, просто поблагодарил за спасение, поцеловав руку отца.

Андрея этот поцелуй уже не шокировал, что делать, если со своим уставом в чужой монастырь не ходят. А здесь такое поведение и знаки уважения к родителям не только общеприняты, но и обязательны. Тем более, если отец наполовину священником стал.

Через четверть часа отряд снова выступил в поход, оставив повозку в дубовой роще, а лишнее оружие и доспехи навьючив на запасных коней.

Теперь они торопились укрыться в горах и вовсю понукали своих лошадей. Не прошло и двух часов, как всадники достигли заветных предгорий, и здесь Андрей решил сделать очередной кратковременный привал.

Планы были нарушены легким прикосновением руки сына, который молча показал отцу жестом руки — «мол, оглянись назад».

Никитин повернулся в седле и сразу негромко помянул шлюхину мать — их преследовали несколько всадников. До них пока было еще довольно далековато — версты три-четыре, чуть видимые точки силуэтов.

Их настигала погоня, причем шли всадники очень быстро — полчаса назад никого не виднелось за спиной. А это было для них очень плохо, значит, у преследователей свежие кони. Да, быстро реагирует магнат, рассказали ему о командоре ордена, который ноги переломал его кастеляну.

И тут Никитина пробил холодный пот — он неожиданно понял, что охота на него начнется самая серьезная.

А причина здесь проста, лежит на поверхности — он, самозвано принявший звание командора ордена Святого Креста, стал нешуточной угрозой не только польским магнатам, но и тем могущественным силам, что стояли за их спиной, попытались погубить орден. И почти добились этой цели.

Орден уже агонизирует, а тут появляется из небытия, после длительной пятнадцатилетней отлучки, некий командор фон Верт, который имеет право принимать в орден скопом всех беглых смердов, закупов и холопов. И хозяевам не вернет ни за какие коврижки. В ордене, как на казачьем Дону, обратно «выдачи нет».

Тут любой пан сразу зачешется и за данным командором охоту устроит, как за вожделенной добычей. И бояться ничего не будет — орден сейчас полностью обессилен...

— Шибко идут, — негромко произнес Велемир, внимательно вглядываясь в туманную дымку, — их много.

— С десятков, может, на пару больше, — отозвался Арни совершенно спокойным голосом. И обернулся к Никитину: — У них еще свежие кони, потому скоро нас догонят, быстрее, чем вечер наступит. Уйти никак не успеем до ночи. Что нам теперь делать, брат-командор?

Оба воина вопросительно посмотрели на командора ордена, блюдя субординацию, но желая узнать его мнение.

Андрей быстро прокручивал в голове различные варианты боя, ему было уже ясно, что вскорости последует столкновение.

Если драка неизбежна, то лучше начинать ее на своих условиях и на выбранном месте. Значит, надо присмотреть это место для боя — и Никитин начал внимательно рассматривать пологий хребет, наполовину поросший деревьями и кустарниками. И нашел искомую позицию буквально в сотне метров от себя, чуть выше:

— Видите эти валуны? Между ними и деревьями с десятков саженей, и погоню надо направить туда, — а сам стал обдумывать план.

«Мы за теми камнями устроим им встречу — у нас арбалеты и лук, из которых мы всю погоню в упор перещелкаем. Вот только как сделать, чтоб они туда поскакали?»

Орденец с Велемиром молчали, внимательно оглядывая выбранную позицию. Андрей решил их не «грузить» дальше, а принять, как говорили раньше, «командование на себя».

— Мы втроем в засаду там сядем, — Арни на этих словах с нескрываемым уважением посмотрел на Никитина. — А эти двое пусть по склону выше скажут и ведут за собой в поводу наших коней. А в седла «куклы» посадим, вдали их за людей принять можно. Заводную лошадь надо убить и выше валунов оставить, будто ее загнали и бросили. Уверен, они немедленно пойдут за нами сразу, след в след, а мы их там за валунами встретим, спокойно перестреляем из засады. А на захваченных у врагов лошадях мы своих парней довольно быстро догоним. Да и хорошим оружием малость разживемся, в Белогорье на него сейчас большой спрос. И кровушки пану Сартскому попортим, чтоб нас боялся и с должным уважением относился...

Андрей привычно прикинул шансы, которые, на его взгляд, были достаточно велики, и начал быстро распоряжаться.

«Куклы» изготовили из свернутого войлока, попон и одежды, намертво прикрепив к седлам веревками. Велемир отвел за дальние валуны запасную лошадь, навьюченную доспехами, оружием и шлемом кастеляна, и там проткнул ее горло своим мечом. Бросив лошадь умирать, юноша быстро пошел обратно, к валунам.

Никитин только хмыкнул, глядя на столь безжалостную расправу. Лошадку ему было жалко — это люди режут друг друга без малейшего сожаления, а вот бессловесную скотину за что убивать-то? Но эту секундную жалость он тут же изгнал из души — не в его положении таким эмоциям предаваться, не о коне горевать нужно, а свою и четыре другие шкуры спасти надобно.

Затем, по его приказу, бывшие холопы запрыгнули в седла и, держа коней с «куклами» в поводу, пошли по пологому горному склону. А трое воинов, недавних беглецов, превратившись сейчас в охотников, сразу поспешили занять боевую позицию, прячась за валунами и деревьями, ведь преследовавшие их всадники были уже неподалеку...

Андрей посмотрел в сторону Чеслава и Досталека — силуэты пяти всадников были уже еле различимы в заходящем свете солнца. Он только тихо взмолился, ведь незатейливый их обман мог сработать.

Бедный заводной коняга уже не дергался, жаль его, конечно, но иначе было нельзя. А так живописная картина бегства отряда стала очень даже правдоподобной — загнанных лошадей всегда бросают.

Никитин был полностью спокоен, настроился на бой, целый арсенал из четырех заряженных арбалетов лежал у него под рукой. Но главная надежда была на пару клееных боевых луков, что держали умелые руки Арни и Велемира.

Орденец должен был ударить с фланга, когда погоня остановится перед преградой, а за соседним валуном скрывался Велемир, с задачей бить врагов в спину.

Сейчас для них уже каждый бой мог стать последним, слишком неравны силы — на их

поиски Сартский мог бросить целую сотню воинов, а то и две. Так что дюжина врагов никакой роли просто не могла играть для него в таком раскладе. Но вот для них самих дело обстояло совсем иначе — каждый бой, одна случайная стычка могли стать для всех последними. Силы просто несравнимые...

В узкую расщелину между камнями, заросшую густым кустом, Никитин хорошо разглядел погоню — Арни был стопроцентно прав по поводу дюжины всадников.

Преследователи скакали быстро, до них оставалась едва какая-то сотня метров. Сквозь топот копыт неожиданно разнесся радостный крик, и Андрею стало ясно, что их хитрая уловка с «загнанным» конем и «пятью» удирающими в страхе беглецами полностью сработала, судя по яростным воплям лихих кавалеристов.

Они явно хорошо разглядели «наживку», и теперь их обуяла жажда догнать свои жертвы.

Андрей чуть развернулся и приложил приклад арбалета к плечу — стрелять предстояло не только в упор, но главным образом в спину проезжающим мимо него всадникам.

Первый верховой пронесся мимо и тут же осадил коня — тропинка была перегорожена наспех срубленным деревцом, которое откинуть в сторону дело десяти секунд. Вслед за ним проскочило еще двое — и до валунов донеслись жуткие польские ругательства.

Никитин на них не обратил никакого внимания, он уже работал, поймав в «прицел» арбалета врага. Палец плавно потянул крюк, спустив тетиву стального лука.

Промех с такой дистанции для него был просто невозможен — тяжелый болт пробил седока насквозь и швырнул того на землю.

Андрей молниеносно схватил второй арбалет, и через какую-то секунду еще один попавший в засаду противник был напрочь выбит смертоносным ударом болта из своего седла.

И понеслось — яростные крики и хриплые стоны умирающих людей заполонили пригорок, сжимаемый сверху валунами, а снизу деревьями. Двум другим преследователям также не повезло, хотя один соскочил с лошади и успел вырвать меч из ножен.

Никитин расстрелял их как на стрельбище, хладнокровно, истратив на каждого по одному болту.

Оглянулся по сторонам — Арни уже стоял на ногах, выпуская стрелу за стрелой в бешеном темпе, только тетива грозно щелкала.

И точно — к четверем убитым самим Андреем орденец еще добавил столько же и сейчас занялся пятым. Тот, шатаясь, бежал вниз, к спасительным для него деревьям. То ли умный — вовремя понял, что попал в засаду, из которой не вырваться, то ли трусливый, решивший, что спасти свою шкуру важнее, чем попытаться броситься с мечом на врага.

Но далеко уйти от места бойни ему не удалось. Рядом щелкнула тетива, и в спине беглеца появилась стрела, пробившая тело насквозь и швырнувшая несчастного в густой куст.

— Да бей же его, Велемир! Уйдет!

Андрей резко обернулся — так и есть, один из воинов успел развернуть коня и, отчаянно нахлестывая, понесся назад. Сын не оплошал — двух он застрелил влет, насквозь прошив жертвы. Теперь стрелял в беглеца, и неудачно. Вернее, неточно, ведь две стрелы попали в цель — одна торчала из конского крупа, а другая из бедра всадника.

Рядом щелкнула тетива, следом выпустил свою стрелу Велемир — всадник мешком свалился с раненого коня, который безумным отчаянным рывком ушел за деревья.

Андрей облегченно выдохнул — никому из погони уйти живым не удалось. Радость имелаась, но вот ликование в душе отсутствовало — то был не бой, а бойня.

Все кончено за какую-то минуту — стрельба в упор по беспечному противнику не потребовала много времени. Жалко только, что «языка» не взяли — Никитин решил не рисковать, ведь у противника тоже могли иметься луки или арбалеты.

Мысль об оружии пришла в его голову кстати — требовалось собрать трофеи. Андрей перезарядил арбалет и осторожно вышел из-за валуна — мало ли что, может, один из сраженных преследователей в «жмурика» только играет, а на самом деле только и ждет, чтоб к нему поближе подошли.

Впрочем, орденец с Велемиром шли между убитых так же сторожко — тут ученого учить не нужно, воины прекрасно понимали, что такое военная хитрость, и нарываться не желали. А потому добивали любого, кто вызывал у них подозрение.

Они внимательно осмотрели сраженных противников — девять из них были застрелены сразу на месте, а десятый хрипло стонал, находясь в бессознательном состоянии, изо рта шла кровь. Юноша задумчиво посмотрел на смертельно раненого воина — одна стрела пробила тому горло, а вторая насквозь проткнула легкое:

— Говорить он вряд ли сможет, а потому...

Андрей огорченно махнул рукой, поняв некоторое затруднение парня. Только кивнул головой, молчаливо соглашаясь с невысказанным предложением юноши.

Велемир ухмыльнулся и, вытянув из ножен кинжал, хладнокровно добил противника.

— Те тоже убиты. — Подошедший к ним Арни небрежно бросил на землю два меча в потертых ножнах.

— Остальное забирать не стал, то не воины, а так, сплошное недоразумение, вчерашние холопы. Кожаный доспех, мечишки плохенькие, кузнецом за день деланные. Сапоги худые, горсть меди на грош. Потому и в бой не полезли, а бежать вздумали.

Таких воев Андрей насчитал еще шестерых, зато четверо других были экипированы не в пример лучше.

Трое оказались конными стрелками — наемниками пана Сартского. И экипированы поприличнее — кольчужные «штаны» с «рубашкой», последняя с капюшоном.

Поверху, прикрывая грудь, шла железная пластина, служащая дополнительной защитой. Довершал облачение железный шлем, отдаленно похожий на маленькую кастрюльку с кольчужной бармицей, оставляющий лицо открытым. И вооружены солидно — арбалеты с полусотней болтов, кривые мечи-сакрамаксы, кинжалы, у одного еще палица.

Все они были убиты в спину в числе первых, двое болтами, один стрелой. А потому вышло очень удачно, использовать свои арбалеты враги просто не успели.

Четвертого «окольчуженного» Велемир опознал сразу — погибший был младшим оруженосцем самого пана Сартского. Андрей незаметно вздохнул с нескрываемым облегчением — в глубине души он опасался, что под «раздачу» попали случайные воины.

«Мало ли какие ошибки бывают, может, погнались за другими, а попали на нас. Такое на войне сплошь и рядом бывает».

И чуть не засмеялся над собственными страхами — только на них с Арни были надеты красные орденские плащи, не узнать которые любой шляхтич просто не мог, даже находясь в глубоком запое.

— Я не хотел ему доспех попортить, уж больно хороший!

Арни застрелил оруженосца мастерски — стрела попала тому точно в глаз. Снаряжен тот был как давешний кастелян — кольчуга с кирасой. Но даже такой вот, не совсем полный рыцарский доспех, без наколенников, набедренников и наручников, являлся очень надежной защитой.

И здесь его носили не только оруженосцы, но и большинство рыцарей. Не у всех же кошело были серебром набиты, вот и сэкономили... На собственной крови и жизни...

— Застрелил, тогда и забирай, — согласился с ним Никитин. Лицо Арни моментально вспыхнуло от радости.

Вдвоем с Велемиром они быстро разоблачили убитого, показав немалую сноровку, видимо, опыт в этом деле был изрядным, особенно у орденца.

Лошадей поймали только семерых, остальные, несмотря на все их усилия, ускакали. И теперь орденцам можно было уже никуда не торопиться и потихоньку выючить на оставшихся трофейных коней захваченное у врага оружие и доспехи.

Андрей не пожелал оставлять ничего, надеясь, что найдется, где все это добро применить. Военная добыча была богатой. Кроме арбалетов у убитых воинов были мечи, секира, кистени и кинжалы, кольчуги, а также различная снедь и плотно набитые медью кошельки.

Вскоре Досталек с Чеславом с невыразимым восхищением смотрели на прибыток. Однако Никитин все эти щенячьи восторги быстро унял и приказал парням с Велемиром побыстрее экипироваться в трофеи, позаимствованные у стрелков. Кольчуга ведь намного лучше кожи с нашитыми поверху железными пластинами.

«Ну что ж, удачный вечерок, погоню с „хвоста“ скинули, арбалетами и оружием разжились, теперь можно, как в старину на Кавказе джигиты местные делали — в горы уходить!»

— Не могу я сейчас надеть орденский плащ, — жалобный шепот Велемира ворвался в сон, и Андрей открыл глаза.

Было темно, а значит, до рассвета еще далеко. Отблески пламени освещали озабоченные лица Досталека и сына, что разговаривали между собой.

И время от времени парни перемешивали шкварчащую перловую кашу, что поспевала на завтрак. «Шрапнель» требует долгого приготовления, и чем больше в котле томится, тем лучше становится.

«Ну а если поторопиться, то заполучишь то, что в армии „резиной“ метко именуют».

— Я присягал барону Бужовскому, а от присяги меня только он может освободить. Я бы с большой радостью пошел служить в орден, но две присяги давать нельзя...

— Извини меня, Велемир, ты тут не прав. Я слышал, что любой священник запросто может освободить от принятой присяги свободного простолюдина или шляхтича, если тот пожелал вступить в орден Святого Креста и не имел долгов перед своим паном. На то была даже папская булла! Ты должен пану Бужовскому оружие, деньги, коня или ценности или выполняешь сейчас какое-нибудь его явное или тайное поручение?

— Я ничего ему сейчас не должен, — конь, оружие и доспех являются моими собственными. Жалованье я не получал еще, а срок службы в пограничье для меня уже закончился. Сам я, хоть и незаконнорожденный сын, но все же законного шляхетского достоинства, а не простолюдин и не принадлежу к податным сословиям.

В голосе Велемира просквозила затаенная глухая боль, парень за эти часы сильно изменился. Андрей напрягся, переборов накатывающий на него сон. Но тут заговорил Досталека, словно почувствовавший то, что терзает душу его напарника:

— Твой отец пока не признал тебя сыном? Да? Поэтому ты терзаешься? А ты не думал, что сейчас это невозможно. Он должен сделать это в присутствии трех шляхтичей и священника. А как отнесется к такому шагу церковь? Может, такое для командоров ордена запрещено настрого? Или на него целибат возложили?

— Целибата нет, это точно. Убедился недавно. А вот насчет других запретов не знаю. Если они существуют, то тогда мне надеяться нечего...

Велемир вздохнул, а Андрей усмехнулся.

«И кто ж Велемира за язык тянет. Или просто догадливые такие?! Но что делать прикажете, когда моя собственная судьба и так на веревочке повисла. А тут чуть ли не за святого или героя принимать начали. Эх, ребята, мне бы ваши заботы!»

Он усмехнулся и, плюнув на размышления и страдания, решил добрать остаток сна, благо на час с лишним его осталось. Однако не вышло — из темноты появился Арни, бросив у костра охапку хвороста. Присел рядом с парнями и тихо спросил Досталека:

— Откуда ты и что делал?

— Я из Словакии, мы беженцы, ушли оттуда всей семьей три года назад, мне уже тринадцать лет к тому времени исполнилось. Отец мой в златокузнечной гильдии был мастером. Два года назад он умер, и меня вышвырнули из цеха златокузнецов, так как отца взяли здесь в Плонске не мастером, а обычным подмастерьем. Они выведали секрет эмали и сразу меня вышвырнули. А у матери долги отца да трое братьев и сестра на руках, вот и отдали меня закупом — а обратно-то никогда им меня и не выкупить-то.

Досталека горестно вздохнул, а в голосе зазвучала ненависть:

— Вечным холопом трактирщика сделали — и все, теперь я никто, так, огрызок яблока.

Голос Досталека снова стал печальным, парень будто глотал слезы. Эта ночная исповедь у еле мерцающих углей костра так тронула огрубевшую душу Андрея, что он окончательно проснулся:

— Не бойсь, парень. Орденский плащ тебя надежно укроет, под ним позабудешь свое холопство.

— А когда?

— Когда брат-командор решит! В его воле тебя хоть завтра принять или восвояси отправить на все четыре стороны, — в голосе Арни звякнуло железо. — И запомни накрепко. Я двенадцать лет ордену отслужил, а потому полноправный «брат», хоть и «служкой» являюсь. А для тебя все эти годы каждый орденский рыцарь или оруженосец «вашей милостью» будет. Таковы правила. Служи честно, парень, тем паче теперь все по-другому пойдет. Потому-то я вчера в орден обратно вернулся.

— Тебе купец плохо платил?

— Дурак ты! Купцы любому орденцу платят вдвое больше, чем обычному вою. Потому что для нас честь дороже. У сестры мужика убили, вот я их всех и содержал эти три года, потому из ордена и ушел. А сейчас вернулся, благо денег скопил, им года на три хватит. А там...

— Что?

— Любопытен ты больно, Досталек. Но отвечу. Я все годы надежду питал, что оруженосцем стану. Шпоры и цепь серебряные получу. И хоть понимал, что напрасны мои мечтания, но служил честно.

— Почему напрасны, Арни? Я сам простолюдина одного знаю, что за доблесть благородным шляхтичем стал.

— Но не в ордене! Только глава нашего братства может серебряными шпорами одарить, а его-то все эти годы не было. Да что серебром — в рыцари производить может. Зато теперь все пойдет иначе — ведь брат-командор один из прежних «хранителей», а потому глава ордена. Пока капитул еще наш соберется... Сейчас все в руках его милости!

В голосе матерого орденца явственно прорвался вопль терзаемой несбыточным желанием души, и Андрей усмехнулся. И лишь через секунду до него дошло: «Милиция-заступница! Да что ж такое делается?! Выходит, я не просто самозванец, что командором стал, но еще и глава ордена?! И могу в рыцари производить?! С ума сойти можно».

...Андрей устало сидел в седле, он не думал раньше, что конные переходы настолько утомительны. Тело под доспехом прело в собственном поту, внутренние поверхности бедер горели от сплошных потертостей, хотя он и старался не сидеть простым мешком в седле.

Но Андрей давно не жаловался на свою судьбу, хорошо помня завет великого Суворова: «Тяжело в учении, легко в бою».

Велемир, напротив, сидел соколом, всю дорогу рассказывал и постоянно вертел головой. Арни ехал всегда впереди, держа лук под рукой.

Чеслав чуть качался в седле, было видно, что бывшему смерду и холопу приходится не совсем сладко. Каждый из всадников вел за собою заводных лошадей и время от времени пересаживался, оттого расстояние до заветного Белогорья сокращалось максимально быстро.

Замыкающим в маленьком отряде был конюх, просто блаженствующий в седле, долгая езда его совершенно не утомила. А ведь на Досталека еще возложили заботу о запасных лошадях, тяжело груженных трофейным оружием и кожаными доспехами — теперь даже добрый десяток воинов вооружить для Андрея не являлось большой проблемой.

«Хоть мал мой отряд, да удал, как выяснилось. До зубов вооружились, лишние „стволы“ девать некуда. У нас сейчас семь арбалетов на троих и два боевых клееных лука для Арни и Велемира, что стрелять с них хорошо умеют. Приходи, кума, париться будем!»

Сам Андрей лук даже в руки не брал — чтоб из него стрелять, долгие годы постоянных тренировок нужны.

А вот арбалет совсем другая песня — Никитин уже начал обучать двух новобранцев стрельбе из него, и за день получили позитивный результат.

Нужно еще хотя бы пять дней, чтоб довести навыки парней до нужной кондиции. Благо три трофейных арбалета он уже оснастил простейшими прицельными приспособлениями — сейчас с трех десятков метров они в цель не промахивались, а в коня и с сотни шагов могли запросто попасть...

Они давно свернули с наезженной тропинки, делая петли, чтобы сбить очередных охотников со следа. Потому обошли стороной последнюю встретившуюся на их пути жилую деревеньку пана Завойского. Андрей рассудил просто: «Зачем самим и добровольно нарываться на разные сложности жизни, ведь этот пан отнюдь не добрый друг ордена?»

...Под раскидистым дубом, у весело журчащего ручейка, вечером они остановились на долгожданный отдых и ночлег. Сын с конюхом сразу же расседлали лошадей и принялись их обихаживать.

Чеслав разжег костерок и повесил над пламенем котелок — решено было сварить супчик и похлебать горячего. Арни, как всегда, бдил, молчаливо взяв на себя обязанности «вечного» караульного.

Сам Никитин был терзаем лишь одним желанием — отойти подальше, чтоб молодежь не видела его страданий. Он натер внутренние поверхности бедер до неприличия, седло лошади ведь отнюдь не сиденье в БТР или комфортное кресло в автомобиле.

Пока он только скинул с натруженных плеч навьюченное железо, почувствовав себя на седьмом небе. Но, сделав пару шагов, встал, поняв, что пешком ходить он сможет исключительно враскорячку.

«Скверно, конечно, но что будет дальше?»

Особенно Андрей опасался непредвиденной реакции ордена, когда тот поймет, что командор верхом, того...

— Если уже не понял... — пробормотал Никитин и скривил лицо в страдальческой гримасе. — Мужик он умный и наблюдательный, а я не Штирлиц, тут не откручусь!

Удобное место Андрей вскоре нашел, отойдя от лагеря метров на двести. Он со старческим кряхтением донага разделся и без промедления залез в неожиданно теплую, немного пузырящуюся воду неширокого ручья.

Геотермальный источник был где-то совсем рядышком, и минеральная вода просто не успевала остыть. Воды было едва по щиколотку, но Андрей все же ухитрился кое-как лечь — вода приятно согрела его тело, боль в промежности потихоньку ослабела.

Накопившаяся усталость стала ослаблять свои тиски и по чуть-чуть покидать измотанные трудной дорогой мышцы. Но мысли никуда не делись, и носили они крайне скверный характер.

«Удивительные вещи, однако, происходят! Вначале Велемир, затем этот кастелян, трактирщик. И Арни... Раз совпадение, два совпадение — но сколько можно?! Ведь тут закономерность уже. Видно, мой двойник в этом мире изрядно наследил, как и я в том. А раз миры похожи, хоть и отличные, то и люди могут быть схожи. Но почему именно я?»

Андрей повозился в теплой воде, устраиваясь поудобнее, и продолжил свои размышления, отдыхая телом, но отнюдь не разумом. А были они далекие как от оптимизма, так и от веселости.

«Зато сейчас я попал так попал. И чую задницей, прибежит вскоре полярная лисица, и буду я стучать манжетами о плиты кафельного пола. Это ж надо — не только самозванцем стал, но и многим мозоли любимые оттоптал, планы порушил.

Что орден нажил себе могущественных врагов, тут к бабке не ходи. Вначале его на Каталаунское поле завели, затем двух последних командоров уконтрапупили. И начался дележ наследства, самое приятное дело для местных олигархов.

А тут я вырисовался, красивый и борзый! А потому те ребята меня пожелают скоренько ухайдокать, а я даже не знаю, с какой стороны плюху ожидать. Хреново, конечно, но что делать? Обгадиться и не жить?!»

Мысли все замедляли и замедляли свой ход, голова становилась пустой, а глаза слипались. Полностью расслабившись в воде за горячие и богатые на события дни, Андрей неожиданно для себя задремал, согретый теплотой источника...

Очнулся Никитин внезапно, от ощущения нахлынувшей если не смертельной, то явственной опасности. Такое в жизни у него случалось не раз или два, а потому он моментально стряхнул с себя остатки сна.

И первое, что он увидел, раскрыв глаза, было весьма неприятным зрелищем для «лопухнувшегося», другого слова и не подберешь, похлеще любого желторотого новобранца, боевого офицера.

В метрах десяти от него, чуть ниже по течению ручья, стояли три мужика, одетые в какие-то грязные тряпки, которые и одеждой называть язык не поворачивался.

Как они подкрались, он не заметил, но рослый оборванец уже ухватил в свою лапищу его меч. Второй злобно зыркал глазами, водя топором, а третий выглядел испуганным зайцем, как-то боязливо поглядывая на своих поделщиков.

В их компании этот молодой парень чувствовал себя неуверенно. У Никитина возникло стойкое ощущение, что тот попал в нее помимо своего желания и очень этим тяготился.

«Никак еще одни „джентльмены удачи“ на мою голову?! Все уняться не могут, ищут приключений на свою задницу!»

— Смотри, Югер, нагишом, как баба потасканная, отдыхает. В водице теплой подмывается. Лядвы свои в стороны развалил, как деревенская потаскушка. А вот тельце у него беленькое, мякенькое. Может, на супчик его вечером пустим?

Развязный говорок вызвал у Никитина определенное дежавю, в точности как в его времени «братки» в малиновых пиджаках, с золотыми цепями, «базары перетирали».

Не выказывая никакого страха, да и ему ли бояться трех вонючих подонков и бандитов, еще толком не просохших от грязных луж, Андрей медленно поднялся на ноги и скрестил руки на груди.

И тут за деревом он заметил красный орденский плащ — Арни стоял за спиной бандитов и медленно поднимал лук.

Ему стало смешно — эти два ублюдка даже не поняли, что огребут сейчас по полной программе. И меч с топором не поможет.

«Дурни, их же сейчас убивать будут, а они все куражатся, удачливых охотничков из себя изображая. Хотя только двое из них веселятся, а вот третий сжался в испуганный комочек, видно, первый раз в жизни на дурное дело вышел».

— Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле параша? — сама собой слетела с губ знаменитая фраза из известного кинофильма.

И тут же щелкнула тетива, и в горло одного «романтика с большой дороги», говоруна, воткнулась стрела. Через секунду еще один разбойник схватился руками за брюхо.

Он выпучил в изумлении глаза, ухватившись руками за вышедший из живота наконечник стрелы. Захрипел и рухнул рядом с убитым главарем.

Стрелял Арни с убойной позиции, практически в упор — промахнуться в такую большую цель, как человек, с полста шагов, для такого хорошего стрелка, как орденец, очень и очень тяжело.

Третий уркаган мгновенно просек, что его ждет. Разделить судьбу своих поделщиков ему явно не улыбалось, а потому он сразу рухнул на колени и завопил во весь голос:

— Смилосердствуйте, благородный пан рыцарь, пощады для себя прошу! Пожалейте, я не сделал людям ничего дурного! Я никого из них не грабил, не убивал! Милости!

Подошедший Арни вопросительно посмотрел на Андрея, а тот в ответ только криво

улыбнулся. Неспешно одевшись, Никитин медленно подошел к третьему любителю дармовщинки:

— Лежать ничком, тварь! А теперь голову подними и мне в глаза посмотри! Я тебе сказал, смотри мне в глаза!

Андрей наклонился над дрожащим от страха парнем:

— Отвечай теперь как на духу — кто ты такой и что делал и делаешь? Солжешь хоть в малости — убью!

— Меня зовут Прокопом, я из Словакии, с той стороны гор. Мы бежали оттуда, но здесь нашу семью вырезали целиком на дороге лихие людишки. Я кое-как оклемался, потом бродяжничал, батрачил, год назад пан Сартский меня поймал и силой похолопил, а я в прошлом месяце сбежал. Десять дней с этими гадами жил, они на разбой все тянули, ну вот... вы и убили их! — Парнишка с испугом поглядел на трупы своих подельников.

Андрей видел, что парень ему не врет, уж слишком напуганы были его глазенки.

«Но что с ним теперь делать прикажете? Убить? Но зачем мне лишнюю кровь проливать без нужды. Отпустить — он с голодухи сдохнет, или прибьют вскоре, не все такие, как я, сердобольные. А может, снова сделают холопом „добрые люди“, как здесь общепринято. Да, на этом примере очень хорошо видно, что с одиночкой творят».

— Пойдем, покормим тебя! Да нам самим пора уже кушать, надеюсь, все готово, Арни?

— Конечно, брат-командор!

Орденец улыбнулся и хлопнул словака по плечу. К удивлению Никитина, парень чуть покачнулся, хотя должен был упасть от такого «дружеского» похлопывания.

— Силен, бродяга, — во весь рот улыбнулся Арни. — Ордену Святого Креста такие молодцы завсегда нужны!

— Так я кузнец, — смущенно отозвался словак. И покраснел, румянец багрово запылал на его щеках. Он удивленно воскликнул:

— А вы... орденцы?!

Прокоп прикрыл ладонью рот, уставившись на красный плащ Арни, будто только сейчас его увидел.

— А вы, ваша милость, командор ордена?!

Никитин только кивнул в ответ, а словак рухнул на колени, чуть ли не обняв его за сапоги:

— Ваша милость, вы можете! Возьмите меня под свое покровительство, как собака преданно служить ордену буду, живота своего не пожалею. Перед Богом клянусь служить честно и верно!

Андрей пришел в замешательство — он не знал, что сказать парню в ответ. В растерянности посмотрел на Арни — местный пан, сволочь, беспредельно жесток, но пойти на укрывательство этого беглого холопа означало совершение самого опасного в этих местах преступления, вира за которое составляла целых восемь злотых, почти столько стоил полный рыцарский доспех с боевым конем или пара здоровых холопов.

«Нет, пойти сейчас на укрывательство в моем „птичьем положении“ дело совершенно невозможное».

— Это ты хорошо надумал, парень. Орденский плащ самая надежная защита от холопства! — Уверенный голос Арни вывел Никитина из размышлений, и он усмехнулся.

«Отказать задумал, а зачем, спрашивается?! Интересно, однако, — а что же он до этого делал, ведь с ним уже двое беглецов, и к тому же холопов?! А кто пану кастеляну ножки и ручки оглоблей переломал? А кто мимоходом нескольких воинов магната ухайдакал, товарищ майор?!»

Как же он мог забыть, что в ордене рыцарей Креста, как у донских казаков, существовало

старинное правило, которое гласило — «с ордена выдачи нет».

Объяснение здесь довольно простое и лежит на поверхности. Все орденские рыцари и их оруженосцы, шляхтичи благородного происхождения, плюс свободнорожденные, едва составляли одну треть во всех воинских контингентах ордена.

Подавляющее большинство простых «служителей» были как на подбор из вчерашних беглых холопов, кабальников, не пристроенных в жизни сирот и прочего угнетенного люда, как писалось в советских книгах о периоде феодализма...

— Так ты говоришь, что твои оглоеды кольчугу продали, а меч в плащ завернули и спрятали?!

От слов Арни Никитин встряхнулся и сосредоточился:

«Как же так происходит, что все чаще и чаще я просто отрубаясь от действительности! Вот она, сытая жизнь на пенсии, с бабой под боком — разом всю сноровку потерял».

А тут такой разговор интересный идет — Прокоп поведал, что десять дней назад он со своими разбойниками нашел мертвого воина, рядом с которым был сверток с рыцарским мечом.

— Да. Только плащ синий, но крест, как у вас, белый. А меч продавать этот, — Прокоп тронул ногой убитого главаря, — не стал. Сказал, что боязно, враз поймают да повесят!

— Это он верно рассудил. Тело хоть закопали?

— Камнями заложили в расщелине. Тут оно, неподалеку.

— Попозже сходим, — Арни вопросительно посмотрел на Никитина, и тот кивнул, давая молчаливое согласие. И они втроем отправились к раскидистому дубу, где беглецы разбили лагерь...

На постеленной чистой холстине лежало напластованное копченое мясо, ломти ноздреватого сыра, куски хлеба, перья зеленого лука и традиционная кожаная фляга с вином. Миски и кружки расставлены, а вместо сидений расстелены попоны.

«Военнопленный» скромно жевал свой хлебушко с мясом чуть в сторонке от других сотрапезников, зато Никитин со всей своей командой плотно сгрудился у постеленной холстины.

Ужинали беглецы неторопливо, изредка спокойно и тихо переговаривались, с аппетитом прихлебывали вино, заедали мясо луком и репой. По окончании трапезы все дружно помолились, и молодежь принялась быстро убирать со «стола».

— Ваша милость!

Андрей, нахмутив брови от недовольства, пристально посмотрел на Прокопа. Тот побледнел от страха, подумал, что сейчас его накажут за попытку заговорить. Но наступил, как говорится, себе на горло и, через страх, продолжил дальше:

— Ваша милость! Почему вы так поступили?

«Вопрос, конечно, нагловатый — в его-то очень шатком положении, но нравы здесь простые».

— Обычно рыцари или сразу убивают бежавшего холопа, или сильно избивают, вяжут и передают потом хозяину за вознаграждение...

— Интересно было бы посмотреть, как жрал бы ты здесь со связанными руками?!

С ухмылкой сказанная ответная фраза Андрея привела только к тому, что пленник смертельно побледнел, но, покорно протянув руки, все же сказал, вскинув подбородок:

— Если не пожелаете присягу от меня принять, то лучше убейте меня. Иначе пан замучает, заперет до смерти, руки и ноги огнем сожжет, смертушку, как благодаяние, у него просят...

Никитин краем глаза посмотрел на своих орлов, те утвердительно качали головами — ну и нравы же у местных панов!

И решил отложить дело на поздний срок, повернувшись к Арни:

— Сходи за мечом, принеси сюда. Чеслава возьми и этого «лишенца». Попозже
переговорим!

Светлейшая сталь клинка с замысловатым узором словно струилась в лучах солнца, эфес щедро отделан золотом и серебром, а в навершие рукояти был врезан белый эмалированный крестик.

На Андрея меч произвел сильное впечатление, таких ему еще не приходилось видеть в жизни. И длина нормальная, и рукоять удобная, хотя немного тяжеловат, шашка в два легче.

И словно под него заказан — Никитин не удержался от примерки по дедовскому способу. Как раз рукоятью до... ну, чуть ниже пояса и вышло.

Великолепное оружие!

— Боже мой! Правду говорят все легенды, — за спиной раздался удивленный голос Велемира.

Хотя «удивление» не совсем точно передает ошарашенный вид парня — глаза и рот раскрыты на максимальную величину.

— Так вот он какой! Меч рыцарей ордена Святого Креста! Богемский булат, рубит любое железо.

— Это меч не рыцарей, парень, — глухо, с завистливыми нотками прозвучал голос Арни. — Это меч только лишь «хранителей» ордена, командоров и магистров. Такой клинок очень дорог, и их сотворили всего дюжину. Ведь так, брат-командор?

— Так. — Андрей внимательно посмотрел на сталь — узоры по ней шли волнами, а у самой рукояти чем-то вроде кислоты были вытравлены еле-еле видимые буквы. Майор напряг глаза и прочитал латынь. Уже знакомый ему девиз — «Кто против Бога и ордена?!».

Как этот командорский меч попал в руки безвестного конного стрелка ордена, о чем говорили обрывки синего плаща, и трагически погибшего от ран, что нанесли руки неизвестного врага?

На всех парней словно лоханку кипящей воды вылили. Они выпученными из орбит глазами смотрели на редчайший в этих местах раритет. Молодежь даже дышала через раз, любуясь клинком, и Никитин понял, что принимать их в орден ему придется.

«Вот только как? Ведь Арни махом заподозрит неладное, ибо настоящего ритуала посвящения или принятия я не знаю и могу надеяться только на удачную импровизацию. Да на то, что ночью у костра подслушал».

Андрей задумчиво поглядел на трех беглых холопов, в его голове крутились разные мысли. В принципе он может принять от беглецов присягу на служение ордену, правилами это разрешено для командоров.

Само принятие присяги у беглецов является совершенно невинным занятием, детской игрой в крысу, по определению Остапа Бендера, на фоне самозванства и прочих весьма предосудительных деяний, которые он уже совершил. Потому, после короткого раздумья, Никитин решил...

— Вы очень хорошо над этим подумали, парни? Запомните, после принятия присяги у вас уже не будет возможности отказаться от нее, и вы будете обязаны отслужить ордену Святого Креста целых двенадцать лет!

Требовательно посмотрел на замерших, ловивших каждое его слово бывших теперь уже холопов. И тут же повелительно проделал знак рукой всем трем соискателям, решив, с учетом полевых условий, принять не индивидуальную, а коллективную присягу — «вставайте быстрее, приятели, на одно колено».

— Я прошу принять меня в орденские военные служители, я буду служить ордену верой и правдой, не щадя живота! — тут же последовала нижайшая просьба от преклонивших колени юношей, говоривших хором, громко выговаривая слова.

Они с тревогой глядели на командора, а в их глазах уже светилась отчаянная надежда — это был такой большой шанс, который не любящая ласкать фортуна иногда вдруг щедрой рукой бросает неудачливым людям. И за который надо держаться не просто мертвой хваткой, а изо всех последних сил, руками, ногами и зубами.

— Прокоп! Чеслав! Досталек! Клянетесь ли вы верно и честно служить двенадцать лет ордену Святого Креста?!

Андрей говорил торжественно и уверенно. Повезло, что Велемир не удержался от любопытства и испытал ритуал у Арни, который ему словоохотливо рассказал.

Никитин в тот момент демонстрировал здоровый ночной сон, но уши стали слоновьими, а память накрепко фиксировала слова настоящей орденской присяги. Арни, словно нарочно, утром специально пояснил «беглым», чтобы те знали, что отвечать, если дело до принятия клятвы дойдет. Но, к сожалению, все было сказано орденцом в самых общих словах, а потому пришлось импровизировать.

— Клянусь пред Господом нашим! — торжественно и с радостью, от которой запершило в горле, ответили новобранцы.

— Клянетесь ли вы защищать орден Святого Креста и веру от посягательств неверных и врагов, не жалея ни сил своих, ни даже живота своего? Бестрепетно и беспрекословно выполнять поручения и приказы командоров и рыцарей ордена Креста?!

— Клянусь пред ликом вседержителей и Девой Марией! Всем своим сердцем буду хранить эту клятву!

— Целуйте крест и меч!

Дрожащими от сдерживаемого волнения руками они вытащили на свет нательные крестики и прикоснулись к ним губами. Затем вытянули из ножен короткие мечи, врученные им Арни, и поцеловали клинки не менее торжественно, чем распятие.

Андрей стал завершать импровизированный обряд, но вовремя вспомнил, что и он от лица ордена произносит ответную клятву, тоже давая новым служителям определенные гарантии на жизнь.

— Служите нам честно и верно. Орден Святого Креста клянется защищать вас от всех врагов, сколько бы их ни было, его сила будет вместе с вами, а его замки дадут вам укрытие! Кто против Бога и ордена?! Аминь!

— За Святой Крест! Аминь! — эхом повторили следом за ним парни и тут же встали с колен, имея жутко радостные физиономии.

Обряд посвящения в служители ордена, наконец, закончился, и Андрей убрал в ножны рыцарский меч быстрым и резким движением. Потом Никитин с улыбкой посмотрел на горделивых новобранцев, на расстроенного донельзя Велемира и спокойно приказал Арни:

— Одень парней во все чистое, но пусть вначале хорошо отмоются в ручье. Потом позанимайся с ними. Мне нужно, чтобы они хорошо стреляли из арбалетов, меч и секира на потом. Ездить на коне они все могут. Так?! Приступай, до вечера еще долго. Заниматься будешь с ними каждый день, ты теперь моя правая рука, а Велемир твой помощник. Вам двоим и отвечать за их обучение. И тщательней, Велемир, тщательней! А вы все помните — сроку вам даю неделю, не научитесь стрелять, повешу на первом же суку!

Последнее было шуткой, но тут важно было и кнут показать, для вящей бодрости. Отдав нужные распоряжения, Андрей растянулся на постеленной попоне и сделал вид, что дремлет.

А сам наблюдал, как Арни и сын взялись за обработку новобранцев. Особенно удивил

Велемир — начал быстро и резко «загружать», да так, что им и продыха не было.

«Ничего, пусть привыкает, не на побегушках же, вечным адъютантом при отце, все время быть. А драться он уже умеет, хорошо его пан Бужовский выучил, не маменькин сынок ведь».

Первым делом новоявленных служителей ордена загнали в ручей и руководили процессом мытья — чуть ли не до крови те многократно терли себя песком и травой.

Потом все переоделись в чистое исподнее, прихваченное запасливым Арни из трактира, и дружно напялили трофейную обмундировку, не обратив на пятна крови никакого внимания. Новоявленные орденцы дружно помогали друг другу надевать трофейные доспехи, мечи прикрепляли к кольцам поясов, накидывали на свои плечи колчаны с арбалетными болтами. А вскоре для них началось прохождение «курса молодого бойца» с поправкой на Средние века.

Никитин только мысленно крякал от удивления. Вскоре выяснилось, что Прокоп, в отличие от двух других, владел мечом хорошо, а арбалетом даже весьма прилично.

Секирой же молодой словак орудовал просто превосходно, намного лучше Велемира. Да и его самого, если честно руку на сердце положить. И к тяжелому доспеху был явно привычен, уж больно ловко в нем двигался.

А вот из клееного лука стрелял словак, прямо скажем, хреново. Очевидно, что весь его жизненный опыт в стрельбе из боевого лука заключался только в стороннем наблюдении.

Арни такие умения тоже удивили, и он решил все точки над «и» поставить, сразу задав словаку вопрос — откуда он так наловчился холодным оружием орудовать?

Никитин уже давно понял, что Прокопа долго учить не придется, это уже вполне подготовленный воин, и с опытом. Таких можно в боевой строй сразу ставить.

Вопрос нисколько не смутил Прокопа, уверенно отвечавшего орденцу, что обучен с самого детства. Город шесть приступов мадяров отбил, и каждый горожанин учился владеть мечом, секирой и арбалетом с детства, даже женщины. Тех, кто не умел драться, сразу изгоняли из города.

А он уже с четырнадцати лет нес службу наравне с взрослыми, участвовал в походах и боях. А из города уехали потому, что там тоже мор начался, и лишь немногие спаслись бегством, остальные умерли...

— Что бы ты делал, если бы нас не встретил? — задал очередной вопрос Арни. Никитину этот парнишка нравился все больше и больше — спокойный такой и несуетливый воин, пусть и неудачливый разбойник.

Хотя быть молодцу не помеха, у самого Андрея юность студенческая хулиганистой была. Да еще какая: не сел на нары только потому, что в армию ушел. Причем вовремя — следы и затерялись от родной милиции. Там хоть из него нормального человека сделали...

— Ушел бы на юг, в горы, в конец Запретных земель. Там многие из наших поселились, уйдя по горам с родины. Неверные теперь даже в горы лезут, многие села вырезали. Войско графа разбито, и нет теперь никакой защиты. Вот и бегут люди сюда через перевалы, пытаясь спастись от ужасов — ведь нет никому пощады, ни старым, ни малым. Режут всех подряд своими кривыми мечами и еще страшно при этом изгаляются. Правда, иной раз красивых баб и девок не убивают, а с собой уводят и там рабынями в своих богомерзких гаремах делают.

Словак остановился, его лицо стало очень печальным, даже скорбным, видно, Прокоп вспомнил минувшие годы, отчаянные схватки с врагами, лязг мечей и свист стрел, пролитую кровь в боях. И смерть своих родных, близких и знакомых — такое на всю жизнь запомнишь. Да и не может он не переживать за них, живой ведь человек...

Спать легли довольно поздно, Никитин долго ворочался, все никак не мог уснуть. Разные мысли лезли в голову, все произошедшее с ним казалось дурным, нелепым сказочным сном.

«А ведь не случайно, что в моих руках оказался легендарный меч „хранителей“. Ох, не

случайно!»

И Андрей тихо прошептал полубившиеся слова из одного не очень старого фильма:

— Вослед врагам всегда найдутся и друзья...

Утром на новобранцев ордена обрушился привычный армейский распорядок дня — подъем, умывание, обтирание, пробежка, тренировка до изнеможения, фехтование. Но сегодня Никитин внес в график занятий небольшое изменение — кулачную драку.

Андрею хотелось посмотреть, как ребята будут держаться под чужими ударами, как свои наносить в ответ будут. И дружат ли они со своей головой в драке, не ударяются ли в запальчивость, ведь учебный спарринг с умелым и опытным противником для них будет намного лучшей тренировкой, чем простое рукомахательство.

Завтракали очень весело, с шутками и прибаутками. Проиграла вчистую молодежь, и полетала от бросков, и кувыркалась в воздухе, сбита с ног умелыми ударами.

С техникой современного рукопашного боя они, само собой, были совершенно незнакомы, больше надеялись на свою силу, вес и ловкость.

Вот только не помогло им это все — развитая техника всегда ломает развитое тело.

Никитин дал им пару показательных уроков, теперь новые орденцы сами просили их лупцевать, и без жалости, уж больно хотели этому делу научиться.

Арни же был в полном восторге, а ведь ему больше других досталось — упертым он оказался уж слишком и сразу уяснил, что такое умение очень нужно, особенно если без оружия остаешься. Мало ли какие ситуации в этой жизни бывают...

Андрей пристально осмотрел еще раз свое воинство — явно чего-то не хватало, на его командирский взгляд. Спустя минуту он понял, что нужно еще сделать, и тут же отменил выступление:

— Так, орлы, поход временно задерживается. На пару часов. Да и не стоит нам сейчас торопиться. Чеслав и Досталек, где красная ткань, что прихватили в трактире? Арни, ты же ее и взял?!

— Прихватил, брат-командор! На орденские плащи пустить? — степенно ответил матерый воин.

— Так делай их! Время у нас еще терпит, след мы старательно замели. Зато от нашего вида любой неприятель в смущение придет! Многим ли надо открыто с орденом воевать?!

— Простите, брат-командор, за мою оплошку! — Орденец наклонил голову и тут же принялся руководить процессом.

— Чеслав и Досталек, вам нарезать прямоугольниками на тело человека, от плеч до бедер. Края подогнуть и подшить. Велемир! Вырежи белые кресты из холстины, что прихватили в трактире. Прокоп! Тебе на плечах и по бокам пустить завязки...

— Поймай, Арни, — вмешался Никитин. — Завязки лучше сделать с петлями, зацепим на «американские пуговицы». Не обращайтесь внимания, слово такое. На палочки, грубо говоря. Штука надежная, и расстегивать легче, чем узлы развязывать. Иголки и нитки у нас есть?! И что мы расселись? Нужно делать, время-то идет. Вот плащи сошьем, и будет все путем!

Вот за последнюю присказочку, наиболее часто применяемую Андреем в обиходе, и окрестили его спецназовцы — «Путем». Постоянно язвили — «эх, путь-дорожка фронтовая». Прилипло прозвище наглухо, совсем как привычка. Слились в полном симбиозе...

Молодцы тут же принялись за дело — распаковали «куклу» из штуки красной материи, достали иголки и нитки и принялись портняжить, примеряя и кроя ткань, затем подшивая края. Работой они были обеспечены часа на два, никак не меньше.

Мысленно Андрей укорил себя — такая здравая мысль пришла ему в голову несколько поздно. Как же он сразу же не сообразил, что популярная военная форма всегда манит

молодежь похлеще ядреных девок, забористого вина или других искушений...

— Ты зачем за мной на ручей пошел, Арни? — Никитин спросил прямо в «лоб», решив окончательно определиться.

— Прости, брат-командор, но я тебя ни на минуту одного не оставлю. — Воин насупился, отвел глаза, глядя себе под ноги.

— Почему?

— Да потому что ты единственная наша надежда!

Арни посмотрел прямо в глаза, не мигая — они блестели, на скулах заходили желваки.

— Наш орден Святого Креста за последние годы захирел, стал немощным. Мы так и не оправились от Каталаунского побоища, хотя пятнадцать лет прошло. Сам видишь, как теряем наше наследие, те же паны рвут его на куски, на клочья, как злобные псы. А ты вдохнешь в крестоносцев надежду! А за это мне и погибнуть не страшно.

— Я понял твои опасения, Арни, — Андрей ухмыльнулся, хотя внутри нервы напряглись, как струны. — Но я сам могу постоять за себя!

— Конечно! Ты был и остался лучшим мечом ордена, мало кто с тобой может сравниться. Но прости меня за эти слова, брат-командор, но ты еще не оправился от ран. Я видел твои раны, они зарубцевались, но до сих пор тебя тяготят. Нет-нет — я не сомневаюсь в твоей доблести, но силы еще не вернулись к тебе. Я видел твои израненные ноги — они потерты оттого, что из-за этих ран ты долго не сидел в седле. Ты далеко не молод, ваша милость. Ведь так, брат-командор?

— Так, — кое-как выдавил из себя ответ Андрей, лихорадочно соображая. А ведь воин сам предлагает обоснование его здешней неумелости, придется ведь свое «мастерство» не только в верховой езде показывать, но и в конных сшибках на копьях, будь они неладны, ибо его любой Буратино с лошади сшибет своим длинным носом.

Или, что произойдет гораздо быстрее, в бою на мечах или секирах. А там любой местный вояка с опытом живенько сообразит, что «царь-то не настоящий».

— Только месяц назад пришел в себя. Что было со мной, кто я такой, ну ничего не помнил, даже как меня зовут. Голова постоянно болит, прямо раскалывается, до тошноты доходит. Руки дрожат, пальцы меч не держат. Кулаком еще ударить смогу, ты сам сегодня видел. Но скоро устаю, будто свинец по всему телу растекается. Это прожитые года, Арни, ведь я давно не молод, ты же знаешь...

Никитин выдавливал из себя слова с трудом, но не от стыда за эту спасительную ложь, он бы и не такое поведал с непроницаемым лицом. Лицемерие должно быть настолько убедительным, чтобы его всегда приняли за истину в последней инстанции.

— Ты старше любого орденца, ваша милость, голова вон вся седая. Поберегся бы, с годами ведь сила убывает, а не прибывает. Прости, но меня все один вопрос мучает, брат-командор, — почему все эти годы от тебя ни слуху ни духу не было?

— Так сразу и не скажешь, Арни. Да и не могу рассказывать, сам понимаешь почему.

— Дело ордена? Тогда да, — с видимым облегчением выдохнул воин.

— Напали на меня, поскользнулся на снежку — первый он таков. В голове будто солнце вспыхнуло...

— Так это еще в прошлом году было?! — изумленно вымолвил Арни, с оторопью во взгляде.

— Очнулся недавно. Какая-то часовенка в Запретных землях. Брошенная совсем недавно — ведь за мною кто-то ухаживал, кормил с ложечки, поил. А потом ушел.

— Вот оно как...

— Десять дней шел, и на меня напали трое ратных. Двоих воинов Сартского я убил, а

третьего, пана Бужовского, в плен взял. Велемир. Он же мой сын! Он-то мне и сказал, кто я такой, когда случайно мою грудь увидел. Мать ему о том поведала, когда со мною ложе поделила... — тщательно подбирая слова, закончил свою «исповедь» Никитин.

«Хрен его знает, как тут ордены эти знаки на теле называют, ошибешься, татуировкой или шифровкой назовешь, и тут же попадешь по полной, как тот кур в ошип».

— Она была служанкой в Лисовицах? — Арни встрепенулся, хлопнул себя по лбу и громко рассмеялся: — А я-то думал, почему вы так похожи друг на друга. И отношение Велемира к тебе какое-то странное. Пан Бужовский — давний наш доброжелатель, потому твоего сына и воспитал как шляхтича. Слышал об этом, но значения не придавал. А Велемира я маленьким только и видел, лет десять назад — я тогда половину срока отслужил.

Пока они говорили, их маленькая группа полностью преобразилась. Теперь это был настоящий отряд ордена — рыцарь с двумя оруженосцами в полных доспехах и три конных арбалетчика, которые держали в поводу запасных коней, груженных оружием, доспехами и тюками.

На всех форменные орденские плащи надеты, в том числе и на Велемире, что согрело мохнатую душу Никитина — как-никак, а теперь они регулярная армия...

К вечеру третьего дня маленький отряд крестоносцев достиг северной стороны предгорий. Здесь пошла уже орденская полоса владений — обширные земли, когда-то переданные ордену Святого Креста, а теперь оставшиеся без его опеки.

Крутом невысокие горы, похожие на милые сердцу таежные сопки, покрытые лиственными и хвойными лесами, часто переходящими в редколесья с проплешинами.

Здесь, по уверению Арни, жили свободные селяне, но мало, всего несколько хуторков. Только оставаться здесь на постой было для них рискованно, нужно было идти дальше, в заветное Белогорье, слишком близко шли владения пана Сартского.

Орденцы шли ходко, ибо ночевать под открытым небом было тягостно, особенно под накрапывающим дождиком. Молодежь думала о сытном ужине, Арни — о том, что выспаться в очередной раз не удастся, а Никитин — о лохани с горячей водой да о постном масле, что будет использовано для его пострадавших ног.

Но, как говорит одна народная мудрость — «судьба играет с человеком, а человек играет на трубе». Так оно и вышло — перевалив за гребень, они услышали отдаленные заполошные женские крики и дикий визг свиней, словно ошпаренных кипятком.

— По-моему, хутор грабят? — задумчиво произнес Никитин.

— Интересно, а кто там сейчас так лихо орудует — собратья Прокопа по его последней профессии или панские выкормыши, что давно на эти земли глаз положили?

Вопрос был чисто риторическим. Молодежь, фигурально выражаясь, разом закусил удила и била всеми копытами, рвясь на очередную «Куликовскую битву». Вот уж рвение у них раззудилось, как красные плащи на плечи с утречка накиннули.

В принципе Андрей не возражал против хорошей драки. Ребят надо потихоньку натаскивать, с одной стороны, а с другой — вряд ли там большая банда орудует, с десяток харь, никак не больше.

Если из арбалетов половину положить, то другую можно и потоптать конями да порубить. И не важно, кто там грабит и насилует — клал он и на разбойников, и на панских ратников с большой колокольни.

«Но только после того, как с десяток арбалетных болтов в цель точно выпустить!»

— Надо им урок дать, ваша милость, — Арни злое улыбку. — Чтoб на всю жизнь запомнили, как на орденские земли посягать!

Никитин кивнул, соглашаясь с предложением, и быстро отдал приказ — с запасными конями и добром остается Досталек, с которого в схватке пользы, как с козла молока. Остальным зарядить арбалеты и тихонько, чуть ли не на цыпочках, ехать дальше, а там поступать по ситуации.

Проехав с треть версты, по хитро петляющей между деревьями тропе, они, наконец, узрели в просветах долгожданный хутор. А потому спешили и осторожно пошли вперед, прикрываясь за деревьями и кустами.

И такая предосторожность была не лишней — хуторок, похожий на первую усадьбу, на которую наткнулся Андрей, путешествуя по Запретным землям, только без частокола, переживал не самые лучшие для себя времена.

В настоящий момент его с увлечением грабила группа воинов, в которых Арни сразу же признал панских мытарей, или, выражаясь современным языком, местных налоговиков, сборщиков податей. Хотя, на взгляд Никитина, с такими харями и манерами они больше напоминали охреневших от вседозволенности братков.

И веселились эти головорезы, числом в добрую дюжину, от всей души — одни закидывали птицу и визжащих хрюшек на повозки, другие охраняли сбившуюся толпу крестьян в домотканых рубашках. Андрей насчитал два десятка селян, но еще два тела лежали на земле около дома.

«Сглупили мужики, кто ж с голыми руками супротив мечей лезет!»

Да и не только грабили. Было хорошо видно, как два мытаря за домом разложили на земле голую крестьянку и по перемене, с увлечением, ее насиловали.

Впрочем, какие времена, такие и нравы, здесь это обычная практика, грабеж и насилие всегда идут рука об руку.

Лицо Никитина исказила гримаса неудовольствия — ладно, мародерство вещь житейская, но вот юных девиц насиловать неприлично.

«Вряд ли это баба, у тех поднятые кверху ноги потолще будут. Ну что ж — они свое скоро сполна получают. Да так, что мало не покажется. И плевать, что будут новые осложнения с паном Сартским. Тот и так орден Креста ненавидит, а трупов его клеветов мы уже достаточно за своей спиной оставили. А потому еще одна „добавка“ не помешает».

Андрей тихо кипел злобой — он не рассчитался сполна и за «ведьмин одуванчик», и по старым счетам настоящего фон Верта. Так что одним десятком больше или меньше, для него никакой разницы уже нет, зато бояться будут всерьез, до икоты.

Никитин жестом подозвал к себе гарцующих на месте парней с заблестевшими от возбуждения глазами и стал им втолковывать план предстоящих боевых действий...

Рачительным хозяином был пожилой смерд по имени Ракита. Был, а сейчас лежал у срубленного своими руками крепкого дома проткнутый насквозь стальным мечом.

Оплошали здесь крестьяне, не ожидали такого дерзкого набега воинов Завойского, понадеялись на старинную традицию — пан собирает «пожилое» только перед Рождеством, после окончательной уборки урожая. Причем не только со своих, но и с чужих селян.

К тому времени рассчитывали они собраться скопом с окрестных хуторков и встретить стрелами панских сборщиков податей.

Но ошиблись, за что и поплатились — маленький отряд стражников напал совершенно неожиданно. Старший сын Ракиты, тридцатилетний крепкий мужик, успел поднять тревогу, но получил арбалетный болт в сердце.

Младшего зятя хозяина, косую сажень в плечах, вздумавшего отмахиваться оглоблей, ранили стрелой в ногу и повязали.

Дальше начался неприкрытый грабеж и всяческие непотребства. Племянницу и трех дочерей Ракиты завалили на землю и, натянув их же рубахи им на голову, стали насиловать — молча, страшно.

Но этого воякам показалось мало — любимую внучку, отроковицу двенадцати лет, завалил на солому их похотливый десятник, несколькими ударами подавив ее слабое сопротивление.

Девочка стала страшно кричать, а панские шакалы гнусно ржали над своими мерзкими шуточками, кои выдавали как рекомендации bravому десятнику.

Кинувшуюся на помощь мать, старшую дочь Ракиты, рубанули секирой, а самого Ракиту, который изрыгал проклятья, хладнокровно убили.

Два десятка чад и домочадцев согнали на середину двора, мужикам связали руки. Воины ничем не рисковали — сопротивление селян было подавлено в зародыше, а помощи им не предвиделось.

Так что приказ пана ими был выполнен — хуторок сегодня же признает Сартского своим хозяином, и прежде орденские, а ныне свободные смерды станут обычными рядовичами.

А если откажутся от такой милости, то все станут полными холопами, и пусть потом

попытаются жаловаться. Да куда угодно, хоть самому папе, хоть польскому князю.

В данном случае законы играли на руку пану. Убийства и грабежи сходили ему с рук, так как не было свидетелей.

По «правде» послухом считалось незаинтересованное лицо, и ни в коем случае не родственник пострадавшим. А ведь все проживающие в усадьбе являлись, в той или иной степени, родственниками.

И это пан Завойский прекрасно знал, когда решил подмять под власть магната свободные хуторки предгорья. Все было правильно задумано, почти все предусмотрено.

Кроме одного прискорбного, на его стражников головы, обстоятельства — они никак не ожидали, что встретятся с командором ордена, воскресшим из мертвых...

— Слушай меня, мужичье сиволапое! Если сейчас не признаете своим хозяином знатного и милостивого пана Сартского, то...

Здесь десятник сделал долгую паузу и угрожающе посмотрел на сбившихся в кучку испуганных женщин и угрюмых, со злым блеском в глазах, мужчин. Трудновато сломать свободолюбивых селян, но можно, когда под рукой силушка есть.

Повинуясь его властной команде, воины оцепили сбившихся в толпу крестьян и обнажили мечи. Так и поигрывали железом в руках, ощерив в злых оскалах зубы.

— Так вот, твари! Присягайте нашему пану немедленно, а иначе сдохнете все. Даю лучину времени, не надумаете — изру... Кх...

Внезапно глаза десятника вылезли из орбит, договорить он не смог и кулем дерьма свалился с лошади. Да и немудрено — из груди торчал арбалетный болт.

С такой убойной дистанции Никитин всегда стрелял без промаха. И сразу бросил разряженный арбалет на землю, вскочил в седло подведенной Чеславом лошади.

— Кто против Бога и ордена?!

Громкий клич, вырвавшийся из четырех глоток, привел собравшихся в остолбенелое состояние. Пока панские воины сообразили, что прозевали внезапное нападение, еще пятеро из них замертво упали на землю — одного завалил Прокоп, а других расстреляли из луков Велемир с Арни. Чеслав же, понятное дело, промахнулся.

Шестеро ратников, оставшихся невредимыми, только сейчас опомнились и развернулись для схватки с противником.

На них неслись полным галопом трое всадников в знаменитых красных орденских плащах с белыми крестами, причем все были в хороших доспехах, со шлемами на головах.

— Орденцы!

Обезумевшие от страха стражники, пойманные за руку на «горячем», и не подумали драться, а рискнули, что зайцы, в разные стороны. Да какая уж тут драка?

Им в страхе показалось, что целый десяток врагов навалился, ведь на двух тяжеловооруженных еще восемь легковооруженных воинов приходится, то есть «копье».

И это всегда так. Как сейчас — трое уже атакуют, а сколько еще за ними следом скачут? Где уж там их всех разглядывать, когти рвать изо всех надо, с орденцами всякие шутки плохи. У них с грабителями разговор короток — на веревку, да на ближайший сук.

Но было поздно — первого вояку Андрей стоптал конем, а скакавший за ним Арни от всей широты души рубанул жертву мечом.

Заметавшемуся в стороны воину досталось от Велемира, вернее от его коня — стражник отлетел в сторону, ударился своей дурной головой о бревно и затих. Третьего пронзил арбалетный болт.

На четвертого воина толпой разъяренных фурий накнулись опомнившиеся от страха женщины — только клочки полетели в разные стороны. А дикий, душераздирающий вопль

быстро оборвался.

Но двое ратников сумели вскочить на коней, вот только бежать им было поздно. Велемир на скаку рубанул одного мечом, но второго не тронул, услышав свирепый окрик Арни:

— Он мой!

Оставшийся противник обреченно завизжал во весь голос и сам понесся на сшибку с орденцем, высоко подняв над головой меч. Арни сильно рванул повод коня вправо и неожиданно для врага зашел на сшибку с левой руки. Крестоносец перекинул меч в левую руку и сплеча рубанул по не успевшему защититься противнику.

Удар был настолько силен, что клинок перерубил руку, которой воин попытался хоть как-то прикрыться. Но рука не щит, и меч с ходу перерубил такую преграду, а затем резанул лицо.

Арни развернул коня, но добивать противника не было никакой нужды — тот кулем свалился с коня и лежал без сознания, а из короткого обрубка хлестала кровь.

«Сдохнет и так, от потери крови, что уж тут добивать?!»

Однако Андрей тут же передумал и сделал характерный знак Чеславу — пусть парень к крови привыкает. Тот знак командора правильно понял, быстро соскочил с коня и довольно хладнокровно перерезал горло умирающему ратнику.

Схватка продолжалась от силы две минуты. Правильнее было бы назвать этот процесс избиением младенцев. Дюжина панских воинов были почти поголовно истреблены всего пятью нападшими. Андрей только усмехнулся, вспоминая эпизоды этой стычки.

«А почему так произошло? Да все потому, что безнаказанность ослепляет, а в подобных делах это всего лишь чувство, а не сама ситуация. Грабежи и всеобщая „социализация“ бабенок до добра никого и никогда не доводили. Только таким воякам урок всегда не впрок».

Никитин молча смотрел и удивлялся. Нужно было отдать должное селянам — крепкие духом люди. Видно, что жизнь на таком вулкане приучила их к олимпийскому спокойствию.

Сами, по собственной инициативе, разоблачили убитых стражников, сложив кучками их доспехи, оружие и кошельки. Поймали также всех коней, стреножили и оставили пастись на лужку.

Затем мужики стали рыть лопатами глубокие ямы — две малые одиночные и одну большую, братскую. И все делалось без всяких там причитаний, суеты, слез и горестных воплей по убитым родственникам. Молча, сосредоточенно...

«Кремни, а не люди, право слово!»

— Ваша милость! — Чеслав преданно заглянул командору в лицо. — Двое ратников пана в живых остались. Бабы хотели их до смерти забить, а я им не дал. Что с ними делать прикажете?

— Возьми вон те колья, тонкие. Такие подойдут. Теперь заостри получше, укрепи в земле, да этих ублюдков задницей на них посадите! Но не глубоко — пусть помучаются!

Голос Андрея был сух, деловит и безжалостен.

— Не по-христиански так казнить, ваша милость!

Пожилой, но крепкий еще крестьянин, с корявыми натруженными руками, поклонился в пояс Никитину и добавил:

— Не христианская это казнь, а басурманская, ваша милость. Лучше их зарубите или моим парням отдайте, то совсем другое будет. Они все грехи свои сразу вспомнят.

— По-христиански грабить и убивать беззащитных? Насиловать маленьких девочек, изгаляться над стариками и детьми? Что же ты молчишь?! Какие с них христиане, басурмане они и есть вонючие, и точка! Так что кару себе такую вот давно заслужили, вон какие морды отъевшиеся и похабные. Сажайте их на колья, ребята, только рот заткните, а то вопли будут. А тишину нарушать нельзя!

— Ваша милость!!! — дико заорали в один голос стражники, смертельно бледные от ужаса. — Помилуйте нас, помилосердствуйте, ради Христа!!!

«Хм, быстро же они дозрели для душевного разговора, — подумал Андрей. — Что я, идиот совсем, языков без допроса убивать. Надо же — все в это поверили, и селяне, и мои хлопцы. Ладненько, отыграем чуток назад, пусть они дозревают для дальнейшей беседы».

— Прокоп! Эту сволочь к соснам привязать, да рты им заткни. Позже казнь для них будет. Придумаю что-нибудь интересное, чтобы умирали эти сучьи дети долго и очень погано.

Сказано — сделано: пленные были живенько отвлочены к стройным соснам и сноровисто приторочены к ним. Прокоп от себя еще добавил — Андрей видел, как парень от всей широкой души сильно попинал их по мужскому «хозяйству», будто старые счета с насильниками имел. Мало ли кто из его родственниц от подобных тварей пострадали...

На ограбленном панскими стражниками хуторе проживало почти полсотни человек — трое мужиков еще раньше ушли в Притулу, а десяток ребятишек проворно удрали в лес, когда незванные грабители заявили.

Произошедшее на хуторе оказалось что ни на есть самым житейским в этих местах делом: свободных селян грабили все кому не лень.

За спиной таких крестьян не стояли вооруженные до зубов панские ратники, которые наезды на смердов хозяина пресекали железной рукой. Немало охотников до чужого добра из местных «джентльменов удачи» покачивалось на крепких ветвях зеленых дубрав.

Зато все «черносошные» являлись, как знал Андрей из истории и своего малого опыта пребывания в этом мире, для феодалов и лесной братии лакомой добычей.

Шляхта пыталась «обрядовать» их, а перед этим, для лучшей сговорчивости смердов, хорошо их пограбить и запутать. Процесс этот, безжалостный и кровавый, орденцы застали в самом разгаре и вовремя прервали творящуюся вакханалию.

Местная «братва» же просто и без всяких изысков резала, насиловала и беспощадно грабила хуторян.

Но тут, как говорится, палка о двух концах — свободные селяне имели полное право мочить своих притеснителей, несмотря на серебряные или золотые цепи, висевшие на их шеях. Вот только реализовать данное право было весьма затруднительно.

По решению коло им запрещалось иметь арбалеты и сложноклеенные боевые луки, а также мечи и тяжелые доспехи. Они могли заполучить, и то при стечении благоприятных для них обстоятельств, хорошие охотничьи луки и кожаные доспехи.

Первые можно было купить у купцов тех мест, где в изобилии произрастал требуемый материал — вяз, ясень и прочие, а вторые смог бы изготовить любой деревенский кузнец, но вот только цена «кусалась». Ведь даже десяток грошей для смердов являлся большими деньгами, пахотную лошадку на них было можно купить на ярмарке. Так что покупка оружия довольно дорогостоящее дело, и не всякое крестьянское хозяйство могло это себе позволить.

Оставалась только единственная надежда — уходить всей семьей в горы или леса, туда, куда доступ панским ратникам затруднителен. Но опять же — там много земли для пашни не поднимешь, а, следовательно, количество селян ограничено, ведь рта жевать надо и мяско, и хлебушко.

Но даже такие отдаленные заимки являлись лакомой добычей для разбойников — шайка в десяток рыл для хуторян была нешуточной угрозой.

Отбиться и от панского воинства, и от прочих грабителей свободные крестьяне могли только в случае многолюдства. Такое большое село было почти рядом — Бяло Гуру, где и удобной земли для пашен много, и по лесам зверье бегает.

В соседней с ним Притуле, куда ушли мужики из хутора, жило около трех сотен смердов, в основном поляков, но было и немало ушедших из родных мест словаков. А такое название, как объяснил брат покойного Ракиты, Мартын, мужик лет пятидесяти, тот, который протестовал против казни на кольях, от слова «притулилось» появилось. Все сельцо так на склоне горушки и разместилось...

— Ваша милость! — Новый старейшина хутора в пояс поклонился командору и со скрипом выпрямился. — По гроб жизни мы все ордену обязаны и в долгу у вас не останемся надолго. Как твое имя, благородный рыцарь? Моя младшая дочь на сносях первенцем, и твоим именем мы младенца назовем.

— Его милость является командором рыцарей ордена Святого Креста! — по предварительной договоренности с Андреем за него ответил Арни своим жестким голосом. — Андреас фон Верт!

— Командор фон Верт?!

Мужик опешил, машинально отшатнулся, его лицо вытянулось:

— Так вы не погибли в Каталаунской сече? Бог ты мой! Силко, седлай коня и скачи в Притулу, пусть сюда немедленно прибудет Грумуж. Он старый орденец, дрался вместе с вами в той битве, в вашем «копье» был мечником, там его и ранили. Он наш двоюродный брат, а живет в Притуле потому, что двух панских стражников восемь лет назад здесь зарубил, на грабеже их поймав. А третьего повесил согласно орденскому обычаю. Пан Сартский за его голову целых десять злотых награды обещал! — с нескрываемой гордостью закончил свою речь Мартын.

Никитину поплохело от таких слов — и здесь, оказывается, мир тесен. И надо же напороться на крестоносца, который настоящего фон Верта знает как облупленного.

Андрей принялся лихорадочно соображать, как ему из очередной передраги выбраться и под каким «соусом» свое наглое самозванство получше припрятать...

На хуторе жизнь кипела вовсю. Снующие туда-сюда селяне — мужчины, женщины и дети — грузили на повозки домашнее имущество, полевой инвентарь, кур и поросят. Небольшое стадо коров и овец женщины погнали по лесной дороге.

Причина такого переполоха была ясна — местные хуторяне надумали переселяться в Притулу. Пусть там заново строиться придется, да лес под пашню корчевать, зато живыми останутся — не надо в воду глядеть, через недельку-другую воины пана обязательно

карательный поход против хутора предпримут, и месть их будет ужасна.

Если всех не поубивают, так вечными холопами сделают, а тут все строения пожгут. Это уж точно произойдет, тут оракулом быть не нужно. За истребление дюжины своих воинов пан Завойский при помощи магната Сартского здесь все вдребезги разнесет. А уж кого поймают, то даже подумать об их участии страшно!

Слишком близко от владений пана стояла их усадьба — и выбор был для них невелик: или переселиться дальше в глухие леса, или в рабство идти. Понятно, что свобода была селянам больше по нраву, и уже сейчас они начали потихоньку увозить имущество и угонять скот.

Да и крестьяне, что в соседней Притуле живут, обязательно им помогут, тем более их родственники тоже там обитают. Один из которых, кстати, старый орденец...

Андрея внутренне передернуло. Ему было не по себе — мало приятного будет, если его открыто в самозванстве при всех уличат. Все будут потрясены, а уж про сына и подумать страшно.

Но и тут Никитин не планировал опускать руки — у него тоже были «козыри» в руках.

Во-первых, орденская татуировка на груди; а во-вторых, присутствует некое внешнее сходство его самого с настоящим командором, это признал искалеченный им же кастелян. Причем мнение нынешнего инвалида очень важно, ведь он вживую общался пятнадцать лет тому назад с командором.

Третий же аргумент Андрея тоже весом — длительная и полная «амнезия», чуть ли не на пятнадцать лет, которую косвенно подтверждали многочисленные шрамы на голове и теле. Плюс то обстоятельство, что на вид нашему лже-командору можно было дать смело весь «полтинник» годов, с учетом обильной седины по всей густой шевелюре...

— Ваша милость!

Просящий голос Мартына вывел Никитина из размышлений, и он повелительно посмотрел на старейшину. Тому стало неловко, что вот посмел побеспокоить командора ордена Креста, но местный староста все-таки набрался решимости заговорить снова:

— Мой покойный брат, царствие ему небесное, упрямо отказывался от всех просьб в Притулу переехать, все надеялся, что у пана Завойского руки до этих мест не дотянутся. Да усадьбу бросать тяжело, ведь горбом своим ставили. Одной только пашни восемь чатей, да борти, да травные луга. А в Притуле столько скота держать трудно, у них только у озера луг, да тот малый. Так что полстада под нож там пустим. Зато селяне обстроиться нам позволят и помогут. Я вот что хотел у тебя попросить, может, вдругорядь выручишь. У тебя кони лишние есть, запасные и вьючные. Да еще лошадки стражников вы мечом взяли. Дай их нам на время, добро наше до Притулы доставить. Но ежели ты сам куда торопишься, то повозку завтра дадим и на вьючных лошадок двух погонщиков.

— Я не тороплюсь никуда, Мартын. Коней бери, сколько надо, можешь всех лишних взять. Но у меня к тебе есть просьба — прими на сохранение все лишнее оружие и доспехи и поставь на прокорм наших коней. Из Белогорья вернись или нарочного к тебе отправлю, то ты ордену все вернешь немедленно и без урона. По рукам?

Ничего не ответил Андрею пожилой староста, только низко, почти до самой земли поклонился. Потом пошел к своим и стал отдавать им приказы, что и как вьючить на трофейных лошадей.

Командор очень охотно согласился на предложенное Мартыном, чтобы все лишнее оружие, доспехи и седла смерды взяли себе на сохранение. Так же как и довольствие всех лишних лошадей, дюжину которых селяне брали под надежный присмотр.

Это шло во благо, ведь с таким большим табуном, как сейчас у него, далеко не уйдешь, да и смердам лошадки были нужны прямо позарез. А трофеи и коней они сразу же командору

вернут, как только тот к ним своего нарочного отправит.

«Люди они бесхитростные, честные. Для них обман своего благодетеля равносителен отказу от христианской веры!»

Вечерело.

Половина хуторян уже отправилась с имуществом и скотиной в Притулу, дотуда им, как понял Никитин из слов Мартына, верст двадцать топать, а это часов шесть, по лесу со скарбом меньше никак не выйдет. Идти ведь по извилистой лесной дорожке, да еще скот с собой гнать. Так что к ночи они доберутся до сельца, а завтра поутру на хутор вернутся.

Андрей огляделся кругом — бабы и девки уже сгоношили роскошный ужин с целым бычком на вертеле, который томился над раскаленными углями.

Во дворе усадьбы соорудили длинные дощатые столы и покрыли все белыми льняными скатертями или простынями — издали не разберешь. Близо подходить или проявить интерес он посчитал неуместным. И так ясно, что поминки по убитым будут, или, как здесь их называют — тризна.

Мужики продолжали укладывать и упаковывать свое имущество, почти все малые ребятишки улеглись спать — дневные злоключения их порядком вымотали.

Его орлы бдительно несли караульную службу — Велемир с Чеславом на тракте, а Прокоп с Досталеком были здесь на хуторе, охраняли пленных. Арни же не отходил от него ни на шаг.

Никитин потянулся, сладко заныли размятые косточки. Затем сплунул и вальяжно подошел к связанным стражникам. Те испуганно заерзали на месте, видно, что боялись они его до смерти, даже дрожь пробила. Если бы рты не были заткнуты, то их зубы бы лязгали. Однако допрос, как бы ни хотелось Андрею, пришлось отложить на более отдаленное время.

Из леса к хутору вышли человек двадцать крестьян, вооруженных короткими луками. Но собаки не загавкали, подбежали к пришедшим, радостно крутя хвостами.

Это было долгожданное подкрепление из Притулы, один из мальцов сразу же убежал туда за подмогой, еще до полудня. Пока селяне собрались, вооружились, да дорогу прошли, то часа четыре прошло, никак не меньше, а то и все пять.

А там и посыльный Силко их встретил, так что торопиться никакой нужды уже не имелось. Среди прибывших вышел и воин, одетый в выцветшую на солнце алую орденскую накидку, подобную той, которая была на самом Андрее надета.

— Арни, сходи к ним, — приказал Андрей и подозвал к себе девчонку, что пробежала мимо: — Ведро воды принеси, обмыться надо!

Девчонка шустро понеслась к колодцу, Никитин стал стягивать через голову пропотевшую, разящую едким запахом рубаху, а сам краем глаза наблюдал, как обнялись два орденца, и Арни тут же начал что-то втолковывать своему собрату по оружию.

Тот подскочил на месте, как ужаленный тарантулом за причинное место. Андрей хорошо разглядел мгновенно сменяющие друг друга гримасы — от удивления до дикой радости.

Старый орденец был невысок, чуть ли не на полголовы ниже Никитина, но широк в плечах, коренаст, жилист. Такие воины обычно подвижны в схватке и к тому же обладают достаточно сильным ударом, а это Андрей прекрасно знал по своему опыту.

Грумуж был примерно его ровесником, лет сорока на вид, и, как знал Никитин, отслужил ордену два полных срока. И такое весьма возможно, если вступил в орден в шестнадцать годков, что здесь принято.

«И в сорок лет есть своя прелесть — здоровье побегать еще имеется, и опыта в схватках достаточно, выше крыши».

Грумуж только секунду потратил на осмотр места баталии и упругим шагом, быстро, чуть ли не вприпрыжку, подошел к командору.

Он потрясенно уставился на его грудь, вцепившись в нее глазами. Встретившись с взглядом Андрея, вздрогнул и рухнул перед ним на одно колено:

— Я рад тебя видеть, брат-командор! Но как ты спасся на Каталаунском поле?! Я собственными глазами видел, как изрубили твой отряд. Тебя считали погибшим, прости за такие слова, брат-командор, ведь пятнадцать лет от тебя не было вестей. И очень трудно сейчас узнать — постарел, сильно поседел, лицо изрезано шрамами. Только одни глаза прежними остались...

— На все воля Божья! И не нам в ней сомневаться! — резко отрезал Андрей и заметил, как вздрогнул старый орденец. — Устал я сегодня, третья схватка за два дня, а года уже не те. Полей мне воды, брат, ополоснусь немного.

Грумуж взял у девчонки ковшик, зачерпнул воды из ведра. Андрей неспешно мылся — холодная вода принесла бодрость, усталость отступила. Но краем глаза он подсматривал за орденцом, видел, как его лицо светилось непередаваемой радостью.

Никитину даже показалось, что тот стал шептать про себя благодарственную молитву. На такую реакцию и рассчитывал Андрей — первый его козырь прошел без сучка без задоринки.

«Но что же, раздери тебя бабай, обозначает эта шифровка в данном мире, вернее у крестоносцев! Видно, немало она весит, если Грумуж встал передо мною на колено и поцеловал руку, будто я монарх или священник. Разгадать бы быстрее».

Закончив умыwanie, Андрей вытерся рушником и надел свежую полотняную рубаху. Кольчугу и кирасу надевать не стал, только накинул перевязь с командорским мечом.

Грумужа чуть ли кондратий не стукнул при виде клинка, его глаза повлажнели, а слова будто бы пошли из самого сердца:

— Прости, брат-командор, за поспешные слова. Теперь на тело твое да голову взглянул и понял, что винить тебя за долгое отсутствие никак нельзя. Прости великодушно... Где ты эти годы провел, от страшных ран мучения принимая?! Прости!

— Да ничего, что было, то было, сделанного и упущенного не воротишь!

Андрей отвечал неопределенно, опасаясь обнаружить свое полное невежество. И искренне надеясь в глубине души, что Арни позднее изложит Грумужу его же рассказ. Так будет намного лучше, да и сегодняшняя холодность получит объяснение.

— А ведь сына твоего я знаю! — неожиданно сказал Грумуж. — И рад, что ты его нашел. Последний раз я Велемира семь лет назад видел, в Бужовском замке. Послушай, брат-командор, да ведь это же он. Ну и вырос твой Велемир, возмужал, настоящий воин. Боже мой, он ведь походит на тебя, как две капли воды, только моложе. Разрешишь мне обнять его?

Андрей повернулся — действительно, Велемир с Чеславом уже вернулись в усадьбу. Сын сразу к ним подъехал, проворно соскочил с коня и, присмотревшись к собеседнику отца, громко воскликнул:

— Дядька Грумуж?! Так ты жив? А мой пан говорил, что тебя в Еловицах воины Сартского зарубили...

Юноша порывисто бросился в объятия лучника, правда, получив взглядом предварительное согласие отца. Велемир хлопал Грумужа по спине, тот гладил его по волосам — оба были искренне рады, это не театр, фальшь за версту будет видно.

И тут Никитин припомнил, что ведь сын говорил ему о Грумуже, не называя имени и считая воина убитым в какой-то стычке. Тогда Андрей пропустил слова мимо ушей, но сейчас они всплыли в памяти. Этот орденец несколько раз привозил его матери деньги, всячески заботился о мальчике, памятуя об его настоящем отце.

Андрею старый вояка очень понравился, такие не предадут, драться будут до конца, и запугать их невозможно. Да и осторожен вельми, селян он держал на расстоянии, чтоб не подслушали их разговор, и спиной заслонял его так умело, что шифровку на груди вряд ли кто

из них мог увидеть.

Оно и к лучшему, теперь у него второй опытный воин будет, опора и «дядька» для новобранцев. Арни ведь не может разорваться — и его охранять, и молодняк воинскому ремеслу обучать.

Словно подслушав затаенные мысли, Грумуж похлопал Велемира по плечу и подошел обратно к Андрею:

— Я пойду с тобой до конца, брат-командор. Я был с орденом в дни побед, пережил с ним проклятие Каталаунского поражения, влачил жалкое существование долгого забвения и людского равнодушия. Останусь до конца, даже если мы погибнем в скором бою...

— Пусть лучше враг наш вскоре падет, а мы с тобой, Грумуж, переживем их, и как можно дольше. Я тут кастеляна пана Сартского с людьми намеренно встретил в одном заведении...

Андрей в мельчайших подробностях рассказал Грумужу о своем посещении. Грумуж слушал Никитина с напряженным вниманием, ни одного раза не улыбнулся, а только покачивал головой и задумчиво хмурил брови.

Когда командор окончил свой недолгий рассказ, то лицо воина окаменело мышцами и превратилось в маску. После долгой и томительной паузы Грумуж медленно заговорил:

— С паном Анджеем у тебя, брат-командор, старые счеты. Он тогда молокососом был и бросил отряд брата-рыцаря Добвала у «Черных скал». Не за подмогой поехал, а позорно бежал. Все орденцы погибли, не получив помощи. Ты тогда поклялся, что переломаешь предателю ноги за постыдное бегство. Что ж, свою клятву ты выполнил, брат-командор, хотя и через пятнадцать лет. Но ты зря эту гадину не убил, теперь пан Сартский знает, что ты здесь, и начнет охоту...

— Уже начал, Грумуж. Два дня назад я с Арни и сыном расстреляли из луков и арбалетов оруженосца Сартского, трех конных стрелков и восемь воинов. Они за нами погоней шли, с заводными лошадьми...

— Дюжину втроем перебили?

Грумуж даже хмыкнул от удивления и с искренним уважением посмотрел на Арни и Велемира, что оживленно переговаривались в стороне.

— Хорошее начало, брат-командор! И здесь, я вижу, полный десяток положили, если не считать тех сволочей, что привязаны к деревьям. Если так пойдет и дальше, то через какую-то пару месяцев местный магнат совсем без ратников останется, мы их всех перебьем. И на развод не останется! — сквозь зубы пошутил Грумуж, но лицо его продолжало оставаться задумчивым.

— Тебя что-то беспокоит? Ты стал каким-то отрешенным, что ли...

— Я тут с женщиной сошелся, брат-командор, и дочь у меня. Ей всего три годика, и если снова вернусь в орден, а я решил это сделать, то...

— Не надо больше слов! Сейчас решим этот вопрос!

Никитин поступал всегда в соответствии со старым правилом — «решай личные проблемы подчиненных, и в бою они тебя никогда не подведут, ибо забот в мыслях не будет». Андрей тут же отослал Велемира с приказом найти Мартына. Через пару минут крестьянин подошел к ним.

— У меня к тебе дело! — без предисловий начал Никитин, показывая рукой на Грумужу. — Он твой двоюродный брат, а это для тебя много значит. Но он к тому же орденец, а это для меня много значит. Возьмешь его жену на свое полное содержание? А взамен я тебе либо коней дам, либо денег...

— Ни коней, ни денег я не возьму, а ее к себе в дом заберу сразу, только нам его надо вначале построить. Я и сам хотел Грумужу это предложить, но ты меня, ваша милость, опередил. Служи спокойно, мой брат, а за свою женщину и дочь не беспокойся, мы за ними приглядим.

Мартын остановился, посмотрел на лучника, затем обернулся и погрозил бабам,

копошались во дворе, крепким кулаком. В чем провинились женщины, Андрей не понял, а староста продолжил свою речь:

— И еще одно, ваша милость. Мой внучатый племян, старший внук Ракиты, просит его в орден принять. Он сегодня деда и мать в одночасье лишился. Парень крепкий, с лука бьет хорошо, да у нас все из него прилично стрелы пускают. На коне еще скачет, как к нему приросший, ножом и топором может биться. Возьми парня, ваша милость, с него добрый воин вырастет. А что всего четырнадцать годков ему, то не беда, еще подрастет. У тебя, я смотрю, все парни совсем молодешеньки, вряд ли кому из них восемнадцать лет стукнуло...

— Хорошо, пусть к Велемиру подойдет, мой сын за ним присмотрит. И присягу у него приму завтра, поутру!

Услышав ответ командора, Мартын почтительно поклонился ему в пояс и пошел в дом, из которого женщины продолжали выносить и выносить туго набитые баулы...

Мытарей допросили, когда стемнело, при свете пламени. С «пристрастием» спрашивали, грозя засунуть ноги в оранжевые угли. Но пытка не потребовалась — пленники «запели» в два голоса, и очень охотно, поведав немало интересного.

Но отнюдь не радостного — паны Завойский и Сартский, вкупе с другими панами, что все вместе слабее их, а потому и подручники, вознамерились полностью подмять под себя остатки орденского наследия в Белогорье.

Сами магнаты, два сапога пара, соберут для того немалую силу — десяток полных рыцарских «копий», да три сотни пеших и конных воев, половину которых составляют наемники. Плюс еще две сотни воинов и пять «копий» должны были выставить союзные магнатам паны.

«Получается неслабо — по три сотни конных и пеших воинов, а в качестве дополнительного бонуса еще три десятка тяжеловооруженных рыцарей и оруженосцев, что сами по себе мощь неимоверная. Кажется, Белогорью наступит полный трындец. По местным раскладам мощь неимоверная, с орденской хилостью в сравнение не идет!»

Грумуж даже почернел лицом, пробормотав, что до Каталаунской сечи орден Святого Креста справился бы с легкостью с такой угрозой, только с одним нахрапистым паном Сартским, хотя и с немалым трудом, отправив чуть ли не половину своих «служителей». А вот война со всей панской коалицией даже крестоносцам была бы не по зубам.

Слава Богу, Грумуж благодарно перекрестился, мощное панское воинство нужно было еще собрать, а на мобилизацию требовалось самое малое не менее пяти недель.

Дабы отвлечься от дум, Никитин устроил над пленниками орденский суд, где сам и стал главным обвинителем, помимо своей воли. Но делать было нечего, как говорится, положение обязывает.

Молодого ратника, который не только не участвовал в насилиях над селянами, но и уговаривал своего десятника не мучить девочку, смерды отпустили на все четыре стороны. А второго, который зарубил мать девочки, решено было казнить.

Судья все же пожалел грабителя — Андрей сделал знак Прокопу, а тот, не раздумывая, рубанул того секирой...

Никитин устало вытянул ноги, лежа на мягкой попоне, постеленной поверху большой охапки духмянистой соломы. Можно было в доме переночевать, в теплой постели, на чем настаивали благодарные селяне, заботливый Арни и уставшее до ломоты тело.

Однако Андрей настоял на своем. Зачем требовать к себе какого-то особого отношения, командиры так не поступают.

Трудный день, наконец, закончился, Никитин предвкушал долгожданный отдых. Ныли плечи, уставшие от тяжести носимой на них брони, но настроение можно было назвать прекрасным. И за самозванца его не приняли, и цель близка, и отряд на два воина увеличился.

Правда, Грумуж с Иванко, так звали юного внука Ракиты, смогут приехать в Белогорье через пять-семь дней, им надо в Притуле своим еще помочь на месте обстроиться.

Теперь орденцев в его отряде уже семеро, да у Бялы Гуры старый рыцарь, что стал священником, а с ним еще три-четыре ордена живут. Там для него еще одна проверка предстоит, более сложная, но эта головная боль будет позже, не сейчас о ней думать.

«Непонятно, что же делать мне с ними дальше — сплошная неизвестность, да кошки на душе скребут. И пятки зудят от острого желания сделать ноги куда подальше. А к ним нужно прислушиваться — еще ни разу не подводили, как и пятая точка. Если рассуждать о

перспективе, то ждет нас всех полная задница! Бежать нужно, с крестьянского ополчения невелика помощь и защита».

Андрей наскоро прикинул полный мобилизационный ресурс бывших орденских владений — двадцать процентов от трех тысяч составляло шесть сотен крестьян, скверно вооруженных, необученных, от безусых юнцов до стариков. Это ополчение рыцари запросто затопчут копытами своих скакунов и не заметят толком.

«И оставаться защищать их есть полное безумие — с десятка воинов невелика поддержка!»

Но то говорил разум, видевший войну, пусть и не ту. А вот сердце противилось такому решению — уж больно радушно их встретили, как своих благодетелей и защитников.

Мартын уговорил Никитина принять в подарок два арабских дальнобойных лука, трофеи в последней войне, после которой крестьяне и покинули разоренную Словакию.

Эти луки стреляли на шестьсот шагов, почти вдвое дальше, чем обычные охотничьи, больше похожие на недлинные обработанные палки.

У Велемира глаза разгорелись, когда Андрей дал ему этот чудесный лук. Вторым заполучил Груму, который после Каталаунского побоища служил десятником «синих», так звали конных стрелков ордена из-за их синих плащей.

Потом Груму воевал лучником в «копье» брата-рыцаря Вацлава, до самой гибели последнего и почти всех его воинов от подлого нападения отряда пана Сартского...

От других даров Андрей наотрез отказался, хотя смерды собрали целый ворох серебряных украшений, а к ним небольшой золотой самородок в придачу.

Кое-как отбрехался от навязываемых поминков, по-местному подарков, и от длительного участия в тризне, звуки которой еще доносились снаружи, а иногда звучали и печальные ноющие песни...

Дверь в амбар тихо отворилась, и Андрей машинально ухватился за рукоять лежащего под рукой меча. Иметь оружие под боком в нынешнем его положении вещь действительно необходимая.

Но, разглядев вошедшего, тут же успокоился, отдернув ладонь. То явилась та пигалица в сарафане, что ведро с водой принесла.

Но сейчас девица была одета в длинную ночную рубашку. Тихонько подошла к нему и встала на колени перед ложем. Никитин пребывал в некоторой растерянности от столь позднего и неожиданного визита, а девушка, наклонившись, тихо зашептала:

— Ваша милость, вам здесь одиноко, дозволейте, я с вами эту ночь побуду, вашу постель согрею...

Андрей гневно заскрипел зубами, еле сдерживаясь от вспышки. Такое навязчивое гостеприимство пришлось ему не по вкусу. Вряд ли это самодеятельность, тут так не принято, чтобы девицы неуместную инициативу проявляли. Причем проверить можно легко.

— Ты хоть с мужиками дело имела, девочка? — тихо спросил ее Андрей, а так как та чуть боязливо всхлипнула, мотнув головой, понял, что сего опыта у нее еще не было. — Тебя Мартын ко мне отправил?

— Да, ваша милость...

— Иди к себе, девочка. Мартыну завтра скажи, что я в голой благодарности, в прямом смысле, не нуждаюсь. Впрочем, ничего ему не говори, незачем, я его понимаю. А иди-ка ты спи лучше, кроха! — напутствовал он ее тихо, вежливо выпроваживая.

«Какими черствыми людьми надо быть, чтобы девчушку заставить идти к нему в постель, после всего того, что она зрела у насильников, что женщин несколько часов назад мучили здесь во дворе?!»

Но не тут-то было — девушка вцепилась в его руку словно клещ, громко всхлипнула, и

Андрей ощутил, как на кожу упали горячие капли.

— Зачем гонишь, ваша милость?! Разве я уродина непотребная? Мне же жизнь будет не мила, лучше в омут головою...

— Ну, так и в омут? — Заявление девчонки ошарашило Никитина.

— Мне прохода не будет, от деда и тяти особенно. Это ж позор неслыханный на весь род падет!

— Охренеть! — только и нашел что выдать из себя Андрей и совсем тихо добавил: — Ну и нравы в вашем научном институте...

— В чем в чем? — Девушка перестала всхлипывать, наострив ушки.

— Да это я так, о своем, девичьем, — отмахнулся от вопроса Андрей, лихорадочно размышляя, как бы ему половчее выкрутиться. Что-что, а педофилом становиться на старости лет совсем негоже. — Ну как же тятя твой не соображает, что ведь ты запросто дитя можешь понести. Кто ж тебя такую замуж возьмет?

— Да кто угодно, от женихов отбоя не будет! — Такое искреннее изумление вырвалось прямо из девичьей души, что Никитина вдругорядь оторопь взяла, будто кирпичом по темечку получил.

— Как представлю, что сын у меня будет такой, как Велемир, так грудь распирает от гордости! — Девичьи руки перешли в решительное наступление, в ответ тело командора покрылось мурашками. — Ярине он на ночь сегодня достался, а я же лучше ее, я самая красивая, а потому тебе принадлежать должна!

«Да я что вам — племенной жеребец?! Да и „первопроходцем“ становиться особой охоты нет! С ней мороки больше, чем прока в постели... Я даже имени ее не ведаю!» — возопила душа, словно четверть века жизни и не прошло.

Хотя сейчас, в отличие от того давнего дня, опасаться марша Мендельсона не стоило. Но тут дело было в другом. И неожиданно его осенило.

— Видишь ли, лапуша! — Он перехватил девичьи руки, пусть и неумелые, но ласка от них становилась чересчур горячей, видно, опытные бабенки девчушку консультировали, за что хвататься и что у мужика гладить. — Я обет дал, нельзя мне сейчас!

— На год и один день? Как рыцари дают?!

Девушка потрясенно вскрикнула, и тут же, как показалось Никитину, непритворно всхлипнула от огорчения.

— Да-да, — радостно возопил Андрей. Он не ожидал, что девушка сама придет к нему на помощь в таком сложном деле. И уточнил, максимально растягивая срок, мало ли что может произойти в будущем:

— Две недели тому назад его дал, дабы освободить здешние орденские земли от захватчиков!

— Ах! — только вздохнула девушка и тут же быстро сказала: — Но пройдет год, и ты подаришь мне дитя!

Именно так и прозвучало — не вопрос или просьба, а требование. Андрей скривился, но деваться было некуда. Он быстро ответил, стараясь поскорее отвязаться:

— Конечно!

— Хорошо, — радостно всхлипнула девушка и тут же прижалась к нему всем телом, наклонившись. — Не гони сейчас свою Преславу, дай ей с тобой переночевать, мне ж все девки и бабы завидовать будут. Я и постель твою согрею, и от меня тебе тепло ночью будет.

— Спи ты рядышком, но без всяких глупостей, — согласился с ней Андрей и отодвинулся вглубь, приподняв край мехового одеяла.

Преслава туда скользнула как угорь, прижалась горячим телом и радостно замурлыкала

довольной кошкой.

Никитин приобнял ее за плечи, напряженно размышляя, на чем же провела его эта Евина дочка, хитрость которых в таких делах общеизвестна, и возраст этому делу не помеха.

«Что молодка, что женка — любого мужика вокруг пальца обведут!»

После полудня, по заметной горной тропе, окруженной стройными соснами и березами, шестеро всадников в красных орденских плащах и с двумя заводными лошадьми подъехали к приткнувшемуся у невысокой скалы убогому домику.

Каменные толстые стены, крытая гнилой соломой крыша, проем, где вместо обычной двери была навешана грубая и местами рваная холстина, — все говорило о чрезвычайной скромности и бедности хозяина этой заброшенной хижины.

Андрей внимательно осмотрел постройку снаружи, а так как никто не подавал признаков жизни, то он, недолго думая, откинул холстину и осмотрел дом внутри.

В правом дальнем углу дома было распятие, несколько икон и горевшая лампадка, в углу у самого входа охапка соломы — ложе. Рядом, завешанная холстиной, ниша — видно, предназначена для разных пожитков и утвари. И все — такая чистенькая нищета.

Впрочем, именно такой представлял обстановку Андрей в жилище настоящего священника, который служит только Богу, а не мамоне.

Они доехали к своей цели, но хозяина не оказалось дома. Теперь осталось только терпеливо дожидаться его прихода. А ждать в этой жизни Никитин давно научился.

Здесь жил отшельником священник, рыцарь ордена Святого Креста — один из трех уцелевших к этому дню братьев-рыцарей, что сражались в ордене до страшной Каталаунской сечи.

Теперь и сейчас Андрей хотел окончательно определиться в этом новом для него мире — или его признают за своего, или он будет уличен в самозванстве, третьего уже не дано...

Бивак привычно разбили за считанные минуты. Метрах в ста от хижины по дубовой рощице протекал ручей с хрустальной ледяной водой, на полянах еще зеленела трава.

Коней расседлали, тут же молодежь принялась кашеварить, а Никитин, не менее привычно, решил принять обязательные, ставшие для него почти ритуальными водные процедуры.

Холодная вода обожгла хоть и закаленное, но разгоряченное долгой ездой его сильное тело, и Андрей, желая разогреться после купания, стал очень энергично растираться большим рушником, прихваченным у Мартына.

Растирая до красноты тело, он не терял бдительности и постоянно осматривал окрестности, а потому заметил, как Арни внезапно насторожился. Но за оружие он хвататься не стал, расслабился, обмякнув лицом, будто знакомого увидел.

Из-за деревьев на неширокую, избитую повозками дорогу вышел человек в длинной сутане — крепкий на вид мужик полста лет на первый взгляд, с изрядно поседевшей бородой и шевелюрой.

В правой руке он держал суковатую палку. Священник шел к ним прямо, сильно прихрамывая на правую ногу. Опирался на костыль, но с достоинством, гордо выпрямив спину.

Любой знающий человек признал бы в нем отставного военного, да не маленьких чинов. Уж больно спокойно и уверенно шествовал, а отнюдь не шел, этот старый отшельник, который, несмотря на принятый сан, оставался рыцарем ордена Святого Креста.

Андрей, продолжая стоять спиной, уже закончил растираться полотенцем, когда своим спинным мозгом почувствовал приблизившегося священника. Никитин спокойно обернулся к нему, накинув мокрое полотенце себе на плечи...

— Я рад вас видеть, братья мои!

Голос отшельника звучал ласково и спокойно, идя как бы из глубины души этого человека. Он размашисто перекрестил каждого орденца, которые склонили перед ним головы. И тут его

взгляд уткнулся в Андрея.

— Бог мой!!!

Старика будто разом покинули силы, и не поддержи его Арни, который молниеносно бросился вперед, священник бы осел на землю. Его лицо накрыла меловая белизна, а рука медленно сотворила крестное знамение. Глаза широко распахнулись, но морок не рассеялся:

— Андреас фон Верт?! Командор?! Не может быть! — не верящим в чудо, мгновенно охрипшим голосом спросил священник и крепко потер ладонью глаза, словно желая убедиться, что его не обманывает зрение. — Чем я могу послужить тебе, брат-командор?! Это Божье провидение, что я увидел тебя, а ты не призрак или сон!

Старик заговорил дрожащим голосом, дернув горлом, будто сдерживая подступавшее рыдание. За эти секунды он будто добавил себе еще два десятка лет, настолько осунулся лицом и постарел.

— Я счастлив снова увидеть тебя, командор. Хотя собственными глазами видел, как рубили тебя свирепые магометане, как ты свалился вместе с конем, как полностью погибло под басурманскими саблями твое «копье». И упала твоя хоругвь...

Старик с трудом сглотнул, на его глазах выступили слезы. Он оперся на руку Арни, постоял и на дрожащих ногах пошел навстречу, раскинув руки для объятий:

— Дай я тебя прижму к своей груди, брат!

Объятия старика оказались крепкими, Андрея сдавило словно тисками. Шея ощутила горячее прерывистое дыхание. Никитин тоже обнял священника, прижал его к себе, но тут же почувствовал, как резко напрягся старик, и решительным движением отшатнулся от него.

Андрей обомлел — священника было не узнать. Произошла странная метаморфоза, тот прямо на глазах превратился в еще крепкого и молодцеватого воина, очень опасного противника, готового в любую секунду нанести молниеносный смертельный удар.

Старик весь подобрался, плечи расправились, а глаза полыхнули недобрым огнем. И голос у него стал другой — в нем чуть звякнул металл:

— Сынове мои, сходите по тропе вверх, далеко за хижину, принесите вязанки хвороста, они лежат там, за скалой...

Священник уже взял себя в руки, ничем не выдавая охвативших его чувств, и обратился он ко всем пятерым молодым орденцам:

— Сходите вместе, вязанок там много. За раз единый и принесете. А здесь я сушину давно всю выбрал.

Юноши вначале вопросительно посмотрели на Андрея, и тот чуть заметно кивнул им в ответ головой, как бы соглашаясь с просьбой отшельника. Только Арни остался на месте, и Никитину пришлось бросить на него свирепый взгляд.

Орденец только вздохнул в ответ и покорно отправился следом за парнями. Отшельник молча посмотрел им в спину, покачивая седой головой и задумчиво наморщив лоб.

«Недолго музыка звучала, недолго фраер танцевал. Кажется, Штирлиц провалился», — Андрей хмыкнул в глубине своей души, священник явно стремился остаться с ним наедине.

— Пойдем в келью. Там и поговорим о некоторых странностях. Перед Богом свет истины не утаишь!

Священник повернулся и тяжело пошел к дому. Андрей накинул на себя рубашку, взял меч с перевязью в руку и отправился следом, чувствуя копчиком, что его сейчас не плюшками будут потчевать. Все понятно и так — братом и командором он перестал считаться.

— Ну что ж! Как говорил лучший друг физкультурников: есть человек — есть проблема, а нет человека, нет и проблемы.

Андрей недобро улыбнулся вслед и сделал шаг, опустив ладонь на холодную рукоять

меча...